
Sm 6611
2

БЫТІЕ
СЕРДЦА МОЕГО.

БЫТІЕ СЕРДЦА МОЕГО,

или

СТИХОТВОРЕНІЯ

КНЯЗЯ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ДОЛГОРУКАГО.

Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ!
Трубы похвальной не ищу.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЮБОВНЫЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1817.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. СПБ. Мая 1го дня 1817 года. *Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Тимковской.*

Я.

Ты хочешь знать меня? — Изволь, мой
другЪ, скажу,
И сЪ радостью тебѣ портретЪ мой покажу;
Со всѣмЪ, что БогЪ ни далЪ, на сцену я пред-
стану;
ПороковЪ убирать моихЪ отнюдь не стану.
ТакЪ слушай же теперь, кто я, чей сынЪ,
чей внукЪ,
И вЪ правдѣ словЪ моихЪ повѣрь мнѣ безЪ
порукЪ.

Я мѣлкая кроха Князей тѣхЪ крупныхЪ,
славныхЪ,
ИзЪ коихЪ на Руси одинЪ во дняхЪ недавныхЪ
Великому Царю велику правду рекЪ.
Не мнѣ чета былЪ Князь и громкой человѣкЪ!
Всю жизнь свою провелЪ вЪ обычаѣ угрюмомЪ,
Отечества былЪ столпЪ, отцу его былЪ
другомЪ.
ВнукЪ этаго — мой дѣдЪ — позналЪ, какЪ
говорятЪ,
Что вправду близь Царя — близь смерти
всѣ стоятЪ.
МонархЪ его любилЪ, вельможи величали;
ТамЪ сосланЪ и казненЪ — и поминай какЪ
звали!
Жена его сЪ нимЪ все дѣлила, такЪ какЪ другЪ,
Милѣй самой себя ей былЪ ея супругЪ;

Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спа-
салась,
И схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.
Отецъ мой (и того уже къ себѣ взялъ Богъ)
Душею былъ богатъ, а щастіемъ убогъ.
Моя почтенна мать тяжелой крестъ свой
носитъ,
Въ недугахъ изнурясь, вседневно смерти про-
ситъ.
А я Jeannot tout court и голъ, такъ какъ соколъ.
Служа 18 лѣтъ, въ четвертой классъ вошелъ.
Жена моя добра, люблю ее какъ душу,
Люблю — но и подъ часъ трясу ее какъ грушу.
Дѣтей вокругъ себя привелъ Богъ восемь
счесть;
Но двухъ спросилъ назадъ, осталось только
шесть.
Творецъ да будетъ имъ прибѣжище и сила,
И что восхощетъ Онъ, чтобъ съ ними то и
было!
За Нимъ, увѣренъ я, ни что не пропадетъ:
Молитва, вздохъ, слеза — все мзду свою
найдетъ.
Доволенъ будь, мой другъ, ты сею родословной!
Займу тебя теперь я описью подробной
Всего того, что здѣсь своимъ могу назвать.—
Снаружи напередъ начну я рисовать.
Натура маску мнѣ прескверну отпустила,
А нижню челюсть такъ запасну припустила,
Что можнобъ изъ нее по нуждѣ, такъ сказать,
Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать;
Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу,
То есть я близорукъ, — ларнета ненавижу;

Хоть ростомъ никогда не буду великанъ,
Но въ рекрутской наборъ и мой годится станъ.
Вотъ все, что мнѣ на крестъ Природа положила!
Увидимъ ниже, чѣмъ душонку снарядила.
Но вмѣстѣ все смѣшавъ, не льзя ей попѣнять,
Чтобъ мѣтила во мнѣ товаръ лицомъ продать.
Родитель мой меня воспитывалъ, какъ должно:
Учился я всему, чему придумать можно;
Да что-то я на все тупенекъ съ малу былъ:
Иное не далось, иное позабылъ.
По мѣрѣ лѣтъ моихъ прошелъ я всѣ науки,
На разныхъ языкахъ мололи мнѣ азъ, буки;
Латынь, одну Латынь — по складу, по толкамъ,
Твердилъ семь битыхъ лѣтъ, и все по пустякамъ;
Что денегъ Богъ пошлетъ, въ минуту сосчитаю,
А Математики совсѣмъ, мой другъ, не знаю,
И сколько мастеровъ ни смучилъ я за ней,
Дошелъ до дѣлежа, и въ пень сталъ у дробей.
Учился фехтовать за дорогую цѣну,
И вѣчно попадалъ не въ цѣль, а прямо въ стѣну.
Бивалъ всѣ въ барабанъ бои до одного,
А нынѣ, хоть убей, не помню ничего.
Въ манежѣ три зимы меняль не муштровали,
Къ ѣздѣ на лошадяхъ всемѣрно пріучали;
Но всуе зятѣвать, чего нѣтъ на роду:
Не только что съ коня, съ клячонки упаду.
Ты выдишь, что я льстить нимало не намѣренъ,
И такъ въ моихъ словахъ пожалуй будь увѣренъ.

Учился я всему, но былъ успѣхъ въ томъ
плохъ;
Наука въ сторонѣ, а я сталъ скамарохъ:
Пляшу, пою, рѣзвлюсь, комедіи играю,
И въ знатныхъ людяхъ тѣмъ по нуждѣ промышляю.
Спасибо, что хотя на что нибудь да гожъ!—
До сихъ поръ мой портретъ со мною очень
схожъ;
Жаль только, что моя пропала штукатура!
Посмотримъ, чѣмъ внутри снабдила мать
Натура.
Слыхалъ я отъ жены, что будто я уменъ;
Быть можетъ, что и впрямь въ своемъ углу
смышленъ.
Когда о чемъ нибудь я съ ней перебиваю,
Скажу безъ хвастовства, не все же повираю.
Да въ этомъ вслухъ не льзя признаться мнѣ
никакъ;
А то вить скажутъ всѣ: какой - сто онъ
дуракъ!
Пусть буду я таковъ, я право не сержуся
За то, что въ списокъ вашъ, людъ умной,
не гожуся.
Не чванъ ли я? — О нѣтъ! и естьлибъ знатенъ былъ,
За всякой бы поклонъ поклономъ я платилъ.
Самолюбивъ ли я? — Къ нещастью очень
много,
И сей порокъ во мнѣ хоть школятъ очень
строго,
Но что же дѣлать съ нимъ, коль слабъ его
унять?

Во всѣхъ частяхъ собой кто можетъ управлять?
Я дикъ, тяжелъ и грубъ; но льзя ли быть иначе
Съ развратными людьми, съ такими наипаче,
Которымъ, говоря о правдѣ каждой часъ,
Все бойся, какъ бы имъ не трафить нам-
немъ въ глазъ?
Пріятноль встрѣтить вдругъ на рыцарской
ходули
Того, кто въ цѣлой вѣкъ не видывалъ и пули?
Что хочешь говори, бичуется вся кровь,
Когда иной подлецъ вздымаетъ горду бровь,
Когда самъ о себѣ и Богъ вѣсть что мечтаетъ,
Увѣрить хочетъ всѣхъ, что звѣзды онъ
хватаетъ;
А ты, когда предъ нимъ какъ подлый рабъ
стоишь,
Внутри своей души въ алтынъ его цѣнишь.
Я гибкости въ себѣ ни мало не имѣю,
Въ клубокъ ни передъ кѣмъ свернуться не
умѣю;
Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ
велитъ,
И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть под-
крѣпитъ.
Я вспыльчивъ, но во мнѣ духъ злобы не гнѣ-
здится
И мщеніемъ моя душа не возгорится.
Коварствовать ни съ кѣмъ не смыслю никогда,
И съ чувствами языкъ согласенъ мой всегда.
Здоровьемъ небогатъ, однакоже доволенъ,
И, слава Богу! я не очень часто болѣнъ.
Въ герои не влечетъ меня мой тихой шагъ;
По склонности ушелъ отъ рыцарскихъ отвагъ.

Не зная, лучше что изъ этихъ двухъ игрушекъ:
Пырнуть ножемъ въ углу, иль дать туза изъ пушекъ,
По логикѣ моей давно расположилъ,
Что такъ ли, или сякъ, да плохо, какъ убилъ.
Мнѣ мамки натвердя: вонъ, батюшка Князь, бука!
Пугнули такъ, что я боялся долго жука;
А нынче, какъ ужь сталъ немножко смышленѣй,
Такъ только лишь однихъ боюсь, мой другъ — людей,
И для того отъ нихъ поодаль часто жмуся,
Изъ заугла на ихъ проказы я смѣюся: —
Подобно какъ въ лѣсу громовою стрѣлой
Падетъ разбитъ въ щепы кудрявой дубъ большой;
Громадою его весь мѣлкой лѣсъ разится;
Что прежде защищалъ, то въ мигъ стремглавъ валится;
Въ тожъ время деревцо въ кустарникѣ глухомъ,
Гдѣ чуть-чуть раздались стихіевъ пря и громъ,
Отъ солнышка въ тѣни, отъ бурь въ уединеньи
Разгнѣванныхъ небесъ не чувствуетъ волненьи.
Природа не дала мнѣ больше сихъ даровъ;
Весь тутъ, какъ видишь ты, и безъ обиняковъ.
Но спросишь ты меня, чѣмъ въ жизни наслаждаюсь,
И въ праздности какой забавой занимаюсь? —
Мой другъ! отъ картъ меня уволить я прошу,
Бостону жертвы я совсѣмъ не приношу;
За зайцемъ по полямъ съ собаками гоняться, —
Симъ правомъ сильнаго не мастеръ величаться.

О женщины! лишь васЪ сЪ пристрастіемЪ
люблю;
За васЪ — для васЪ — по васЪ я многое
стерплю!
Лишь взвижу гдѣ карнетЪ, — пропалЪ душой
и тѣломЪ!
Не думай, чтобЪ шутилЪ; нѣтЪ право, са-
мымЪ дѣломЪ.
КакихЪ краевЪ и лицЪ я женщину ни зрю,
ГотовЪ для всякой храмЪ и сердцемЪ всѣхЪ
дарю.
Премудрости БоговЪ о ты залогЪ прекрасной—
О женщины! какой не любитЪ васЪ нещастной?
При васЪ я и крохамЪ сухаго хлѣба радЪ;
БезЪ васЪ — ненадо мнѣ и мраморныхЪ палатЪ.
Причины у всего просилЪ я околодка,
Почто я весь не свой, какЪ встрѣтится
красотка;
ВсякЪ бредитЪ свой доводЪ, а кажется всѣ
врутЪ.
Что нужды, пусть меня СердечкинымЪ зовутЪ;
Купиду, вѣрь мой другЪ, никто не одолѣетЪ,
И всякЪ изЪ насЪ его по своему лелѣетЪ.
Доколѣ свѣтЪ стоитЪ и смертныхЪ родЪ
живетЪ,
ОтЪ женщинЪ насЪ ничто нигдѣ не отвлечетЪ.
Всѣ моды проходя, одна другой мѣнялись:
Мущины то вЪ шишакЪ, то вЪ шали наряжались.
Бывало, какЪ изволь, вездѣ безЪ пошлинЪ ври;
А нынче сядь за столЪ, и дѣлай de l'esprit.
ВѣкЪ на вѣкЪ не придетЪ: то вдругЪ затѣютЪ
драться,

То примутся пахать, хозяйствомъ заниматься;
Теперь же посмотри (когда весь міръ вверхъ дномъ),
Мущина за канва, а женщина верьхомъ....
Прости — я отъ моей матеріи отбился;
Но въ слабостямъ людскимъ отчасти устремился
На тотъ одинъ конецъ, чтобъ дѣломъ показать,
Что тотъ же вкусъ всегда не можетъ насъ плѣнять.
И такъ, среди всего, что толь непостоянно,
Амуръ! хоть отъ тебя сердцамъ людскимъ изъянно,
Амуръ! одинъ лишь ты съ Адамовыхъ временъ
Дань бралъ и будешь брать со всѣхъ земныхъ племенъ.
Адамъ въ Раю одинъ за Еввою гонялся,
Потомство тѣмъ взманилъ, — весь свѣтъ съ тѣхъ поръ влюблялся,
Но съ той по временамъ и людямъ разнотой,
Что всѣ любезны быть имѣли способъ свой.
Лѣтъ триста, на примѣръ, назадъ тому, я чаю
Любовникъ не пѣвалъ: Ахъ! я васъ обожаю!
Гуляфною водой распрысканной Синавъ
Славянскимъ красотамъ не трафилъ бы на нравъ;
Детрейшѣ Генрихъ самъ не такъ бы полюбился,
Когда бы прочь усы и въ фрачекъ нарядился;
И также врядъ теперь понравится Паша,
Которой, снявъ чалму, проскачетъ антраша.

Но впрочемъ всякъ свою красоточку голубитъ!
Владыка подъ вѣнцомъ, мужикъ въ отрепьяхъ любитъ.
За что же одного винить въ любви меня?
Желалъ бы посмотрѣть, ктожъ въ этомъ и не я?
Я думаю, что ты, мой другъ нелицемѣрной,
Доволенъ долженъ быть картиною сполъ вѣрной.
Прости!... пора письмо на почту отсылать;
Въ Москвѣ всему свой часъ, боюся опоздать.
Люби Jeannot; хоть онъ дѣтина незадорной,
Но будетъ навсегда слуга твой всепокорной.

НИЗОВАЯ ПОВѢСТЬ.

Аиа!

— Quel plaisir au retour!
Quand le soir prés du feu on se raconte ensemble
Ce qu'on a vu tel jour, en tel endroit: il semble
Qu'on le revoye encore, en se le racontant.

Я люблю путешествовать. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ въ ясное лѣто переноситься съ мѣста на мѣсто, разсматривать безчисленныя красоты природы, разбросанныя всюду на лицѣ земли, и въ чувствѣ сладкаго удовольствія дивиться дѣламъ небеснаго Верхотворца. — Какъ щастливъ тотъ, кто можетъ располагать временемъ въ полной свободѣ, отсрочивать отъѣздъ свой тамъ, гдѣ ему нравится, и уѣзжать немедленно оттуда, гдѣ соскучилось! какъ весело, летая такимъ образомъ изъ края въ край, узнавать что, гдѣ, когда случилось примѣчательнаго! —

Нѣкогда въ первой молодости моей случилось мнѣ странствовать изъ одного любопытства по берегу Волги рѣки въ селеніяхъ, лежащихъ между Саратовымъ и Астраханью. — По привычкѣ, родившейся во мнѣ отъ меланхолическаго свойства, я любилъ всегда отыскивать дикія мѣстоположенія. Въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ лѣтнихъ дней, проѣхавъ преднамѣренное разстояніе, я за нѣсколь-

ко верстъ отъ ночлега вышелъ изъ кибитки и пошелъ до мѣста пѣшкомъ; солнце было на закатѣ, луна выходила на горизонтъ и блѣдный лучь ея посеребрялъ тихія воды изходящаго изъ Волги протока. — Тутъ овладѣло мною какое-то внутреннее предчувствіе, что вѣрно въ сихъ мѣстахъ встрѣтится глазамъ моимъ предметъ, достойной особеннаго вниманія; ускоривъ шагъ, я дошелъ до прелестной лужайки. — Попадались мнѣ четы юношей и взрослыхъ мужиковъ съ ихъ женами. — Иные сокращали путь свой (видно не близкой) деревенскими пѣснями, сими непорочными свидѣтельствами чувствъ поселянина; другіе съ нахмуреннымъ челомъ, бесѣдуя между собою, показывали наружными знаками свое изумленіе. Шумъ и толпа мѣшали мнѣ углубляться въ свои мечты; я шелъ отъ нихъ стороной, и пробирался прямо въ тотъ лѣсокъ, изъ котораго возвращались по домамъ своимъ добрые сіи жители глухихъ Азіатскихъ стѣпей. По нѣсколькихъ шагахъ увидѣлъ колодязь. — Разбросанныя вокругъ его ведра и всякая посуда, омоченная еще водою, показывали мнѣ, что путешественники тутъ отдыхали и прохлаждались. Вблизи колодца стоялъ бѣлой простой камень съ надписью: „*Онъ былъ и нѣтъ его.*" По надписи такой мудрено было мнѣ безъ помощи другаго дознаться, кому сей камень служилъ мавзолеемъ. Осматривая все вокругъ себя съ примѣчаніемъ, я мысленно вопрошалъ небеса: кто кости свои положилъ въ такомъ уединенномъ мѣстѣ? кто почилъ навѣки при семъ потокѣ водъ прозрачныхъ? — Ничто не отвѣчало моему воображенію. — Рѣшил-

ся идти далѣе, не теряя однако изъ виду сказаннаго памятника. — Еще отошелъ немножко, еще ступилъ два раза, — и новая явилась очамъ моимъ картина: подъ тѣнью многихъ ивъ, сплетшихъ густыя свои вѣтви и давшихъ пѣшеходу отъ дождя и зноя защиту, стояла бѣдная хижина, отъ древности своей приклонившаяся къ землѣ, и внутрь ея входить, казалось, уже не безопасно. Я осмѣлился туда проникнуть. Ближе двухъ шаговъ отъ порога прислоненъ къ стенѣ убогой одръ, надъ которымъ вырѣзаны были изъ прекраснѣйшаго розоваго деревца, въ тамошнихъ краяхъ весьма обыкновеннаго, по имени *каторга*, три буквы; слагающій ихъ выговаривалъ: *Ана*. Сильнѣе всего удивило меня въ этомъ сокрытомъ отъ наукъ убѣжищѣ (ибо какъ иначе можно было судить о немъ по описанной наружности?) цѣлой листъ бумаги, исписанной кругомъ. Я развернулъ свитокъ, нашелъ стихи, и къ нимъ служу читателю настоящимъ предисловіемъ. — Прочтя ихъ съ жадностію разъ и два, но не смѣя надѣяться на свою память, съ другой стороны не желая бросить ихъ безъ вниманія, еще менѣе готовъ будучи похитить, почитая все, что тутъ находилъ, какъ жертву, принесенную безподобному созданію чувствительнымъ пустынникомъ, я разсудилъ воспользоваться сіяніемъ луны, чтобъ сохранить списокъ, вышелъ изъ хижины, увидѣлъ близко холмъ, взбѣжалъ на оный съ хартіею въ рукахъ, и ставъ на одно колѣно предъ лучезарнымъ свѣтиломъ ночи, а другимъ замѣня столъ, вынулъ изъ записной своей книжки лоскутокъ бѣлой бумаги, карандашъ, и въ мину-

ту копія стиховъ была моимъ пріобрѣтеніемъ; потомъ, отнеся подлинникъ во храмину неизвѣстнаго мнѣ старца (но нѣтъ, они уже не его; кто умеръ, тотъ ни чѣмъ не владѣетъ), оставилъ его у возглавія одра, и съ подобающимъ нѣкоему Божеству уваженіемъ трикратно покланясь начертанному слову, воротился къ своей повозкѣ. — Трудно ли отгадать, что мнѣ не столько хотѣлось найти и достигнуть до ночлега, успокоиться, располагать новыя затѣи къ завтрему, описывать гдѣ былъ сего дни, для чего же не прибавить и отужинать, какъ узнать, что все это значило. Жаль было мнѣ, что я не догадался взять съ собой проводника изъ попавшейся толпы гулякъ; вѣрно, думалъ я, они здѣсь были и часто сюда ходятъ; вѣрно они всю тайну знаютъ волшебнаго этаго края, для меня по истинѣ волшебнаго потому, что ничего не могъ въ немъ понять догадкою. — Кто она? кто онъ? безпрестанные были самому себѣ вопросы. — Придумывая тысячу вѣроятностей, добрелъ я до повозки, сѣлъ на блукъ, ударилъ тройку и тотчасъ очутился въ деревушкѣ. Мелькающіе сквозь маленькихъ стеклышекъ огоньки помогли мнѣ разглядѣть, гдѣ спокойнѣе я могъ пріютиться. — Наконецъ вводитъ меня слуга въ избу. Нахожу благословенную патріархальную семью: престарѣлыхъ родителей, двухъ сыновей съ женами, двухъ дочерей съ мужьями, нѣсколькихъ внучатъ и двухъ правнучатъ въ люлькѣ. Всякой членъ сего почтеннаго общества занимался своимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ старички, подобящіеся Аврааму и Саррѣ, слушали изустную повѣсть отъ старшаго

ихъ внука о самомъ томъ мѣстѣ, съ котораго я пріѣхалъ. Сѣвши съ ними рядомъ и не безпокоясь дымомъ отъ лучины, спрашиваю: скажи, мой другъ, и мнѣ, что это за пещера, что за камень? кто она? кто онъ? — Сѣдой мужичекъ съ нѣжной ласкою пробормоталъ внуку: „Начни, Петруша, сызнова; пусть баринъ послушаетъ. — Петруша бросился къ старикамъ на шею; дѣдъ и бабка его облобызали, и я, стократно благословляя добродушное семейство, готовился слушать занимательной разсказъ. Не намѣренъ будучи ничего къ нему прибавить, помѣщаю здѣсь въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, какія юноша умѣлъ употребить въ своемъ разговорѣ. Когда сердце тронуто, наборъ словъ пустое преимущество. Прекрасно изъясняется всякой тотъ, кто, много чувствуя самъ, почувствовать заставляетъ и другаго. — „Видишь ли, Баринъ! Года за два умеръ здѣсь въ „избенкѣ подъ вѣтлами старикъ; Богъ знаетъ изъ „какого онъ роду, только человѣкъ былъ хорошій „и добра дѣлалъ много. Лѣтъ съ 20 какъ онъ „здѣсь поселился; по зимамъ приставалъ у насъ, „а лѣтомъ живалъ въ хижинѣ. Какъ пришло ему „отдавать душу Богу, онъ узналъ свой конецъ и „пошелъ къ колодцу, а подъ тотъ часъ ѣхала Ба„рыня въ Москву, такая прекрасная! весь около„докъ величалъ ее красавицей, да и проѣзжая на„ши боярченки ино мѣсто пріѣзжаютъ изъ „Москвы въ свои вотчины, всѣ и на хвалиться не „могутъ; ну знаешь, что такое хороша: такъ „вотъ она-то подлинно, баютъ, хороша. — Ста„рикъ нашъ ее увидѣлъ; она долго на него смот„рѣла, вышла къ нему изъ кареты, а онъ что-

„то ей долго разсказывалъ, да съ разговору-та „што ли надсѣлся, или такъ уже написано было „на роду его, пришелъ къ колодцу, подышалъ не- „много — и умеръ. Боярыня поплакала надъ „нимъ, дала въ деревнѣ денегъ, велѣла при себѣ „похоронить, и бумагу-то, что въ хижинѣ ле- „житъ, она же, какъ съ ней онъ говорилъ, такъ и „написала; послѣ и камень этотъ изъ вотчины „своей прислала; а намъ крѣпко накрѣпко нака- „зала, чтобы ни бумаги въ шалашѣ и ничего „тамъ не трогали; а сама теперь живетъ въ „Москвѣ. Мы сюда всякой праздникъ ходимъ гу- „лять, старичка поминаемъ, а ей долгихъ лѣтъ „у Бога молимъ.“ —

Прослушавъ повѣсть, сообразя ее съ стихами и взявъ всѣ нужныя о той красотѣ свѣдѣнія, пріѣхалъ я въ началѣ осени въ Москву. Разсѣянная столичная жизнь, безпрерывныя забавы, многочисленныя собранія доставили мнѣ случай найти такъ называемую *Ана.* — Имѣвъ щастіе съ ней познакомиться, узнавъ качества ея души, изящность характера, чувствительное сердце, образованный умъ и прекраснѣйшія черты лица, я согласился скоро съ умершимъ ея обожателемъ, что Ана есть одно имя, которымъ ее называть можно. — Знакомые мои часто отъ меня слыхали: Ана была тутъ, Ана сидѣла тамъ, Ана-то то сказала на вопросы всѣхъ; да ктожъ Ана? Я не умѣлъ ничего инаго отвѣчать, какъ повторять стократно Ана. Чѣмъ постояннѣе я давалъ такой отвѣтъ, тѣмъ сильнѣе любопытствовали вопрощики; и наконецъ день ото дня больше и больше почти всѣ видавшіе ее привыкли соглашаться со

мною, и съ тѣмъ, съ кѣмъ я соглашался, что безпримѣрная красота не равняетъ ее ни съ кѣмъ, и что будучи единственна въ своемъ полѣ многими рѣдкими пріятностями — ей нѣтъ наименованія приличнѣе, какъ Ана. — Истина сія столь общественно всѣми принята, что нынѣ всякой, или всякая, сказавъ другу и подругѣ своей Ана, увѣренъ, что особа такъ названная отгадана безъ ошибки.

Нашлись между знакомыми моими люди, кои желали все это прочесть; угождая имъ, я написалъ и напечаталъ мою повѣсть. Жаль, что не далъ мнѣ Аполлонъ дарованій Россійскаго Флоріана; всякой играетъ на своей дудкѣ какъ умѣетъ. Истина произшествія и снисходительное мое послушаніе пусть извинятъ недостатки слога. Всѣмъ извѣстно, что судъ надъ моей прозой любителями словесности произнесенъ; что лежитъ до найденныхъ мною стиховъ, съ которыми, по сказанію одного ученаго, я лучше *управляюсь*, нежели съ прозой, я ихъ выдаю здѣсь точно такими, каковы они лежатъ въ хижинѣ. Всякой можетъ ихъ самъ прочесть, если кому угодно отъ избытка денегъ — ибо нынѣ путешествовать не дешево, — съѣздить до мѣста. По необходимости я прибавилъ послѣдній стихъ; разумѣется, что мертвецъ говорить о себѣ не можетъ. Все въ этой піесѣ подвержено критикѣ, я это знаю, и защищать противъ оной не берусь. — Къ извиненію старичка скажу только, что изнурившись долговременною жизнію, достигши недужной старости въ такія лѣта, когда многіе еще бодрствуютъ и къ жизни новыми узами привязываютъ-

ся, онъ не могъ страсти своей изъяснить по правиламъ Грамматики и по внушеніямъ стихотворскаго духа, напитаннаго Эстетическими правилами. Не умъ его, душа лишь говорила, а на чувства Синтаксиса еще никто не сочинилъ; всякой заимствуетъ ихъ отъ природы. — Я написалъ мою сказку, или быль, какъ кому угодно, въ память путешествію, которое доставило мнѣ различныя пріятности. Когда читать ее буду, стану воображать, что я тамъ, гдѣ все описанное случилось; представлю себѣ хижину, блѣдныя уста уединеннаго старца, къ которымъ хладъ смерти уже прикоснулся, но отверзающіяся еще для произношенія слова *люблю*; представлю ту руку, лобзаніями Московскихъ жителей обремененную, которая начертала послѣднія его признанія, и трупъ его землей покрыла — мечты сіи дадутъ и мнѣ вновь почувствовать, что сердце мое еще бьется для тѣхъ же чувствованій. — Читая повѣсть сію въ кругу моихъ пріятелей, въ семьѣ своей лѣтомъ въ саду, зимой у камина, я буду убѣждаться и утверждать другихъ въ той непреложной истинѣ, что любовь непорочная есть лучшее достояніе человѣчества, что чувство ея родится вмѣстѣ съ нами и провожаетъ насъ въ могилу, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, во всякомъ возрастѣ, на всякомъ мѣстѣ, въ улыбкахъ юношества и въ стенаніяхъ скорбной старости любовь владычествуетъ надъ нами, и сердце наше перестаетъ огнемъ ея пылать тогда только, когда гробовая доска скрываетъ оледенѣлый трупъ нашъ въ мрачное земли упокоеніе.

1.

Не въ громкой Одѣ прославляю
Тебя, владычицу сердецъ,
Не въ пѣсни томной напѣваю
Моихъ унылыхъ дней конецъ;
Кто прямо чувствовать умѣетъ,
Любви прямой кто жаромъ тлѣетъ,
Тотъ молча страсти кажетъ видъ:
Не красными любовь рѣчами,
Но пламенными лишь очами
Отъ сердца сердцу говоритъ.

2.

Любовь! . . . тебя я не боялся.
Смиря въ пустынѣ яркой нравъ,
Уже вратъ смерти я касался,
Недуги старости узнавъ;
Въ моемъ убѣжищѣ смиренномъ,
Ветлою мрачной осѣненномъ,
Твои тревоги забывалъ;
Міровъ Создателю превѣчну
Повѣдавъ тайну всю сердечну,
Конца своей кончины ждалъ.

3.

Кто знаетъ, думалъ я, иль нынѣ,
Иль завтра мой послѣдній день;
По общей смертныхъ всѣхъ судьбинѣ
Съ лица земли сотрусь какъ тѣнь.
Въ такомъ печальномъ размышленьи
Забывъ мірскія наслажденьи,
Я вышелъ въ близь лежащій путь —
Къ источнику воды холодной,
Простеръ послѣдній шагъ свободной,
Чтобъ разъ на солнышко взглянуть.

4.

О Боги! сонъ ли мнѣ явили,
Или самихъ себя вы тамъ?
Чьимъ зракомъ духъ мой возмутили
Отверстымъ сущимъ небесамъ?
Подобно Ангелу видѣнье,
Природы лучшее творенье
Я въ видѣ женщины узрѣлъ!
Собранье всѣхъ красотъ небесныхъ,
Доселѣ смертнымъ неизвѣстныхъ,
Мнѣ поздно рокъ познать велѣлъ.

5.

Скажи, кто ты? въ тебѣ съ кѣмъ вижусь?
О безподобная жена!
Полвѣка я на свѣтѣ движусь,
А не встрѣчалась мнѣ Ана.
Ана! но кто? недоумѣю,
Назвать ее я не умѣю.
Ана подобна лишь себѣ.
Земля тебѣ престолъ поставитъ,
Твою красу трубой прославитъ,
Но имени не дастъ тебѣ.

6.

Чело покрыто сѣдинами
Я преклоняю предъ Тобой:
Продли еще хотя часами
Животъ, о Боже! скорбной мой!
Твоихъ чудесъ все совершенство,
Грядуща царствія блаженство
Я зрю и ощущаю днесь;
Дай мнѣ симъ взоромъ насладиться,
Какъ новымъ свѣтомъ озариться!
Не гробъ, но рай мой будетъ здѣсь.

7.

Умы строптивыхъ обличатся,
И гордаго смирится бровь;
Во нравы ею насадятся
Щедроты, кротость и любовь.
Ея глаза всѣхъ глазъ умнѣе,
Ея уста всѣхъ устъ скромнѣе:
Все благо, мило, важно въ ней;
Ея душа какъ твердой камень,
Котораго безстудства пламень
Не тронетъ пылкостью своей.

8.

Но я, носимъ волнами жизни,
Уже къ пристанищу притекъ;
Спѣшу въ предѣлы той отчизны,
Куда влечется человѣкъ.
Я много лицъ прекрасныхъ знаю;
Но что въ твоихъ чертахъ встрѣчаю,
Того ни въ чьемъ я не видалъ!
Едва въ небесномъ вертоградѣ
Быть можетъ духъ въ такой отрадѣ,
Какую мнѣ твой образъ далъ.

9.

Житейскихъ бѣдъ понесъ бы бремя,
Презрѣвъ злощастья тверду связь,
Хотѣлъ бы вѣчности жить время,
Когдабъ дышалъ, любовью льстясь;
Но коль любезну быть неложно,
И самому любить не можно,
Что пользы землю тяготить?
Безъ нѣжныхъ чувствъ взаимной страсти
Чужія радости — напасти,
А собственнымъ не льзя и быть.

10.

Свершай свой путь, о диво міра!
Тебя повсюду жертвы ждутЪ.
БояровЪ сонмЪ, ПіитовЪ лира
Хвалы стократны воздадутЪ.
Вкуси соблазны громкой славы;
Но не забудь среди забавы,
Что взорЪ твой старца здѣсь плѣнилЪ,
Которой радость быть сЪ тобою
ЦѣнилЪ престоловЪ всѣхЪ цѣною,
И мало тѣмЪ еще цѣнилЪ.

11.

КогдажЪ мои зеницы ока
Сомкнутся смерти вѣчнымЪ сномЪ,
И запустенья тьма глубока
ПадетЪ на сей древесной домЪ, —
Приди мой прахЪ омыть слезою,
Вселить во гробЪ своей рукою,
СказавЪ, что жаль меня тебѣ!
Сію чувствительности жертву
Воздай, молю тебя, мнѣ мертву!
— — — — — — — —
ОнЪ рекЪ, вздохнулЪ, и се не бѣ.

КНЯЖНѢ В. П. ВОЛКОНСКОЙ.

I.

На имянины.

Дай Богъ, Княжна! чтобъ ты отнынѣ
Щастливо дни свои вела,
И въ лучшей смертнаго судьбинѣ
По волѣ сердца бы жила:
Съ утра до вечера смѣялась
Севодни, завтра, всякой день,
И скуки мрачной не касалась
Тебя ниже малѣйша тѣнь!

*

Дай Богъ, чтобы разсудокъ вѣрный
Твой пылкой нравъ остерегалъ,
Ума совѣтъ нелицемѣрный
Ошибки чувствъ предупреждалъ!
Чтобъ случай тѣсной не встрѣчался
Необходимости съ тобой,
И нѣжной взглядъ не орошался
Болѣзни горькою слезой!

*

Дай Богъ, чтобы въ семьѣ сагласной,
Въ кругу достойнѣйшихъ друзей,
Считала радостью всечасной
Число бѣгущихъ нашихъ дней!

Они чтобы въ виду имѣли
Твоимъ же ланьямъ угождать,
Чтобъ всѣ въ глаза тебѣ глядѣли,
Любя и взоръ ихъ отгадать!

*

Дай Богъ, чтобъ горестну измѣну
Въ пріязни, въ дружбѣ не познавъ,
Ты жизни всю вкушала цѣну,
Храня взаимностей уставъ!
Чтобы съ тобой ведя бесѣду,
И тотъ, кто вовсе нелюдимъ,
Позналъ бы нѣжныхъ чувствъ побѣду
Надъ свойствомъ пасмурнымъ своимъ!

*

Дай Богъ, чтобы въ твоей онъ долѣ
Всѣхъ благъ собраніе вмѣстилъ!
Чегожъ еще желать мнѣ болѣ?
Прости, еще одно забылъ:
Дай Богъ, чтобы сама Природа,
Твое пристрастье чтя къ лунѣ,
Велѣлабъ ей во всѣ дни года
Играть съ тобой въ твоемъ окнѣ!

II.

На новый годъ.

Встрѣчай, Княжна! временъ обнову
Въ спокойствѣ духа, въ тишинѣ!
Дай Богъ мой старъ — но въ риѳму нову
Одѣть его нѣтъ силъ во мнѣ;

Сказавъ тебѣ въ избыткѣ чувства,
Что я въ Варваринъ день сказалъ,
Я всѣ стиховъ моихъ искуства
Тебѣ тогда въ даръ сердца далъ,

*

Тебѣ, чье сердце такъ умѣетъ
Подарокъ дружества цѣнить,
Способность рѣдкую имѣетъ
Внимать пріязни и любить.
На то, чтобъ нѣжно изъясниться,
Ненужны вовсе тамъ мечты,
Гдѣ духъ влекутъ нашъ восхищаться
Прямыя нрава красоты.

*

Онѣ - то всѣхъ въ тебѣ плѣняютъ,
И не увянутъ никогда.
Года лишь случаи мѣняютъ;
А доброй нравъ хорошъ всегда.
Съ нимъ всѣ взаимности пріятны,
Онъ дружбѣ самой твердой щитъ;
Ума движенья коловратны
Хорошій нравъ всегда смиритъ.

*

Не ставлю я въ моемъ предметѣ
Похвалъ пріятностей твоихъ;
Пріятныхъ женщинъ много въ свѣтѣ,
Достойныхъ мало, — ты изъ нихъ.
Я даръ хвалы воздать стремлюся
Однимъ чувствительнымъ сердцамъ,
Я къ нимъ съ восторгомъ относуся;
Блаженствомъ ихъ блаженъ я самъ.

*

Твое да будетъ совершенно —
О семъ, дай Богъ, я повторю,
Не льстя, какъ все обыкновенно,
Но тронутъ сердцемъ говорю:
При первомъ утрѣ нова года
Дай Богъ (скажу я въ сотой разъ),
Чтобъ все тебѣ дала Природа,
Что щастiемъ слыветъ у насъ!

III.

Въ день Свѣтлаго Воскресенiя.

Свѣтлый день Христовъ явился,
Съ нимъ сопутствуетъ весна;
Зимней ночи мракъ сокрылся,
Жизнь природѣ отдана:
Воды плещутъ, льдины таютъ,
Хвалитъ Бога всяка тварь;
Въ радостяхъ сердца играютъ,
Зиждется любви олтарь.

*

Свѣтлый день Христовъ встрѣчая
Въ безмятежной я судьбѣ,
Дружбы тихой рай вкушая,
Всѣхъ желаю благъ тебѣ:
Чтобы такъ, какъ день сей красный,
Текли жизни твоей дни;
Чтобъ очей твоихъ видъ ясный
Казалъ радости одни.

*

А когда сама ты будешь
Въ жизни щастье находить,
Тверда въ дружествѣ пребудешь
И престанешь слезы лить, —
Въ безпрестанно красномъ лѣтѣ
Обновлюсь тогда и я;
Тогда всякой день на свѣтѣ
Будетъ свѣтелъ для меня.

IV.

На имянины.

Я, годъ назадъ, въ сей день молился
Творцу безчисленныхъ міровъ,
Чтобы твой рокъ обогатился
Избытками Его даровъ;
И тѣмъ же духомъ паки нынѣ
Его о томъ же я молю,
Въ твоей участвуя судьбинѣ,
Тогдашній стихъ возобновлю.

*

Дай Богъ, Княжна, чтобъ ты здорова
И щастлива всегда была;
Чтобъ никакая мысль сурова
Во вѣкъ на умъ тебѣ не шла;
Чтобъ всѣ желанья исполнялись,
Какіябъ ни имѣла ты;
Чтобъ даже въ истинѣ сбывались
Пріятныхъ сновъ твоихъ мечты!

*

Дай Богъ, чтобъ ты, несчетны годы
Проживъ во множествѣ утѣхъ,
Невинной прелести свободы
Всегда вкушала безъ помѣхъ,
И чтобъ, родившись столь способна
Къ себѣ привязывать людей,
Была сама себѣ подобна
И тѣмъ на свѣтѣ всѣхъ милѣй!

*

Дай Богъ, чтобъ всякой случай въ мірѣ
Казалъ тебѣ столь ясной видъ,
Сколь ясенъ цвѣтъ небесъ въ эѳирѣ,
Которой взоръ твой веселитъ!
Какъ любишь ты, Княжна, отмѣнно
Изъ всѣхъ цвѣтовъ цвѣтъ голубой,
Чтобъ такъ любила неизмѣнно
Друзей и сердцемъ и душой!

*

Дай Богъ, чтобъ Ангелъ кроткой, мирной
Твой каждой шагъ располагалъ,
Отъ язвы зависти пронырной
Тебя во всѣхъ путяхъ спасалъ!
Будь, словомъ, всѣхъ щастливѣй въ свѣтѣ!
Мнѣ больше нечего желать.
Что я сказалъ въ прошедшемъ лѣтѣ,
Готовъ всечасно повторять.

*

Мои желанья, мое чувство,
Одни съ тѣхъ поръ и по сей часъ;
Не нужно клятвы въ томъ искуство,
Что опытъ оправдалъ сто разъ.

Что предань я тебѣ сердечно,
Во всѣхъ движеньяхъ зришь моихъ;
Дай Богъ, чтобъ могъ и я быть вѣчно
Достоинъ милостей твоихъ!

V.

Дочернія любви достойный образецъ!
Всей нѣжностью души Природой одаренна,
Живи ты долгій вѣкъ спокойна и блаженна
Ко щастью всѣхъ тебѣ приверженныхъ сердецъ!

КНЯЖНѢ В. Н. ДОЛГОРУКОЙ.

I.

Приношенiе.

Княжна! позвольте мнѣ поднести вамъ безделушку!
Она сочинена для васъ, для васъ однихъ.
Я въ прозѣ не богатъ, еще бѣднѣй мой стихъ;
Но въ пѣсенкѣ простой дарю лишь я игрушку.

*

Гитары вашей звукъ плѣнить меня умѣлъ;
Я слышалъ, какъ на ней прiятно вы играли:
Что голосъ произвелъ, то струны выражали;
А я стоялъ, молчалъ, дивиться только смѣлъ.

*

Довольно я давно замѣтилъ, что Природа
Дала вамъ даръ сердца какъ струнки шевелить;
Меня лишь тѣмъ она хотѣла надѣлить,
Чтобъ видя васъ забыть, что въ чувствахъ есть свобода.

II.

Пѣсня.

Почто напоминаешь
Протекшіе года?
Почто ты заставляешь
Себя любить всегда?

*

Дай волю мнѣ скрываться
Отъ прелестей твоихъ,
Дай смѣлость не бояться
Заразъ очей драгихъ!

*

Вездѣ меня находитъ
Твой образъ дорогой;
Онъ каждой шагъ мой водитъ
Туда, гдѣ былъ и твой.

*

Въ тоскѣ моей ужасной
Сокроюсь ли куда, —
Побѣгъ мой — трудъ напрасной!
Гдѣ ты, тамъ я всегда.

*

Въ пещерѣ дикой, мрачной
Убѣжища мнѣ нѣтъ;
Въ струѣ воды прозрачной
Твой взоръ меня найдетъ.

*

Лишь только разнесется
Твой голосъ по горамъ,
То въ слѣдъ ему несется
Мой вздохъ — вся мысль — я самъ.

*

Я самъ, прервавъ унылой
Моихъ вздыханьевъ стонъ,
Бѣгу къ тропѣ той милой,
Гдѣ слышался мнѣ онъ.

*

Бѣгу къ немилосердой,
Чтобъ духъ ея склонить;
Но, нѣтъ! ты камень твердой, —
Не знаешь ты любить.

*

Ты страстныхъ чувствъ волненья
За щастіе не чтишь,
Ты вздоховъ изъясненья
Понять не дорожишь.

*

Въ разсѣянности свѣта
И въ пышности пустой
Ищи забавъ предмета,
Губи свой вѣкъ златой;

*

А я, въ любовной страсти
Не зная благъ иныхъ,
Люблю ея напасти
Сносить у ногъ твоихъ.

III.

На имянины.

Варварѣ въ небесахъ севодни я молился,
Чтобъ Варинькѣ земной Богъ щастье низпослалъ;
То съ вѣрою къ одной я духомъ возносился,
То сердце все къ другой съ любовью посылалъ.

*

Варвара въ небесахъ Свята и Преподобна;
Варвара на землѣ, какъ Душенька, мила!
Геройствомъ Вѣры та явилась безподобна;
Земная — весь свой полъ въ пріятствѣ превзошла.

*

Та голову свою за Бога положила,
И горней славы тѣмъ пріобрѣла вѣнецъ;
Ты головы другихъ всегда съ ума сводила,
И дань брала со всѣхъ чувствительныхъ сердецъ.

*

Еще прибавлю стихъ — и всѣ тебя узнаютъ:
Достойна, хороша, чувствительна, умна.
Теперь гдѣ ни прочтутъ, въ минуту отгадаютъ,
И скажутъ встрѣтя всѣ: — такъ, это ты, Княжна!

ПЕРЕПИСКА ВЪ СТИХАХЪ СЪ КНЯГИНЕЮ В. А. ТРУБЕЦКОЙ.

I.

Акростихъ ея.

Какъ твои творенья внятно
Наставляютъ разумъ мой!
Я бесѣдую пріятно,
Занимаяся тобой.
Ими смыслъ мой просвѣщаю,
Въ нихъ утѣхи находя;
Ароматной сокъ вкушаю,
На затѣйной слогъ глядя.
Много замысловъ въ немъ вижу,
И любуюсь остротой;
Хитрыхъ козней ненавижу,
А плѣняюсь чистотой,
И искуствомъ обьясняться,
Легкимъ средствомъ умъ питать,
Отъ кощунства удаляться, —
Вотъ искуство, какъ писать!
Имъ перо твое водимо.
Чту пріятность чувствъ твоихъ;
Даръ имѣешь ты нельстимо
Обьясняться сладко въ нихъ;
Лиру строишь ты согласно,
Гласнымъ строемъ слухъ плѣня,
Обьясняешься прекрасно
Рѣдкимъ слогомъ для меня.

Услади еще тѣмъ пѣньемъ,
Коимъ стройной тонъ даешь!
Обучи твоимъ умѣньемъ
И меня, какъ ты поешь!

II.

Акростихъ мой.

Кто, честности прямой уставы понимая,
Незлобія въ очахъ пріятной носитъ видъ,
Язвительныхъ укоръ за умъ не почитая,
Гордится тѣмъ однимъ, чтобъ не чинить обидъ,
И славы блескъ прямой, почтенный человѣкъ,
Находитъ не въ чинахъ, а въ качествахъ прямыхъ.
Я чаялъ, что уже въ испорченномъ семъ вѣкѣ
Вотще бы было мнѣ искать людей такихъ.
Ахъ, нѣтъ! и въ наши дни я зрю, что Провидѣнье,
Ревнуя показать величество свое,
Въ Особѣ той, что здѣсь прочтется нареченье,
Атличіемъ тѣхъ свойствъ украсилъ и ее.
Разсудка на пути ставъ твердою ногою,
Атъ всѣхъ страстей себя геройски сберегла;
Ана, и надъ самой возвысившись судьбою,
Лютѣйшихъ среди бѣдъ всегда равна была.
Ей нѣтъ иныхъ заботъ, иной за нихъ награды,
Какъ только зрѣть свое семейство въ тишинѣ;

Согласіе и миръ — вотъ всѣ ея отрады!
Анѣ превыше всѣхъ въ сей смертной сторонѣ.
Нѣжнѣйшей дружбы въ ней вся скромность обитаетъ;
Душа ея чиста, какъ лѣта ясной день;
Разсѣянная жизнь ее не обольщаетъ.
О, сколько отъ нее далеки праздность, лѣнь!
Въ часы, какъ отъ трудовъ домашнихъ свободится,
Нерѣдко и въ стихахъ и въ прозѣ, говорятъ,
Ана своимъ перомъ умѣетъ веселиться;
Тщеславной похвалой ее не изумятъ.
Рисунокъ бѣденъ сей; но естьлибъ укращеньемъ
Умѣлъ бы я его Поезіи убрать,
Безцѣннымъ бы почелъ для сердца утѣшеньемъ
Ей чувствъ моихъ сію дань первую воздать!
Цѣпями моего незнанія стѣснѣнный,
Картины сходной я не смыслю довершить;
А подлинникъ ея, въ добротахъ совершенный,
Я буду, пока живъ, съ почтеніемъ любить!

III.

Возраженіе ея.

Полезной для меня урокъ твой получила.
Прочтя его, тотчасъ себя я вопросила:
Похожаль на портретъ, которой начерталъ,
Когда въ умѣ твоемъ меня воображалъ? —
Со всѣхъ сторонъ себя я разсмотрѣть хотѣла;
Что видишь ты во мнѣ, найти я не умѣла.
Увы! къ нещастію, и тѣни не нашла,
Взглянувъ на подлинникъ, когда въ себя вошла.
Но въ пользу для меня урокъ твой обращаю,
Изъ заблужденія тебя я возвращаю.
Не думай обо мнѣ, какъ началъ мыслить ты;
Очисти зрѣніе — изчезнутъ красоты,
Наполнилъ коимъ ты твое воображенье,
Когда хотѣлъ писать о мнѣ изображенье.
И естьли подлинно добра кажусь совнѣ,
Повѣрь, что не найдешь добра того во мнѣ.
Какая же тому, ты спросишь, есть причина?
Моя наружная притворная личина,
Которой, можетъ быть, притворной кроткой видъ
Спокойство внутренно и тьмы добротъ сулитъ.
Знай, твой урокъ велѣлъ себя мнѣ прикоснуться,
Въ зерцало совѣсти велѣлъ онъ мнѣ взглянуться;
Въ кристаллѣ чистомъ тамъ увидѣла себя,
Ты путь мнѣ показалъ; благодарю тебя!

IV.

Мой отвѣтъ.

Нѣтъ! Истина сама перомъ моимъ водила,
Въ стихахъ къ тебѣ она тебя изобразила.
А естьли видишь въ нихъ несходство ты съ собой,
Не мысли, чтобы я плѣняемъ былъ мечтой;
Но это (извини простое изреченье)
Есть паче гордости одно уничиженье.
Прими, Княгиня, ихъ, равно какъ и сіи,
Того почтенья въ знакъ, которое твои
Достоинства во мнѣ навѣки поселили,
А милости его съ любовью съединили.
Когдажъ бы (но сіе никакъ не можетъ быть)
Я долженъ былъ обманъ въ лицѣ твоемъ найтить,
Или пристрастія движенью скоротечну
Отдать на счетъ мою хвалу чистосердечну,
Тогда бы Небеса молить вседневно сталъ,
Чтобъ истиной меня никто не просвѣщалъ.
Но нѣтъ! обманъ такой не нуженъ здѣсь ни мало;
Достоинство твое давно всѣхъ привлекало:
Оно, какъ скромно скрыть его ни ищешь ты,
Души твоей вездѣ являетъ красоты.
Твой взоръ коварныхъ душъ отнюдь не возвѣщаетъ;
Душа его зажжетъ, а сердце посылаетъ;
И ими научивъ, Княгиня, знать себя,
Путь правды кажешь мнѣ; благодарю тебя!

V.

На любовь (*).

Какое я на дняхъ прекрасно
Стихотвореніе читалъ!
Признаться должно безпристрастно,
Давно такого не слыхалъ.
Судить объ немъ не смышлю строго;
Но каждой, вкусъ имѣя свой,
Божусь, что какъ ни пишутъ много,
Никто не трафилъ такъ на мой.

*

Съ какимъ въ немъ Авторъ восхищеньемъ
Любви изображаетъ власть!
Съ какимъ подробнымъ наблюденьемъ
Онъ948 вникъ въ сію всеобщу страсть!
Во всей связи пространна свѣта
Вліянье кажетъ намъ ее;
Коснувшись каждаго предмета,
Животворитъ любовью все.

*

А больше всѣхъ мнѣ полюбилось
Четверостишіе одно;
Чье сердцебъ имъ не восхитилось!
Послушай, другъ мой, вотъ оно!
Изъ слова въ слово не возможно
Его тебѣ мнѣ сообщить;

(*) Сіи стихи поднесены мною Княгинѣ по прочтеніи написанныхъ ею на любовь.

Но содержаніе неложно
Потщусь всемѣрно изъяснить:

*

Люби ты тварь (онъ такъ вѣщаетъ) (*)!
Сія любовь живетъ въ тебѣ:
Любить Творецъ повелѣваетъ;
Но той любви не трать въ себѣ,
Которой пламень человѣка
Съ его Творцемъ соединилъ;
Въ которой Богъ любви отъ вѣка
Ему свой рай опредѣлилъ.

*

Какая истина глубока
И усладительна для всѣхъ!
Она мягчитъ суровость рока,
Она невинныхъ мать утѣхъ!
Отъ сихъ стиховъ я въ восхищеньи,
И съ ними для меня ничто,
Ничто не можетъ быть въ сравненьи!
А Авторъ ихъ не знаю кто.

*

Я слышалъ, будто ихъ писала
Одна любезныхъ свойствъ жена;
И въ томъ сомнѣнья нѣтъ ни мала:
Весь городъ знаетъ, что она

(*) Въ ея сочиненіи другой мѣры были стихи, и вотъ они слова отъ слова:
„Люби ты тварь, любить Творецъ повелѣваетъ;
Не только той любви въ себѣ не потеряй,
Которая тебя съ Творцемъ соединяетъ,
Въ которой Богъ любви тебѣ устроилъ рай.

Не только думать такъ умѣетъ,
Но къ мыслямъ чувства приложить,
И даръ во всѣхъ сердцахъ имѣетъ
Любовь къ себѣ производить.

*

Ахъ! естьлибъ я не побожился
Стиховъ впередъ не сочинять,
Сіюжъ минуту бы рѣшился
Ей благодарность написать
За то, что разумъ убѣдила
Своимъ пріятнѣйшимъ перомъ,
И почитать любовь склонила
Первѣйшей степени добромъ.

*

Я ей навѣки тѣмъ обязанъ;
Она согрѣла духъ во мнѣ.
Боявшись къ людямъ быть привязанъ
До нынѣ, даже и во снѣ,
Я вдругъ теперь раждаюсь снова,
И начинаю находить,
Что щастье въ томъ, чтобы другова
Съ собою наровнѣ любить.

VI.

На надежду (*).

Ты любовь намѣ описала
Восхитительнымѣ перомѣ;
Ты надежду показала
Превосходнѣйшимѣ добромѣ.

*

Будь еще, Поэтѣ любезной!
Будь еще готовѣ писать,
И рисунокѣ столь полезной
Не лѣнися доканчать.

*

Покажи намѣ свойство вѣры,
Воспали вѣ насѣ ею кровь;
Безѣ нее — увы! — химеры
И надежда и любовь.

*

Естьли я, любовью тая,
Не повѣрю самѣ ни чьей,
То какая мука злая
Поравняется сѣ моей?

*

Точно такжe погибаетѣ
И надежды лучь на вѣкѣ,
Естьли вѣрой не бываетѣ
Подкрѣпляемѣ человѣкѣ.

*

(*) Послѣ вышеписанныхъ стиховъ на любовь ею же сочинены другіе на надежду.

Вмѣстѣ всѣ сіи три чувства
Суть единой путь къ добру;
Сядь писать — на что искуства?
Силу дастъ душа перу.

*

Кто съ надеждою способенъ
Ощущать любовь, какъ ты,
Всеконечно тотъ удобенъ
Вѣры выразить черты.

*

И комужъ (скажу нелестно)
Свойство сей семьи святой
Можетъ больше быть извѣстно,
Какъ не матери самой?

*

Все сіе тебя склоняетъ
Сію третью дщерь списать;
Ктожъ ихъ всѣхъ короче знаетъ?
Натурально — ты ихъ мать!

VII.

Стихи, присланные ею же ко мнѣ въ 1809 мъ году по случаю изданія мною книжки, подъ названіемъ: Сумерки моей жизни.

Богъ порядки учредилъ,
Чтобы дневное свѣтило
Всю вселенну озарило,
Когда день Онъ сотворилъ.

*

Къ ночи сумерки явились;
Въ сумеркахъ — лишь слабой свѣтъ
Съ неба намъ луна ліетъ;
Тьмою небеса покрылись.

*

Что же видимъ мы во тьмѣ?
То, что кажетъ вображенье:
Грусти, горести, мученья!
Что вгнѣздилося во мнѣ.

*

А какъ день опять настанетъ,
Появится солнца лучь,
Онъ прогонитъ мраки тучь, —
Человѣкъ отъ сна возстанетъ.

*

Онъ почувствуетъ тогда,
Что онъ мракомъ окружался,
Когда въ горести вдавался,
И что сумерки — бѣда

*

Для того, кто унываетъ,
Кто не ищетъ самъ въ себѣ
Облегчить тоски въ бѣдѣ,
И тоской себя питаетъ.

*

Ты Евгеніи забыть,
Вѣрю, — никогда не можешь;
Тѣмъ къ тебѣ почтенье множишь,
Что умѣлъ ее цѣнить.

*

Она въ вѣчность преселилась!
Не тоска по ней нужна;
Твоя милая жена
Въ домъ покоя возвратилась.

*

Гдѣ тоски и грусти нѣтъ?
Гдѣ спокойство обитаетъ?
Чего всякой здѣсь желаетъ, —
Но не здѣсь, а тамъ найдетъ. . . .

*

Богъ отрадъ насъ не лишаетъ,
Покорися лишь судьбѣ;
Твой покой найдешь въ тебѣ:
Время горесть утушаетъ.

*

Перенесши тяжко бремя,
Воли грусти не давай,
Но спокойства ожидай, —
Днесь къ тому настало время.

*

Чувства новыя найдя,
Щасливъ будь съ твоей супругой,
Съ милой, нѣжною подругой,
Въ ней отраду находя!

VIII.

Отвѣтъ мой на нихъ.

Кто жаркой прожилъ день, тотъ ночи ждетъ
прохладной,
А послѣ черныхъ тучь громовыхъ ярыхъ
стрѣлъ;
Не вѣдая пути въ долинѣ безотрадной,
При сумеркахъ какой прохожій не робѣлъ?

*

Для щастливыхъ сыновъ изнѣженной природы
Вездѣ принаровленъ благопріятной рокъ;
Отъ нихъ туманъ бѣжитъ съ потьмами въ
антиподы,
Для нихъ и въ *Колѣ* день зимой не коротокъ.

*

Но тотъ, кому велитъ твердынь Создатель
чудный
По лѣстницамъ крутымъ злощастія ша-
гать,
На гладенькой стезѣ тотъ путь находитъ
трудный;
Судьба ему вездѣ ударъ готова дать.

*

Хоть лѣтъ моихъ не льзя считать предѣломъ
вѣка,
Хоть можетъ быть еще далекъ отъ смерти я;

Но въ язвахъ сердца всѣ болѣзни человѣка
Случайность испытать заставила меня.

*

И вотъ за чѣмъ нарекъ я Сумерками жизни.
Мой горькой плачь въ стихахъ и сердца тяжкой вздохъ
Въ честь той, чье существо, безъ всякой укоризны,
Подобно Своему образовалъ самъ Богъ.

*

Вотще бы сталъ я ждать, обманомъ обольщенной,
Востока солнца вновь и краснаго утра;
Пусть юношу дивитъ позорище вселенной,
А мнѣ о небесахъ помыслить ужь пора.

*

Доволенъ буду я и той судьбы услугой,
Коль вечеръ жизни дастъ спокойно проводить
За книгой у огня съ любезною подругой,
И ей сердечну дань послѣдню заплатить.

Споръ.

„Изъ двухъ свѣтилъ, что Богъ устроилъ
На освѣщенье тверди сей,
Луну хоть ночи Онъ присвоилъ,
Но солнца мнѣ она милѣй."

*

Такъ мысль свою мнѣ изъясняла
Одна любезная жена (*).
За солнце мнѣ досадно стало;
Вошелъ я въ рѣчь — и вотъ она:

*

Лучь солнца грѣетъ и питаетъ;
Что можетъ быть его свѣтлѣй?
Онъ съ неба въ руды проникаетъ. . . .
„Все такъ! — да мнѣ луна милѣй."

*

Когда весной оно проглянетъ
И верьхъ озолотитъ полей,

(*) Кн. Вар. Алек. Тр.

Все вдругъ цвѣсти, раждаться станетъ....
„Все такъ! — да мнѣ луна милѣй."

*

Огнемъ его животворится
Вся связь вещественныхъ вещей,
Душа стихіевъ веселится....
„Все такъ! — да мнѣ луна милѣй."

*

Его всѣ твари ощущаютъ:
И хищный звѣрь и муравей;
Въ моряхъ чудовища играютъ....
„Все такъ! — да мнѣ луна милѣй."

*

Съ какимъ желаньемъ тотъ, кто болѣнъ,
Въ избѣ своей ждетъ ясныхъ дней!
Увидитъ солнышко — доволенъ....
„Все такъ! — да мнѣ луна милѣй."

*

За чтожъ вы такъ къ ней пристрастились?
Позвольте, говорилъ, спросить:
Какимъ въ ней свойствомъ столь плѣнились? —
Всему должна причина быть.

*

„Вы очень сильно разхвалили,
Она сказала, солнца свѣтъ;

Но лишь примолвить позабыли,
Что солнце жжетъ, — а мѣсяцъ нѣтъ.

*

„Лишь сводъ небесъ имъ озарится,
Съ нимъ встанутъ суеты всѣ вдругъ,
Весь смертныхъ родъ зашевелится,
Вездѣ начнется недосугъ;

*

„Тутъ всѣ заботы, попеченьи,
Житейскихъ дѣлъ мятежъ пойдетъ,
Умы и чувства въ развлеченьи,
И всякой внѣ себя живетъ.

*

„Когдажъ луна чело подъемлетъ,
Тогда природа въ тишинѣ,
Какъ будто въ утомленьи, дремлетъ;
Тогда и я — я вся во мнѣ.

*

„Къ ней взоръ мой смѣло простираю:
Она, какъ солнце, не слѣпитъ;
Живу, люблю, и размышляю, —
Ничто меня не суетитъ.

*

„Сложивъ неволи всякой бремя,
Полна я мыслію моей,
И ни въ какое такъ я время
Души не чувствую своей.

*

„Конечно, естьли бы не знали
Мы неба и земли Творца,
Луну боготворить бы стали
Чувствительныя всѣ сердца."

*

Пришлось мнѣ съ нею согласиться
На мѣсяцъ солнце промѣнять,
Ея рѣчами убѣдиться
И самому себѣ сказать:

*

Впередъ не спорь, да будь умнѣе,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнѣе
Любезной женщины слова.

ПОСЛАНІЯ
КЪ АНОНИМАМЪ.

ГЛАФИРѢ.

Le plaiſir d'aimer est l'eſſenſe precieuſe en vooyée par les Dieux, et dont une goutte parfume les mers. —
St. Lambert.

Глафира! ты одна весь умъ мой заняла!
Мнѣ весело тогда, когда ты весела;
Твоя печаль меня томитъ и огорчаетъ;
Съ тобой мнѣ хорошо, въ разлукѣ все смущаетъ.
Ты помнишь разговоръ вчерашній мой съ тобой,
Въ которомъ *я*, твоей занявшися судьбой,
Привязанность мою тебѣ открыть старался;
Напрасно я твоимъ вниманіемъ ласкался!
Глубоко скрывъ тоску, поѣхалъ я къ себѣ;
Дорогой помышлялъ лишь только о тебѣ.
Сопутствовали мнѣ повсюду злы печали;
Уста мои тебя и дома называли.
Раздѣлся, легъ я спать; но сонъ не шелъ на умъ,
Тревожило меня собранье мрачныхъ думъ.
Вскочилъ — ходилъ — сидѣлъ — пѣлъ пѣсни, — все напрасно;
Глафира! ты вездѣ мечталась мнѣ всечасно.
Расклалъ я свой каминъ, подвинулъ креслы, сѣлъ,
И вѣчнымъ смерти сномъ уснуть бы тутъ хотѣлъ.
Геката мнѣ въ окно лучи свои бросала
И блѣднымъ свѣтомъ ихъ мой уголъ озаряла.
Сладчайшія мечты текли въ отраду мнѣ.
Послушай, что съ собой вѣщалъ наединѣ:

Когда бы, говорилъ, мнѣ мудрость боги дали,
Какою въ старину во Греціи сіяли, —
Я родъ бы смертныхъ всѣхъ къ ногамъ ея привлекъ,
Глафиру божествомъ вселенныя нарекъ!
Когда бы призванъ былъ я свѣту дать уставы,
Глафирой обольстя и самы дики нравы,
Велѣлъ бы всюду то закономъ почитать,
Что вздумается ей хотѣть и приказать!
Когдабъ, какъ Александръ побѣдоносный славенъ,
Среди владыкъ земныхъ ни съ кѣмъ я не былъ равенъ, —
Въ то время бы, въ свой плѣнъ подсолнечную взявъ,
Сей плѣнъ повергъ предъ ней со множествомъ державъ!
Когдабъ, какъ Димосѳенъ, словами изумляя,
Могъ души колебать, на все ихъ побуждая, —
Хотѣлъ бы я тогда заставить цѣлой свѣтъ
Почувствовать, что ей нигдѣ подобныхъ нѣтъ!
Когда бы, какъ Вольтеръ, познавъ стиховъ искуство,
Умѣлъ я, такъ какъ онъ, восхитить смертныхъ чувство, —
Тогдабъ не только самъ я риѳмы сталъ слагать,
Чтобъ свойства въ нихъ ея безцѣнны прославлять,
Но всѣмъ, на общій ладъ настроивъ громку лиру,
Во всѣ концы земли велѣлъ воспѣть Глафиру!
Когда бы какъ Лукуллъ, Антоній и Помпей

Я роскошью своей возмогъ дивить людей, —
Тогда бы серебра и злата тяжки груды,
Сапфиры, жемчуги, кораллы, изумруды,
И, словомъ, всѣхъ сторонъ сокровища собравъ,
На каждой жизни мигъ дарилъ ей тьму забавъ:
Тамъ въ садъ бы обратилъ разсѣлины ужасны,
Пустилъ бы здѣсь изъ горъ воды потоки ясны!
Или когдабъ я былъ такъ силою богатъ,
Какъ силенъ былъ Милонъ въ Кротонѣ, говорятъ, —
Тогда бы, одолѣвъ и камни и ограды,
Виновниковъ ея малѣйшія досады,
Какъ куколъ изъ земли, коверкалъ и ломалъ,
И махомъ лишь однимъ во адъ ихъ посылалъ!
Въ такомъ восторгѣ чувствъ, едва ли вѣроятномъ,
Но сердцу моему по совѣсти пріятномъ,
Еще я мыслилъ такъ: о естьлибъ Царь я былъ! —
Вельможъ бы въ мой совѣтъ всегда при ней водилъ,
И подданныхъ моихъ ни малобъ не стыдился,
Что прелестямъ ея мой разумъ покорился!

А естьлибъ Небеса хотѣли наконецъ,
Чтобъ въ рубищѣ гниломъ я въ полѣ пасъ овецъ, —
Въ простой тогда рожокъ наладивъ пѣсню слезну,
И тамъ бы не забылъ Глафиру мнѣ любезну!
Но будучи, что я, почти для свѣта мертвъ,
Какую принести могу изъ тѣхъ ей жертвъ,
Которыя въ умѣ теперь воображаю?

Сказать: люблю тебя! вотъ только что я знаю.
Люблю пріятно тамъ, изъ устъ безцѣнно тѣхъ,
Которыхъ мы любить находимъ край утѣхъ;
Но тотъ, кто въ насъ вселилъ холодное почтенье,
Въ устахъ того люблю — есть намъ отягощенье. —
Покамѣстъ самъ съ собой бесѣдовалъ я такъ,
Заря грядуща дня, развѣя ночи мракъ,
Съ небесной тверди скрывъ сіяющи свѣтила,
Готовя солнцу входъ, луны фонарь гасила,
Мелькающій огонь въ каминѣ изчезалъ,
Рабочій мой народъ во всѣхъ избахъ вставалъ;
Послѣдняго изъ нихъ ревнуя низкой долѣ,
Хотѣлъ бы лучше быть въ его тогда неволѣ.
Но сжалился со мной владыка сна, Морфей,
Ужь легкой сонъ леталъ вокругъ моихъ очей.
Дремотой тонкой я лишь только усладился,
Какъ вдругъ передъ меня мой Геній появился;
Подвиглась отъ него вся храмина моя,
Ни неба, ни земли тогда не видѣлъ я.
Онъ страшенъ былъ, свирѣпъ, бросая быстры взоры,
Казалось, онъ скликалъ страшилищъ всѣхъ соборы;
И все, чѣмъ можетъ быть испуганъ человѣкъ,
Онъ въ дѣйство приведя, громовымъ гласомъ рекъ:
О буйный сынъ суетъ! ты все любовью таешь!
Иль такъ мои тебѣ совѣты уважаешь?

Спокойство потерявъ, златые дни губишь.
Какими отъ любви себя плодами льстишь?
Ея различныхъ мукъ, иль жертвой былъ ты
мало?
Какое зло тебя, нещастный, миновало?
Какихъ не испыталъ, вѣщай мнѣ наконецъ,
Лютѣйшихъ въ свѣтѣ каръ чувствительныхъ
сердецъ?
Когда мнѣ жизнь твою хранить велѣли Боги,
Предвидѣвъ ужь тогда твои судьбины строги,
Колючій тернъ на путь любви я насадилъ
Нарочно съ тѣмъ, чтобъ ты къ нему не
подходилъ;
Но ты, презрѣвъ мои полезныя угрозы,
Гдѣ кроются змѣи, туда ходилъ рвать розы;
Когда бѣжалъ искать подъ тѣнью ты отрадъ,
Тамъ тартаръ жегъ тебя, не рай плѣнялъ
прохладъ.
Къ щастью, сколько разъ пути презрѣвши
благи,
Ты падалъ лютыхъ бѣдъ въ крутѣйшіе овраги!
Въ столь зрѣлыя лѣта, о! сколь ты серд-
цемъ юнъ!
Но бойся на себя вооружить перунъ!
Не всуе отъ любви тебя я отвращаю;
Внемли, и помни вѣкъ, что я теперь вѣщаю:
Коль хочешь въ мірѣ семъ спокойствіе вку-
сить,
Забудь, что сердце есть, и перестань лю-
бить. . . .

При словѣ семъ мое изчезло привидѣнье,
При словѣ семъ и сна скончалось услажденье.

Престать любить! вскричалъ; — или я человѣкъ
На то, чтобъ самъ себя я мучилъ весь мой вѣкъ?
Или на тотъ конецъ, о Боги! я родился,
Чтобы какъ дикой звѣрь въ пещерахъ хоронился;
Чтобъ, сердцу находя любезнѣйшій предметъ,
Біенію его нечувственъ былъ? — Нѣтъ! нѣтъ!
На что мнѣ жизни сей безплодно продолженье,
Коль долженъ я любви отвергнуть обольщенье?
На что мнѣ слава, честь, чрезъ кои нашъ животъ
Есть образъ адскихъ мукъ, основа злыхъ заботъ?
На что богатство мнѣ? къ чему сама порфира,
Когда отъ глазъ моихъ отнимется Глафира?..
О, нѣтъ! когда бы мнѣ и гробъ въ любви найтить, —
Любовь есть рай души . . . я буду вѣкъ любить!

Ей же.

Le ciel fit pour s'aimer les coeurs qui se ressemblent.

Въ щастливый жизни часъ спознавшися съ тобою,
Власть полну далъ тебѣ, Глафира, надъ собою;
И сердцемъ и умомъ владѣя ты моимъ,
Къ блаженству кажешь путь владычествомъ своимъ!
Любви твоей одной всѣхъ паче благъ желаю,
Всей мыслію тебѣ, всѣмъ сердцемъ угождаю.
Мнѣ опытъ говоритъ, когда гляжу на свѣтъ,
Что каждой смертныхъ шагъ есть новой знакъ суетъ;
Симъ опытомъ привыкъ все видѣть равнодушно,
И чувствовать, что мнѣ съ тобою лишь не скушно;
Съ тобой еще могу найти я тихи дни,
Связь дружбы, жаръ любви и — радости одни;
Вседневно для меня рай новый созидаешь,
Бесѣдою своей мой разумъ исправляешь:
Ничто не можетъ такъ нашъ умъ образовать
И самый жесткій нравъ къ добру располагать,
Какъ женщинъ милыхъ намъ пріятны убѣжденья.
Что можетъ постоять противу ихъ внушенья?

Ни въ школахъ мудрецы, на каѳедрѣ монахъ —
Не въ силахъ произвесть того въ людскихъ
умахъ,
Что женщина творитъ однимъ не рѣдко сло-
вомъ.
О дѣйствіи такомъ, весьма уже неновомъ,
Напрасно сталъ бы здѣсь я рѣчь мою плодить;
Кому не удалось сей правды ощутить?
Какимъ бы твердымъ кто щитомъ ни огра-
дился,
Въ какой безвѣстной край вселенной ни со-
крылся, —
Гдѣ солнца свѣтитъ лучь, вездѣ любовь жи-
ветъ,
И тутъ — и тамъ — и здѣсь она его найдетъ.
Любовь, сей даръ Небесъ, огонь всея природы,
Которымъ изкони живутъ всѣхъ смертныхъ
роды,
Присущенъ былъ Творцу, какъ міръ Онъ со-
зидалъ:
Онъ съ духомъ жизни — духъ любви Адаму
далъ.
Когда бы въ насъ любви не дѣйствовала сила,
Что былъ бы человѣкъ? — Лишь кукла —
глыба ила.
Оставя разговоръ о важности причинъ,
Какими твари всѣ, храня свой въ мірѣ чинъ,
Естественнымъ между собою привлеченьемъ,
Живутъ одна съ другой взаимнымъ восхи-
щеньемъ, —
Въ молчаніи почтимъ Всесильнаго дѣла!
Вникая въ нихъ, нашъ умъ — густая только
мгла.

Гармонію сію между свѣтилъ небесныхъ
И самыхъ мѣлкихъ тѣлъ, едва намъ здѣсь извѣстныхъ,
Едваль удобенъ кто, Глафира, понимать;
Нашъ долгъ — дивиться ей и слѣпо обожать.
Довольно, естьли мы, въ предметъ взявъ человѣка,
Каковъ онъ сотворенъ отъ перваго дня вѣка,
Разсмотримъ, что любви владычество творитъ,
Когда его душа огнемъ ея горитъ;
Какія чудеса въ его находимъ нравѣ,
Въ разсудкѣ и душѣ, въ моральномъ всемъ составѣ.
Какогобъ свойства самъ онъ ни былъ по себѣ,
Въ какой бы приведенъ онъ ни былъ жить судьбѣ,
Но въ милой естьли зритъ своей противну волю,
Согласно съ ней тотчасъ сыскать стремится долю;
Препятства нѣтъ для той, которая мила:
Вездѣ за ней идетъ, куда бы ни вела.
Обычаямъ своимъ и вкусамъ досаждая,
Всѣ силы противъ ихъ разсудка напрягая,
Лишь чуть возникнетъ въ немъ хоть маленькой порокъ,
Стыдится, ищетъ скрыть, и самъ къ себѣ жестокъ.
Упрямъ ли онъ — она его всегда смягчаетъ;
Сердитъ ли — безъ труда на милость преклоняетъ;

И, словомъ, что она ни молвитъ — то законъ.
Я видѣлъ игрока горячаго въ бостонъ,
Которой, проигравъ, изъ мѣры вонъ терялся;
Хотя не злымъ онъ слылъ, тутъ бѣшенымъ казался;
Повѣришь ли ты мнѣ, Глафира, или нѣтъ —
Онъ плакивалъ, когда поставитъ разъ лабетъ.
Тотъ самой же теперь весь столъ напишетъ ими,
Когда играетъ онъ съ пріятельми своими.
Я пьяницъ многихъ зналъ, которые — не пьютъ;
Скупыхъ, которы — все имѣнье раздаютъ;
Мотовъ, которымъ — жаль копѣйку бросить стало;
Повѣсъ, которыхъ — вдругъ смирнѣе не бывало:
И всѣмъ премѣнамъ симъ, волнующимъ въ нихъ кровь,
Одну и тужъ вездѣ причину зрѣлъ — любовь.
Она меня къ тебѣ, Глафира, обращаетъ,
Подобно какъ магнитъ желѣзо привлекаетъ;
Она даетъ права сильнѣе всѣхъ властей;
Я ею вѣчный рабъ во области твоей.
Колико ты ума пріятностьми богата,
Которыя въ глазахъ моихъ дороже злата,
Толико и любовь моя къ тебѣ сильна!
Но умъ любви моей не первая вина:
Разсудка твоего обширность понимаю,
Достоинства души я чту, люблю и знаю;
Все мало для любви, сильнѣй приманка есть,
Ее намъ не даютъ ни родъ, ни умъ, ни честь.
Какая же? — Мила. . . . вотъ чувства совершенство,

Вотъ сердца талисманъ и наше въ немъ блаженство!
О естьлибъ иногда въ уныньи кто сказалъ,
Чтобъ онъ совсѣмъ безъ чувствъ на свѣтѣ жить желалъ,
Не вѣрь, Глафира! — Нѣтъ, еще тотъ не родился,
Кто жить бы не любя минуту согласился.
Пристрастіе меня уже не возмутитъ;
Но истинной любви мой духъ не измѣнитъ.
Ее не льзя купить ни силы принужденьемъ,
Ни златомъ, ни красой, ниже благотвореньемъ;
Свободна такъ, какъ духъ, она сама вспыхнетъ,
Обниметъ сердце вдругъ, и потихоньку жжетъ.
Прямой любви черты вовѣки неизмѣнны;
Чувствительны сердца! — онѣ для васъ священны! —
Глафира! вотъ объ ней понятіе мое,
И признаки познай и правила ее:
Невинной, чистой умъ безъ замысловъ тщеславныхъ,
Свободная душа отъ прихотей злонравныхъ;
Порокъ любезенъ быть не можетъ никогда,
Но слабость извинять есть долгъ любви всегда;
Участіе въ бѣдахъ, въ печали сожалѣнье,
Взаимное во всемъ другъ къ другу обращенье;
Въ опасности животъ за друга въ жертву несть,

За кровь его свою, за честь свою дать честь: —
Вотъ истинна любовь, Богами въ насъ рожденна!
Иное все лишь бредъ разсудка поврежденна.—
Законъ такой любви ужь ли, Глафира, строгъ?
Ахъ, нѣтъ! — даю тебѣ я сердце въ томъ въ залогъ;
И вѣрь, что сколько дней мнѣ жить ни доведется,
Симъ образомъ любить оно не отречется.

Ей же.

Un coeur bien atteint veut qu'on soit toit à lui.

Признательности дань плачу здѣсь, Музы! вамъ!
Чрезъ васъ я щастливъ былъ, имѣя цѣну тамъ,
Гдѣ каждымъ жизни днемъ, какъ райскимъ, восхищался,
Гдѣ сладкой дружбы я избыткомъ наслаждался,
Гдѣ могъ, что на душѣ, въ свободѣ полной здать,
Гдѣ слово даже грусть я началъ забывать;
Вы послѣ бурныхъ дней мучительныя страсти
Служили иногда отрадой мнѣ въ напасти.
Скучалъ ли я о чемъ, или о комъ болѣлъ, —
Перо мое! къ тебѣ прибѣжище имѣлъ.
Но кистью черной сплошь чертилъ свои картины,
И множилъ только тѣмъ досадъ моихъ причины.
Узналъ Глафиру, — вдругъ я сдѣлался не тотъ:
Гдѣ мыслей чернота, гдѣ дѣлась тьма заботъ?
Всѣ ясны стали дни, всѣ тихи стали ночи,
По утру, ввечеру, среди глухой полночи.

Когда бы въ чувства кто мои проникнуть могъ,
Узрѣлъ бы, что она въ нихъ царствуетъ какъ Богъ.
Бывало, коль при ней о чемъ нибудь сгруснулось,
Какъ паръ съ стекла сойдетъ, лишь только улыбнулась;
Желаніямъ ея на встрѣчу я бѣжалъ;
Уму ея во всемъ мой умъ порабощалъ;
А сердце для когожъ такъ сильно трепетало?
По голосу ея движенье воспримало.
Глафиры быстрой взоръ былъ Царь души моей;
Доволенъ, щастливъ, радъ, лишь только былъ бы съ ней.
Гдѣжъ смертныхъ наконецъ спокойство обитаетъ,
Когда такая жизнь его не продолжаетъ?
Или среди такихъ безцѣнныхъ сердцу благъ
Не цѣлой жизни путь, одинъ начертанъ шагъ?
Увы! не такъ сей свѣтъ устроенъ отъ начала,
Чтобъ радость въ немъ для насъ до гроба обитала!
Проглянетъ и блеснетъ, какъ молнія съ небесъ;
За ней гремитъ громъ бѣдъ и льется дожжикъ слезъ.
Наполненъ весь народъ лишь хитрости, лукавства;

Въ устахъ игра ума, въ глазахъ весь ядъ коварства;
Обманъ за все, про все, безъ финту ни на часъ,
И столь развращена вся нравственность у насъ,
Что естьли дружбы кто покажетъ восхищенья,
Не вѣритъ имъ никто, вмѣняя въ обольщенья.
Не льзя сказать люблю, чтобъ тысячи комеръ (*)
Не славили вездѣ: ахъ! онъ влюбленъ, Машеръ (**);
Смотри, какъ онъ глядитъ, взгляни, какъ онъ скучаетъ;
Примѣтила ли ты, какъ часто онъ вздыхаетъ?
И, словомъ, изъ своихъ умовъ зловредныхъ шутъ
Богъ вѣдаетъ, какихъ догадокъ не сплетутъ.
Хоть скромность двухъ друзей есть вывѣска прямая,
Однако всуе мнятъ, о дружбѣ разсуждая,
Что будто другъ прямой не можетъ жарокъ быть,
Что будто долженъ онъ безъ ревности любить;
Короче: все равно, что другъ, что дикой камень.
Ахъ, нѣтъ! Глафира, нѣтъ! и въ дружествѣ есть пламень.

(*) Французское слово, значитъ сплетчица.
(**) Французское слово, значитъ милая, и въ большомъ у Дамъ употребленіи.

Любовникъ — это пылъ, а другъ, есть тотъ огонь,
Которой свѣтелъ, тихъ; но чуть его лишь тронь,
Усиляся, и онъ зажжетъ, что прикоснется,
И мрачнымъ клубомъ дымъ его тотчасъ завьется.
Я съ ревностью всегда друзей своихъ люблю
И въ сердцѣ ихъ ни съ кѣмъ стать рядомъ не терплю;
Чтобъ взоры ихъ, слова и всякое движенье
Мнѣ искренно вездѣ казали предпочтенье.
Сего-то я вотще всю жизнь мою искалъ;
Изъ черна дня земли тотъ лютой день возсталъ,
Въ которой мнѣ пришло невольно догадаться,
Что не когда тебѣ, Глафира, мной заняться.
Ты скрыла сердце мнѣ, лишила тѣхъ рѣчей,
Отъ коихъ слабой умъ всей силы ждалъ своей;
Въ глаза твои мой взоръколико ни стремится,
Не можетъ твой съ моимъ ни въ чемъ ужь согласиться;
А я — и вотъ въ чемъ рокъ мой болѣе суровъ —
Тебѣ ставъ другомъ разъ, пребуду въ вѣкъ таковъ.
Я твердъ, умѣю быть любви въ безсмертномъ чувствѣ,
Хоть славится нашъ полъ обманывать въ искуствѣ.
Ты знаешь, я не лживъ; такъ вѣрь, Глафира, мнѣ,

Что вспомню о тебѣ во всякомъ жизни днѣ;
Что чту своихъ отрадъ сокровищемъ, богатствомъ
Воображать тебя съ умомъ твоимъ, съ пріятствомъ;
Что буду вѣкъ тебя съ боязнію любить,
Съ восторгомъ всѣ твои дѣянія хвалить,
И правиломъ твои пребудутъ мнѣ совѣты:
Вотъ сердца моего дражайшіе обѣты!
Одно уже добро осталось для меня,
Чтобъ помнить о тебѣ, ихъ цѣлость сохраня.
Печали сносны тѣ, въ которыхъ другъ любезной,
Снявъ бремя ихъ съ души, даетъ совѣтъ полезной.
Но, ахъ! съ какой бѣдой тѣ горести сравнять,
Отъ коихъ рвись одинъ и не кому сказать;
Которыхъ самъ твой другъ ставъ первою виною,
Глубоки роетъ рвы, гдѣ путь лежитъ къ покою:
Вотъ муки, кои мнѣ чувствительность дала!
А все - таки ты мнѣ, Глафира, все мила!

И такъ я, Музы! васъ теперь не приглашаю;
Глафиру потерявъ, всѣ вкусы вдругъ теряю.
Тебя лишь, Циммерманъ, тебя съ твоей тоской
Зову, какъ друга, я бесѣдовать съ собой!
Когда судьбы хотятъ, чтобъ въ жизни сей плачевной

Печаль и тѣснота удѣлѣ нашѣ былѣ вседнев-
ной;
Когда Всевышній такѣ вселенну учредилѣ,
Чтобѣ всякой бремена бѣды своей сносилѣ,
И дружескихѣ связей небесно упоенье
Вмѣнялѣ во бредѣ страстей, разсудка вѣ из-
ступленье:
То ты меня теперь увѣрь и убѣди
И твердостью души своей меня снабди!
Хочу я, такѣ какѣ ты, одинѣ изныть вѣ
семѣ мірѣ,
И опытомѣ самимѣ хочу явить Глафирѣ,
Что естьли друга вѣ ней найти я не успѣлѣ,
То свѣтѣ сей для меня, сѣ ней розно, — опу-
стѣлѣ.

ЛЮДМИЛЪ.

Le monde doit faire l'amour
Puis-que l'amour a fait le monde.

Женитьбы по любви вкушая плодъ семь лѣтъ,
Съ женою на печи забылъ я цѣлой свѣтъ;
Какъ дома рай сыскать, я твердо научился.
Подмигивать отвыкъ, отъ женщинъ удалился;
Казалось, пересталъ отъ нихъ съ ума сходить.
Но знать мнѣ на роду написано такъ жить,
Чтобъ личикомъ вездѣ пригожимъ воспламе-
нятьcя,
И слабо отъ любви разсудкомъ защищаться.
Да гдѣ же Царь и вождь, гдѣ рабъ, покрытый
тьмой,
Которой бы не чтилъ сей власти надъ собой?
Природа, давъ сердца, надъ ними обладаетъ,
По волѣ ихъ своей, не нашей, помыкаетъ;
У каждаго изъ насъ есть собственной чер-
вякъ,
И всякой въ свой чередъ бываетъ здѣсь дуракъ.
Посмотримъ съ стороны — сентенціи пре-
красны,
И логикѣ прямой всѣ кажутся подвластны;
Но дерни струнку тамъ, гдѣ за сердце ще-
митъ,
Кто сколько ни уменъ, а всякой дребезжитъ.
Себѣ самимъ цѣны дать сильно не робѣемъ,
А ближнихъ ни за что напрасно разумѣемъ.
Коль истину сказать, ктожъ бабѣ и не внукъ?

Сей свѣтъ есть полной домъ заботъ, печалей, мукъ;
Такъ естьлибъ иногда намъ съ правды не свихнуться,
Пришлось бы, не доживъ урочныхъ лѣтъ, рехнуться.
Я ближнему готовъ ошибку чувствъ прощать,
И въ слабостяхъ ума всѣмъ сердцемъ извинять:
Споткнуться мудреноль, когда Купидо тянетъ;
Но черныхъ дѣлъ душа моя хвалить не станетъ.
Съ проступкомъ различать развраты надлежитъ;
Одинъ упалъ — вскочилъ, другой весь вѣкъ лежитъ.
Коварства не терплю, измѣны ненавижу;
Мнѣ пасмуренъ тотъ день, когда ихъ опытъ вижу.
Всѣ страсти намъ вредятъ, воспламеняя кровь;
Но меньше всѣхъ стыдитъ невинная любовь.
Прискорбно, что успѣхъ неравенъ удается:
Иному только взглядъ въ добычу достается,
Кому словечко, вздохъ, кому одинъ обманъ.
Быть витяземъ въ любви не многимъ жребій данъ;
Однако молодцовъ такихъ нѣтъ на примѣтѣ,
Которымъ безъ любви жить нравилось на свѣтѣ.
Бѣги отъ женщинъ прочь, скитайся по горамъ;
Попалась лишь одна, — и вся мораль къ чертямъ.

Къ чему клоню я рѣчь, догадливой узнаетъ;
А въ комъ догадки нѣтъ, тотъ пусть не понимаетъ.
Дуракъ всегда болтунъ, не смыслитъ, да вредитъ;
А скромной смѣтитъ все, и кстати замолчитъ:
Онъ знаетъ, что любви оковы очень гибки,
А жестки отъ одной любовниковъ ошибки.
Но естьли симъ стихамъ (оно немудрено)
Въ рукахъ любезной быть судьбою суждено,
И ежели они (вотъ это мудрененько)
Покажутся и впрямъ написаны гладенько,
То я за слабой трудъ, наполненной отрадъ,
Не многаго прошу въ замѣну всѣхъ наградъ,
(Не для того, чтобъ былъ бездѣлкою доволенъ;
И радъ бы много взялъ, въ чужомъ никто неволенъ),
А именно того, чтобъ всякой день хоть разъ,
Истерику лишь прочь, и въ самой рѣзвой часъ,
Коль могутъ быть притомъ капризы всѣ избѣжны,
Людмила на меня взоръ бросила бы нѣжный,
И слыша, сколько мукъ любя ее терплю,
Отвѣтствовала мнѣ: — и я тебя люблю...

Незнакомой въ Столицѣ.

На что ты знать меня желаешь?
Ни я уменъ, ни я пригожъ.
Напрасно ты воображаешь,
Что будто я любезенъ; — ложь!
Тѣ дни давно уже промчались,
Въ ночи забвенья потерялись,
Когда такимъ напрасно слылъ.
Измѣны, скука и печали
Черно мой нравъ образовали,
И духъ во мнѣ совсѣмъ унылъ.

*

Лишь міромъ началъ утѣшаться,
Тотчасъ онъ мнѣ противенъ сталъ;
Чѣмъ больше сталъ съ людьми сближаться,
Тѣмъ больше жизнію скучалъ;
Какъ скоро зла успѣхъ увидѣлъ,
Сообщества возненавидѣлъ,
Съ тѣхъ поръ и свѣта не люблю:
Безстрастно жизнь моя влечется,
Какъ нитка грубая прядется,
И тягость бытія терплю.

*

Я мнилъ, изъ дѣтской вышедъ школы,
Забавами себя маня,
Что небо радостей престолы
Вездѣ воздвигнетъ для меня;

Что грусть есть слабыхъ душъ химера,
И что подсолнечная сфера
Вмѣстилище честныхъ людей;
Что въ свѣтѣ любятъ всѣ другъ друга;
Что каждой шагъ нашъ есть услуга,
А міръ — семья прямыхъ друзей.

*

То мнѣнье молодости было,
Восторгъ души, еще простой;
Въ пятнадцать лѣтъ что веселило,
То въ тридцать рушитъ нашъ покой.
Тогда все было мнѣ пріятно,
И все казалось вѣроятно,
Хоть чуть гладенько кто солжетъ;
Но выросъ — и обманъ примѣтилъ,
И позднюю догадкой смѣтилъ,
Что сердце не въ устахъ живетъ.

*

Въ такомъ несносномъ положеньи
Отчаянно томяся вѣкъ,
Какія можетъ утѣшеньи
Себѣ придумать человѣкъ?
Разсудокъ мало помогаетъ,
Гдѣ сердце ноетъ и страдаетъ,
Гдѣ темная повсюду ночь,
Совѣта нѣтъ, посредствъ нимало,
Друзей подавно не бывало,
И ближніе бѣгутъ всѣ прочь.

*

Чей умъ, какъ ни былъ бы способенъ,
Лишенный всякихъ вдругъ подпоръ,
Чей умъ переноситъ удобенъ
Мірскихъ пристрастіевъ раздоръ,

Къ изгибамъ хитрости привыкнуть,
Лукавства глубину проникнуть,
Узнать, гдѣ правда, гдѣ обманъ,
И видѣть день отъ дня яснѣе,
Что чувства, кои всѣхъ нѣжнѣе —
Любовь и дружба — лишь романъ?

*

Родясь съ чувствительной душою
И пріучивъ ее любить,
Какой возможно путь къ покою
Въ такой вселенной находить?
Ушелъ бы въ пропасти далеки,
Гдѣ не родятся человѣки; —
Но сердце мнѣ куда дѣвать?...
Оно вездѣ со мной пребудетъ,
Оно Глафиры не забудетъ!
Иль съ нею жить — иль умирать!

*

Такъ! ты единственно родилась
Восхитить чувствія мои,
Умомъ и нравомъ отличилась
Отъ всѣхъ живущихъ на земли;
Любви непостижимой силой
Ты сердцу моему быть милой
Была въ природѣ создана;
Твой взоръ владычествуетъ мною:
Пусть правитъ онъ моей судьбою;
Она ему покорена.

*

Глафиры нѣтъ — пуста вселенна! —
Пуста — такъ мыслю — и не лгу.
Сколь многихъ участь ни блаженна,
Завидовать ей не могу.

Ничто меня не изумляетъ,
Ничто желанья не раждаетъ
Пуститься снова въ пышной свѣтъ;
Отъ рубища и до порфиры
Все видѣлъ — и кромѣ Глафиры
Ей ей пріятнаго ужь нѣтъ!

*

Сіе одной предпочитанье
На чувствахъ сердца основавъ,
Могу ли въ комъ родить желанье
Узнать мой, дикой впрочемъ, нравъ? —
Къ тебѣ рѣчь паки обращаю,
Еще тебя спросить дерзаю:
На что ты хочешь знать меня?
Пероль мое тебя плѣнило?
Оно того не заслужило;
Такъ много не мечтаю я.

*

Единой правдѣ посвящая
Мои досуги въ тишинѣ,
Глафирой душу восхищая,
Пишу, что кроется во мнѣ;
Нѣмой бумагѣ безъ искуства
Ввѣряю искреннія чувства,
Но славы въ риѳмахъ не ищу.
Угоденъ — пусть меня читаютъ,
Противенъ — пусть въ огонь бросаютъ:
Трубы похвальной не хочу.

*

Прости мою мнѣ откровенность!
Притворству я не обученъ;
Чужда мнѣ автора надмѣнность:
Дерзнулъ быть ею зараженъ.
Но естьли сказанное мною
Не приметъ силы надъ тобою,
И безуспѣшенъ я найдусь:
Тогда волшебствъ ненадо много,
Былабъ извѣстна лишь дорога;
Вели — изволь, я покажусь.

Незнакомой въ уѣздъ.

Пріятную свою настроивая лиру,
Кто хвалитъ мой каминъ и милую Глафиру,
Чье нѣжное перо столь пышною хвалой
На свѣтъ выводитъ вновь талантъ убогой мой!
Коль въ правду пишешь ты, что я тебя не знаю,
То жаль, что тѣхъ стиховъ творца не отгадаю,
Которыми, за трудъ мой міру угодить,
Одна страшилась ты чрезмѣрно наградить;
И будетъ для меня хвалы твоей безцѣнной,
Не требуя ея безумно отъ вселенной.
Коль чувства тронуть могъ хотя одной души,
Стихи мои уже довольно хороши.
Моихъ трудовъ предметъ — едино упражненье;
Занятіе само собой есть утѣшенье;
А впрочемъ знаю самъ, что нѣтъ въ стихахъ моихъ
Такого ничего, за чтобъ замѣтить ихъ.
И такъ, принявъ хвалу твою съ благодареньемъ,
Я чту ее себѣ пріятнымъ ободреньемъ.
Коль всякой такъ, какъ ты, ихъ въ праздности прочтя,
Захочетъ мнѣ сказать по истинѣ, не льстя,

Что занятъ ими былъ хоть мигъ одинъ
пріятно, —
Чего еще желать? — Сіе лестнѣй стократно,
Чѣмъ въ одахъ похвала обманчивая та,
Котору сплошь плетутъ коварныя уста. —
Твоею похвалой, почтенна незнакомка!
Я щедро награжденъ, и вкупѣ очень громка.
Что можетъ твоего поступка быть нѣжнѣй:
Отъ благодарности скрываешься моей!
Не риөмы лишь мои, ты мысли ободряешь,
И самымъ тѣмъ меня сильнѣй въ нихъ
утверждаешь.
Такъ — истинно не льзя — и споръ бы былъ
упрямъ
Иначе безъ хлопотъ достигнуть щастья
намъ,
Какъ шествуя путемъ умѣренности въ свѣтѣ.
Кто множество затѣй имѣетъ вдругъ въ
предметѣ,
Въ желаньяхъ, какъ въ волнахъ, колеблемъ
весь свой вѣкъ,
Тотъ чадо суеты и бѣдной человѣкъ;
Мнѣ жалкими всѣхъ тѣхъ разсудокъ пред-
ставляетъ,
Которыми *авось* какъ хочетъ управляетъ.
Удача пусть его на парусахъ несетъ;
Но вѣтеръ чуть не тотъ — и все ко дну
пойдетъ.
Такъ мыслилъ я всегда, такъ буду думать
вѣчно,
И естьли хвалишь ты меня чистосердечно,
Коль образъ мыслей мой тебѣ угоденъ сталъ, —

На что желаешь ты, чтобъ я тебя не зналъ?
Когда сказать того не хочешь въ Иппокренѣ,
Дабы не подвергать себя ея измѣнѣ,
Ужь ли ты средствъ иныхъ не сыщешь, чтобъ
про то,
Кто ты, кромѣ меня не свѣдалъ бы никто?
Чтобъ я твоихъ стиховъ не смѣлъ считать
насмѣшкой,
Будь искренна, какъ я — назвать себя не
мешкай.
За что хотѣть меня пріятности лишить
Признательность мою вполнѣ тебѣ явить?
Ее въ стихахъ сихъ нѣтъ, перо мое ту-
пѣетъ,
Воображеніе часъ отъ часу слабѣетъ,
И чувствую, увы! что время то прошло,
Въ которое оно понравиться могло.
Всему своя пора! — Покорствуя Натурѣ,
Я краткой жизни мигъ скончалъ въ литте-
ратурѣ.
Доколь Піитовъ духъ меня животворилъ,
Я можетъ быть его восторгомъ веселилъ;
Предѣлъ моихъ теперь способностей я вижу,
А кое-какъ писать — до смерти ненавижу.

Тебѣ принадлежитъ Парнасса знатной
край;
Пиши — и своего Ванюшу восхищай!
Позволь подъ часъ и мнѣ свою услышать
лиру;
Согласіемъ ея плѣняй мою Глафиру,
И искренней любви заимствуя черты,

Представь златыхъ намъ дней небесны
красоты!
А мнѣ вели изъ устъ воздать благодаренье
Живѣе, чѣмъ сіе полмертвое творенье,
Которымъ я принесть тебѣ стараюсь въ даръ
Послѣдній мыслей плодъ — послѣдній серд-
ца жаръ.
Но естьли ты въ своемъ упорствѣ пребываешь
И чести сей меня достойнымъ не считаешь,
По крайней мѣрѣ знай (и вѣрь словамъ моимъ),
Что буду помнить вѣкъ столь лестной
анонимъ.

Парацъ

Я былъ въ гостяхъ у Селимены,
Прекрасной видѣлъ тамъ боскетъ,
Въ диванѣ зеркальныя стѣны,
Въ гостинной розовой паркетъ.

*

Въ которой край ни оглянуся —
Красно, богато и свѣтло!
Чего рукой ни дотронуся —
Все бархатъ, мраморъ, иль стекло!

*

Во изумленьи любовался
При Селименѣ тамъ на все,
Умомъ своимъ ей посужался,
Но сердце пряталъ отъ нее.

*

Рѣкою льются тамъ шарады,
Въ большомъ почтеньи каламбуръ;
Стихи терзаютъ безъ пощады,
А въ лампахъ свѣтитъ petit sour.

*

Хозяйка походя смѣется
Всегда на чей нибудь да счетъ;
Друзьямъ не рѣдко достается,
Какой въ семьѣ вести расчетъ.

*

Словца безЪ умыслу не скажетЪ;
ГлазамЪ великой недосугЪ;
СЪ надмѣнностію тонкой кажетЪ
Свои алмазы и жемчугЪ.

*

Она не рѣдко пустошь мѣлетЪ
Про тѣхЪ, кого бѣжитЪ обнять;
По Руски молвить: мягко стелетЪ,
Да жестко, сказываютЪ, спать.

*

Иному дастЪ такую зорю,
Что кровь приводитЪ всю вЪ игру.
Остра, бойка — я и не спорю;
Да только мнѣ не по нутру.

*

Меня, спасибо, тамЪ ласкали
Хозяйка, гости, вся семья,
ВпередЪ почаще приглашали;
Но врядЪ опять вернусь ли я.

*

ОтЪ нихЪ, лишь только все усѣлось,
ПоѣхалЪ кЪ ПашинькѢ сидѣть:
МнѢ сердцемЪ жить вЪ тотЪ день хотѣлось,
А не на золото глядѣть.

*

Хоть бѣдныхЪ комнатокЪ Параши
Не злата рядитЪ красота,
Но, ахЪ! онѣ чертоговЪ краше:
ВЪ нихЪ дружба, честь и простота.

*

Не сыщешь тутЪ хрустальныхЪ вздоровЪ,
Ни шума праздничныхЪ забавЪ,
Не застятЪ солнце тьмой уборовЪ;
Все дрянь — да что-то все на нравЪ.

*

Здѣсь въ мысляхъ полная свобода:
Хотя проврешься, не бѣда;
И на чужомъ дворѣ народа
Никто не тронетъ никогда.

*

Гостей не стая къ ней валится;
Пять, шесть персонъ — бесѣда вся.
Никто вспотѣвши ни чинится;
Всѣ тутъ родня, всѣ тутъ друзья!

*

Хозяйка суясь не хлопочетъ:
Есть креслы — сядь, не хочешь — стой;
Кому смѣшно — пускай хохочетъ;
Кто любитъ пѣть — пожалуй пой.

*

Она свое пригожство знаетъ,
Но такъ имъ мало дорожитъ,
Что даже часто забываетъ,
Гдѣ зеркало ея стоитъ.

*

А Селимена . . . (ахъ! какъ стыдно! . . .)
Съ трюмо почти не спуститъ глазъ;
И какъ ни кроется, но видно,
Что въ день сойдется съ нимъ сто разъ.

*

Что я красою понимаю,
Что я зову любезной быть,
Въ тебѣ то, Пашинька, встрѣчаю;
Другимъ дано лишь только слыть.

*

Твоимъ подобьемъ Стернъ плѣнялся;
Его Элиза такова;
Въ тебѣ (онъ самъ бы въ томъ признался)
Она родилась сызнова.

*

Мое сравненіе не ложно:
Вь твоемь углу небесной Рай;
Вь немь горя чувствовать не можно,
И скука сердца не замай.

*

Любовь прямая безь примѣра,
Не знаема вселенной всей,
Сь тобой лишь только не химера;
Она вь душѣ живеть твоей.

*

Она-то общество плѣняеть,
Вь которомь дни свои ведешь,
Она всечасно посѣщаеть
Тоть домь простой, гдѣ ты живешь.

*

Жеманства маскою дурною
Ты прочь ее не отразишь,
Молвы боязнію пустою
Ты дружбы нѣжной не страшишь.

*

Живи разсудка подь закономь,
Богатыхь не ревнуй судьбѣ;
Кь богатымь придуть всѣ сь поклономь,
А сь сердцемь бросятся кь тебѣ.

*

И такь я сь ней залепетался,
Что, на часы когда взглянуль,
Ахти, полночь! — домой помчался,
Путемь, дорогой такь смекнуль:

*

Парашу вѣчно не забуду!
Мила мнѣ будеть навсегда!
Кь ней всякой вечерь ѣздить буду,
А кь Селименѣ — никогда.

Судьбѣ (*).

Tous les sorts sont tirés, soyez content du votre.

Судьба моя, судьба, судьбинушка лихая!
Ужь ли мнѣ одному такая ты дана?
Или подъ жаркой часъ изъ ада сатана
Наслалъ тебя, мою плоть бренну искушая?

*

Бывало, какъ назадъ десятокъ лѣтъ вернуся,
Все спѣло въ одинъ часъ, чего ни пожелалъ,
Безъ умолку съ утра до ночи хохоталъ;
А нынче въ цѣлой годъ двухъ разъ не улыбнулся.

*

Бывало, какъ съ двора поѣду прогуляться,
Насилу четверня моя бредетъ домой,
Умучу бѣгуновъ полдюжину зимой;
Теперь впрягутъ и цугъ — да не куда дѣваться.

*

Бывало, какъ зимы дни краткіи наступаютъ,
Во всѣ дома зовутъ по карточкамъ на балъ,
Не рѣдко скороходъ на островъ звать ѣзжалъ (**);
А нынче такъ и въ Клобъ съ подпиской не пускаютъ.

*

(*) Писаны въ Пензѣ въ началѣ 90 го года.

(**) На балъ Каменнаго острова при Дворѣ Великаго Князя.

Бывало, межъ собой собравшися Дворяне,
Когда во что нибудь задумаютъ играть,
Въ бесѣду ихъ подлецъ не смѣетъ забѣгать;
Здѣсь Баринъ и слуга, коль въ барскомъ онъ кафтанѣ.

*

Бывало у Бояръ, отличнымъ просвѣщеньемъ
Безъ страха могъ я въ рѣчь съ хозяиномъ войтить,
Безъ чванства онъ со мной изволилъ говорить;
А здѣсь послѣдня тварь глядитъ съ пренебреженьемъ.

*

Судьба! за чтожъ ты такъ въ дугу меня согнула?
За что, скажи, тебѣ толико вдругъ немилъ?
Не льзяли, чтобъ я сталъ по прежнему, какъ былъ,
Чтобъ солнышко изъ тучъ на дни мои взглянуло? —

*

Ну, что ты тамъ въ грязи столь ярко разшумѣлся?
Вѣдь всѣ равно съ тобой живутъ, не какъ хотятъ:
Отъ завтра не уйдутъ, вчера не возвратятъ;
Такъ ты ли здѣсь одинъ на радость заговѣлся?

*

Бывало затвердилъ. . . Меня спроси старушку,
Что, гдѣ, когда и какъ случалося у васъ;
Не только, что людей, я цѣлой свѣтъ подъ часъ
Верчу, ломаю, бью, какъ дѣтскую игрушку.

*

Когда стихіевъ Царь, міровъ громады строя,
Вселенну въ лѣпотѣ и славѣ сотворилъ,
Онъ мнѣ изъ первыхъ рукъ сей шаръ земной вручилъ,
Мнѣ ввѣрилъ Онъ пути младенца и Героя.

*

Какъ мечетъ банкъ игрокъ на лѣво и на право,
Такъ точно ваши всѣ я замыслы верчу:
Спасаю отъ ядра и стрѣлъ, кого хочу;
Горитъ и тухнетъ мной Царей великихъ слава.

*

Бывало на Руси не смѣй тому учиться,
Чему гораздъ Французъ, что Нѣмецъ разумѣлъ;
Бояринъ на коврѣ богатомъ пилъ и ѣлъ,
Не смысля отъ раба инымъ чѣмъ отличаться.

*

А нынче, посмотри на Сѣверну Столицу!
Царевичи, Цари, послы толпой валятъ;
Гдѣ знали прежде дебрь, вседневны дива зрятъ
Съ тѣхъ поръ, какъ я на тронъ послала къ нимъ Фелицу.

*

Бывало Карлъ Петра разитъ и погоняетъ;
Бывало Карла Петръ въ Турецки Царства гналъ;

Бывало Польской конь въ Москвѣ Соборъ топталъ:
А нынче сто магнатъ одинъ москаль пугаетъ.

*

Былъ пышной богатырь, хотѣлъ и дѣлалъ много;
На что иному вѣкъ, на то ему лишь мигъ;
Пришла моя пора, мой гласъ его достигъ:
Гдѣ зрѣлъ онъ къ славѣ путь, тамъ въ гробъ легла дорога.

*

Бывало Князь прямой, изъ всѣхъ вельможъ вельможа,
За истину, за тронъ и жизни не щадилъ,
Царю всегда вездѣ онъ правду говорилъ;
А нынче всякой лжетъ, лишь толькобъ было гожа.

*

Бывало, на часокъ иной попавши въ моду,
Кареты, дворъ, людей мѣняетъ каждой день,
Лобзая благъ земныхъ обманчивую тѣнь;
А нынѣ нужный хлѣбъ имѣетъ лишь и воду.

*

Бывало, проскакавъ со славою полсвѣта,
При тронѣ, при полкахъ, великой мужъ вездѣ,
Богатствами ни съ кѣмъ не равенъ былъ нигдѣ;
А дочь его теперь набойкою одѣта.

*

Бывало кто въ кредитъ обѣда не достанетъ,
Кого портной, ямщикъ изъ денегъ тормошатъ,
Кто свой послѣдній скарбъ несетъ въ ломбардъ въ закладъ;
Тотъ щастливыхъ творитъ лишь тѣмъ, что мило взглянетъ.

*

Такъ можешь ли ты быть въ роптаньяхъ столько злобенъ,
Когда я исключать не смышлю никого;
Никто не отведетъ теченья моего,
И путь мой прекратитъ часъ смерти лишь удобенъ.

*

За гробомъ нѣтъ судьбы, нѣтъ случаевъ премѣны;
Тамъ истина, тамъ Богъ, тамъ жупелъ, или Рай,
Всѣхъ подвиговъ предѣлъ, людскихъ желаній край;
Тамъ вѣсятъ ихъ дѣла на вѣрные безмѣны.

*

А здѣсь тебѣ меня не одолѣть ворчаньемъ;
Не такъ, какъ хочешь ты, живи какъ я велю:
Инаго дни черню, инаго дни бѣлю,
И что взвалила я, умѣй носить съ молчаньемъ.

*

Не первой ты, повѣрь, и не послѣдній будешь,
Кому со щастьемъ жить придетъ на перекоръ;

За дѣло погрустишь, помучишься за вздоръ:
Но ведра только мигъ, ненастья годъ забудешь.

*

Бѣды и тѣснота суть даръ мой драгоцѣнной;
Я ими чищу нравъ и разумы острю,
Къ благимъ дѣламъ сердца преклонными творю.
Будь щастливъ, человѣкъ! добра нѣтъ во вселенной.

*

На правду мало словъ. Повиненъ предъ тобою,
Повиненъ, о Судьба! въ безуміи моемъ.
Коль сердцемъ тотъ жестокъ, кто щастливъ здѣсь во всемъ,
Останься жъ мнѣ на вѣкъ ты строгою Судьбою.

*

Безъ благости душа-сосудъ, исполненъ скверны;
Безъ благости нашъ умъ ни что, какъ только бредъ;
Безъ благости вся жизнь есть цѣпь горчайшихъ бѣдъ:
А благость намъ съ собой приноситъ мзды безмѣрны!

Сослуживцу (*).

Безъ чванства Философъ, любезной человѣкъ,
Котораго Парнассъ младой украсилъ вѣкъ!
Мой первой стихъ къ тебѣ я робко обращаю:
Прими и полюби — вотъ все, чего желаю...
Уже насталъНоябрь и съ нимъ сту-
чатъ морозы,
Садовники спѣшатъ соломой скутать розы;
Осенней темнотой покрылись небеса,
Ликъ солнца побѣлѣлъ, раздѣлися лѣса;
Снѣгъ мѣлкой какъ холстомъ всю землю у-
стилаетъ,
Шумливой всталъ Борей и воздухъ возму-
щаетъ;
Несносная мятель у всѣхъ глаза слѣпитъ,
Прохожій въ свой чуланъ зажмурившись бѣ-
житъ
И съ нуждою своей клянетъ онъ злу погоду:
Что можетъ быть зимы лютѣе пѣшеходу!
Не меньше жалокъ ты, ктобъ ты таковъ
ни былъ,
Кому теперь скакать въ кибиткѣ рокъ су-
дилъ!
Рожденья своего минуту проклинаешь,
Къ чертямъ затѣи всѣ тщеславныя ссылаешь.
Подобную тебѣ я участь самъ имѣлъ,
И часто въ розвальняхъ бѣду твою терпѣлъ,

(*) Писано въ первой молодости, еще не печатано.

Когда ѣзжалъ въ Москву по клобу пошататься,
Или во градъ Петра на службу въ срокъ яв-
являться.
Блаженъ, кто, лжебогамъ не ставя олтарей,
Спокойно тянетъ нить безвредныхъ свѣту
дней,
Въ умѣренности все свое богатство ставитъ
И выжиги въ печи отъ скупости не плавитъ!
Помѣщикъ отставной, обмазавъ глиной домъ,
На полгода засѣлъ внутри своихъ хоромъ;
Разъ десять топитъ въ день, по стольку жъ
чарокъ дуетъ,
Про старой свой походъ съ сосѣдами толкуетъ,
Щей, каши есть горшокъ, а пива не занять,
По скольку хочетъ разъ ложится въ сутки
спать;
Одинъ, или съ гостьми, въ тулупѣ тепломъ
прѣетъ,
Ногтей онъ не стрижетъ и бороды не брѣетъ;
Что нужды въ томъ ему, что снѣгомъ за-
мѣло,
Лишь только бы хоромъ съ подошвы не сне-
сло;
А впрочемъ ни о чемъ старикъ мой не хло-
почетъ,
Доволенъ — и съ утра до вечера хохочетъ.
Для тѣхъ, у коихъ скорбь на сердцѣ не
скребетъ,
Кто весело среди сёмьи своей живетъ,
Погоды всѣ равны; — я самъ то ощущаю,
Въ каминѣ огонекъ почасту раздуваю;
Тамъ, сидя у него, надъ стужею смѣюсь,
И приступовъ къ себѣ мороза не страшусь,

Съ безпечностію всѣхъ поступки примѣчаю,
Ребенка тормашу и мать его ласкаю;
Не трачу дней златыхъ въ гаданьяхъ о войнѣ,
Что будетъ черезъ годъ на Шведской сторонѣ,
Гдѣ Турокъ пощелкать, какъ славной миръ составить,
Или пройдя Кюмень, Чухонцевъ позабавить.
Не намъ сихъ громкихъ дѣлъ, не намъ извѣстенъ слѣдъ;
Въ безсонницѣ Министръ пускай тревожитъ свѣтъ,
А мнѣ моей судьбой назначено лѣниться,
Смѣяться дуракамъ, на счетъ ихъ веселиться.
Кто самъ умнѣй меня, тотъ смѣйся надо мной;
Пусть пользуются всѣ свободой дорогой.
Для ближнихъ безъ вреда пусть время всѣ проводятъ,
Смѣются пусть тому, смѣшное въ чемъ находятъ;
Свобода мысли — есть безцѣнное добро.
Что пользы, коль дадутъ вселенной мнѣ сребро
И вмѣстѣ съ нимъ запрутъ туда, гдѣ въ прежни годы
Задѣлывали кладъ старинные народы?
Гдѣ не чего достать, на что тамъ и металлъ;
Не въ златѣ Богъ, не въ немъ отрады намъ послалъ.
Кто маленькимъ добромъ довольствоваться смыслитъ,
Насущнымъ хлѣбомъ сытъ и дни въ забавахъ числитъ,
Любимъ своей женой и самъ привязанъ къ ней,

Безъ ревности готовъ двухъ, трехъ позвать
друзей, -
Тотъ щастливѣе всѣхъ на сей земной планетѣ.
Коликобъ высоко ни стали мы на свѣтѣ,
Естественный законъ всѣхъ въ землю повалитъ;
Червь гложетъ Царской трупъ, и тля гробницы тлитъ.
Тотъ легче бремя золъ житейскихъ переноситъ,
Чьи скромныя дѣла міръ меньше превозноситъ;
Пріятный на лицѣ его мы видимъ смѣхъ,
Завидливый его не перебьетъ утѣхъ,
Онъ ревности ни въ комъ собой не поджигаетъ;
Вельможа на него холодной взоръ бросаетъ.
Чѣмъ менѣе пщеты, тѣмъ ближе щастье къ намъ.
Повѣрь, любезный другъ! простымъ моимъ словамъ,
Доволенъ будь своимъ, чужаго не желая,
Внѣ родины своей искать не льстися рая;
Ошибки и соблазнъ! Куда ни сунься ты,
Порокъ вездѣ найдешь и тѣ же суеты.
Всѣхъ Богъ распредѣлилъ равно и безпристрастно:
Тому далъ пылкой духъ, другому сердце страстно:
Тебѣ талантъ открылъ перомъ своимъ плѣнять,
Ему и иже съ нимъ бумагу лишь марать;
Инаго на мишень Турецкой пушки ставя,
И выстрѣлы ея всѣ въ грудь его направя,

Вернуться допустилъ здорова, цѣла въ домъ;
Другаго разорвалъ на вылетѣ ядромъ.
Всякъ участи своей повиненъ покаряться,
Съ терпѣньемъ все сносить, въ безвѣрьи не
теряться.
Какой-то старичокъ умно весьма сказалъ —
Онъ видно больше насъ на свѣтѣ испыталъ:
„Съ ума чтобъ не сойти, мѣшай дѣла съ
бездѣльемъ.“
И вправду, что есть жизнь? Смѣсь горести
съ весельемъ.
Послѣдуя ему, хочу свой вѣкъ прожить:
Вотъ способъ ни о чемъ на свѣтѣ не тужить. —

Сердечкину.

Послушайся меня — долой тоску съ двора;
Съ подругою такой въ минуту посѣдѣешь.
Живи, покамѣстъ жить не минула пора;
А смерть придетъ съ серпомъ, — хоть дюжъ,
не уцѣлѣешь.

*

Ученые давно разсказываютъ намъ,
Что всуе горевать о томъ, въ чемъ мы не-
властны;
Что всякой долженъ быть покоренъ Небесамъ—
Твердятъ о томъ вѣковъ намъ опыты все-
часны.

*

Послѣдуй мудрецамъ, и сердцу дай покой;
Не мучь его, мой другъ, разборчивостью
строгой,
Разсудка не питай чувствительной тоской,
И къ вѣчности бреди естественной дорогой!

*

Натурой созданы, — въ натурѣ мы живемъ,
Законами ея намъ должно управляться;
По милости ея мы спимъ, ѣдимъ и пьемъ,
По милости ея мы можемъ наслаждаться.

*

Тотъ бредомъ зараженъ обманчивыхъ стра-
стей,
Кто мнитъ, что жизни сей минуты драго-
цѣнны,
Такъ точно какъ жемчугъ на днѣ густыхъ
морей,
Во внутреннихъ жильяхъ сердечныхъ сокро-
венны.

*

Въ ошибкѣ тотъ, кто мнитъ, что щастіе
сердецъ
Въ обмѣнѣ нѣжныхъ чувствъ, въ душевномъ
восхищеньи,
Что вздохъ, слеза и взоръ суть радостей вѣ-
нецъ,
Что вѣстники всѣхъ благъ сердечныя біенья.

*

О жалкія умовъ испорченныхъ мечты,
Которымъ въ жертву мы несемъ союзъ при-
роды,
И жизни сей цѣнить не смысля красоты,
Бѣжимъ въ оковы зла отъ прелестей свободы!

*

Увы! я самъ искалъ такихъ же въ свѣтѣ благъ!
Романами пути прокладывалъ ко щастью,
И пагубнымъ считалъ тотъ каждой смѣлой
шагъ,
Которой велъ меня нечаянно къ безстрастью.

*

Я самъ свой лучшій вѣкъ истратилъ весь на
то,
Чтобъ нѣжиться, вздыхать, за всѣми воло-
читься;

Съ успѣхомъ мнѣ подать совѣтъ не могъ никто;
Какъ вихрь изъ страсти въ страсть мой духъ любилъ стремиться.

*

Очнулся наконецъ; — что радости? — Прошло
Прекрасныхъ лѣто дней, веснѣ не возвращаться,
Снѣгъ старости напалъ на сморщенно чело;
Кумиръ любви разшибъ — и полно заблуждаться.

*

Натура! виноватъ твой сынъ передъ тобой!
Но ты какъ нѣжна мать меня благословила,
Дала мнѣ поиграть въ мечтахъ моей судьбой,
А здравіе мое и силы сохранила.

*

Въ тебѣ одной я зрю источникъ всѣхъ отрадъ!
Кто черпать изъ него умѣетъ осторожно,
Того палящій зной не жжетъ въ тѣни прохладъ;
Доволенъ, веселъ, бодръ и щастливъ тотъ неложно.

*

Натура намъ не лжетъ и разуму не льститъ;
Воспользуйся, мой другъ, щедротъ ея богатствомъ!
Купидо журавля на небѣ намъ сулитъ;
Натура насъ прямымъ довольствуетъ пріятствомъ.

*

Взгляни вокругъ себя на всѣ ея дары!
Чего нѣтъ въ естествѣ вещественнаго міра?
Чего намъ не дадутъ сырой земли пары,
Согрѣтые лучемъ, низпосланнымъ съ эфира?

*

Тамъ въ житницы поля скирдами плащятъ дань,
И греча твой сусѣкъ засыпала крупами,
Тамъ ленъ для слугъ твоихъ готовитъ бѣлу
ткань,
А скотъ твой зритъ луга, уставленны сто-
гами.

*

Тамъ гибкой хмѣль, віясь вкругъ тоненькихъ
жердей,
Для праздника въ чаны народу разольется,
Съ занозой артишокъ, — кудрявой кочень щей,
И маленькой горохъ, — все для тебя ведется.

*

Здѣсь множествомъ цвѣтовъ весь воздухъ на-
куренъ, —
Ты въ сладкой тишинѣ ласкаешь обонянье,
Чудесной пестротой твой взоръ обвороженъ:
О! сколько намъ утѣхъ даетъ благоуханье!

*

Вотъ Шпанскихъ вишенъ лѣсъ, Царь фрук-
товъ ананасъ,
Лимоновъ сочныхъ рядъ, и груша духовая:
Какой для вкуса пиръ, для пресыщенья часъ!
Владѣльцу ли сихъ мѣстъ прилично жить ску-
чая?

*

Тамъ дынь, арбузовъ тьма, тамъ сладкой виноградъ
На рамахъ разложилъ свои тяжелы кисти;
О радостная вѣтвь! — утѣшнѣе стократъ
Сокъ лознаго плода Дамасскія корысти!

*

Дай слуху радость внять пѣснь раннюю соловья,
Войди въ дремучій лѣсъ, отечество пернатыхъ,
Тамъ соколъ, чижъ, снигирь, какъ общая семья,
Вьютъ гнѣзда и птенцовъ выводятъ въ нихъ крылатыхъ.

*

Речешь — огромной домъ тотчасъ тебѣ готовъ.
Умѣй лишь изобрѣсть вещамъ употребленье:
Жги хлѣбъ, вари стекло, — на все достанетъ дровъ,
И барку съ грузомъ вдаль несетъ воды стремленье.

*

Что шагъ, то чудеса, — изъ камня брызнулъ ключь,
Ударился въ оврагъ, и долу покатился;
Чешуйчатую тварь пригрѣлъ тутъ солнца лучь,
И въ неводѣ твоемъ сонмъ разныхъ рыбъ явился.

*

Уже ли на сію картину естества
Въ окно свое смотрѣть ты можешь равнодушно,

Природу пренебречь въ день свѣтла торже-
ства,
И лежа на софѣ, твердить нахмурясь: —
скушно?

*

Или еще тебѣ твой опытъ не сказалъ,
Коль суетно въ кругу любовниковъ томиться,
Интригу прясть любви, какъ вертопрашный
Галлъ,
И зрѣнье износить на то, чтобы слюбиться?

*

Да будетъ проклятъ тотъ безмозглыхъ книгъ
писецъ,
Кто первой въ кровь пустилъ ядъ оспы лже-
моральной,
И разумъ помутя, направилъ путь сердецъ
Къ той жизни, кою мы зовемъ сентимен-
тальной!

*

Не прежде нежель я (готовъ ты мнѣ ска-
зать).
Воспользуюсь всѣмъ тѣмъ, что мнѣ дала
природа,
Не долженъ ли мужикъ нагнувъ хребетъ арать?
Не мучитъ ли его то зной, то непогода?

*

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ
въ травѣ, —
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный
хвалитъ;

Червь точитъ красной цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

*

Что нѣтъ добра безъ зла, согласенъ я съ тобой,
Согласенъ въ томъ, что трудъ товарищъ наслажденья;
Повѣрь же мнѣ и ты, что радостной покой
Намъ лѣнь одна не дастъ: то плодъ есть упражненья.

*

А естьли безъ труда нѣтъ въ свѣтѣ ничего,
Не лучше ли, мой другъ, въ занятіяхъ полезныхъ
Основывать столпы блаженства своего,
Чѣмъ туне тратить жизнь въ тенетахъ у любезныхъ?

*

Страстей быстра стезя, объ ней ты не тужи;
Натуры путь вѣрнѣй, съ него лишь не сбивайся,
Ума по пустякамъ въ химерахъ не кружи,
Земное все люби, а небомъ восхищайся.

*

Восторгъ есть твари дань единому Творцу;
Ему принадлежитъ всѣхъ смертныхъ изумленье;
Какъ чада мы сему небесному Отцу,
Единому должны воздать благоговѣнье.

*

За тѣмъ весь міръ для насъ, для разума и чувствъ.
Плѣняйся красотой, чти строго добродѣтель,

Наукѣ полезныхъ другъ, любитель будь ис-
кусствъ,
Сосѣду доброхотъ и дворни благодѣтель.

*

Умѣренность храня, за лишнимъ не гонись, —
Натура никогда насилій не прощаетъ;
Дары ея во зло употребить страшись, —
Невоздержаніе недуги привлекаетъ.

*

На что запасовъ намъ лѣтъ на сто хоронить?
Кто жаждетъ лишь владѣть, тотъ жалкой
рабъ расчета;
Всечасно въ страхѣ тотъ для скарба долженъ
жить.
Владѣльцу нуженъ стражъ, — гдѣ стражъ,
тамъ и забота.

*

А я насущнымъ сытъ, природѣ пѣснь пою;
Физическимъ любя довольствомъ наслаж-
даться,
Я сладострастіе изъ полной чаши пью,
И чувственнымъ спѣшу отрадамъ предаваться.

*

Что можетъ лучше быть при силахъ есте-
ства,
Какъ вдоволь пить и ѣсть и спать безъ воз-
мущенья?
Нѣтъ истиннѣй добра для смертныхъ суще-
ства;
Все прочее мечты и бредъ воображенья.

*

Доратъ сказалъ, и я весьма согласенъ съ нимъ (*):
Насъ можетъ острой умъ любезностью прославить;
Но въ правду естьли мы щастливы быть хотимъ,
Стомахъ намъ лишь одинъ удобенъ то доставить.

*

Хозяйку я люблю какъ друга, какъ жену,
Но къ Богу я ее въ стихахъ не примѣняю;
Съ ней вмѣстѣ кое-какъ тягло свое тяну,
Не строю лиры ей, а попросту лобзаю.

*

Быть можетъ заключатъ, что я матерьялистъ;
Но съ совѣстью въ ладу, названьевъ не пугаюсь:
Поклепъ съ себя стряхну какъ дубъ осенній листъ;
Судьи людей тщета, — я ихъ не ужасаюсь.

*

Не мни, чтобъ для меня безъ радостей былъ свѣтъ
За тѣмъ, что жизнь моя вкругъ старости вертится;
Предѣлъ утѣхамъ смерть, не номеръ нашихъ лѣтъ, —
И старецъ иногда всѣмъ сердцемъ веселится.

*

Царица благъ земныхъ, роскошница забавъ,
Натура! сохрани мои оставши силы!
Блюди отъ новыхъ бурь еще мой пылкой нравъ
И дай спокойно мнѣ достигнуть до могилы!

(*) L'esprit peut rendre un homme aimable mais l'estomach le rend heureus.

Сосѣду.

Пора, сосѣдушка безпечной,
Пора за умъ приняться намъ!
Оставимъ городъ, другъ сердечной;
Въ немъ жить не нашимъ головамъ.
Пріищемъ двѣ деревни рядомъ
Съ уютнымъ домикомъ и садомъ,
Какъ предки наши заживемъ;
Чужихъ обѣдовъ не попросимъ,
Кафтановъ шитыхъ не износимъ,
И рубль копѣйкой сбережемъ.

*

Чего въ Москвѣ мы не видали?
Какихъ еще диковинъ ждать?
Ужь ли до сихъ поръ не устали
Людей смотрѣть, себя казать?
Еще ли міра обращенье
Дать можетъ сердцу утѣшенье
И жизнь пріятною творить?
Коварство чувства одолѣло
И всѣмъ на свѣтѣ надоѣло
Другъ друга искренно любить.

*

Хватись-ка, сколько лѣтъ съ тобою
Я здѣсь безвыѣздно живу;
Хоть я не знатнаго покрою,
Но въ людяхъ чѣмъ нибудь слыву:
Иной зоветъ меня откушать,
Другой *Авось* мой любитъ слушать.

Друзей, родни соборъ большой;
А паче пиръ когда дается,
Тогда чужой въ родню причтется:
Бѣдаль на дворѣ, — друзья домой.

*

Растоpгни завѣсъ заблужденья,
Взгляни, мой другъ, прямѣй на свѣтъ!
Вездѣ примѣтишь обольщенья;
Пріязни видъ, а дружбы нѣтъ.
Не мни, что гдѣ тебя ласкаютъ,
Тебя единственно желаютъ;
Ахъ, нѣтъ! — то звонъ пустыхъ лишь словъ.
Или твой голосъ полюбился,
Или въ актеры пригодился; —
Тебѣ не льзя — другой готовъ.

*

Другой — для тѣхъ, кому судьбою
Дано чувствительными быть,
И мысль сія равна съ бѣдою.
Меня не трудно замѣнить.
Я ставлю сердцу въ муку люту
Остановиться хоть минуту
На мысли бѣдственной такой.
Кто душу нѣжную имѣетъ,
Тотъ эту язву разумѣетъ,
Тотъ тяжкой вздохъ раздѣлитъ мой.

*

Театры, балы, маскерады —
Вездѣ съ друзьями хорошо;
Въ самихъ-то въ нихъ мои отрады:
Безъ нихъ и праздникъ ни во что.
Взаимность чувствъ и нравовъ сходныхъ!
Среди обычаевъ свободныхъ

Въ тебѣ небесный вижу рай.
Но всуе, всуе симъ и льститься;
Здѣсь всякой только суетится
Скакать весь день изъ края въ край.

*

Не въ жизни столько развлеченной
Лежитъ ко щастью смертныхъ путь.
О щастье, нещично вселенной!
Позволь хоть на себя взглянуть!
Хотя въ пріятномъ сновидѣньи
Яви ты намъ свои прельщеньи!
Когда твой день до насъ дойдетъ,
Тебя, какъ тѣнь свою, мы ловимъ;
Бѣжимъ, бѣжимъ — и не нагонимъ:
Надежда все сулитъ впередъ.

*

Меня въ мой вѣкъ судьбы качали
Какъ яликъ на морѣ волна,
То выше бѣдъ приподымали,
То мрачна вдругъ касался дна;
Упалъ и пресмыкаюсь низко.
Но былъ и я отъ солнца близко;
Вездѣ встрѣчалъ я все одно:
Коль солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень студено.

*

Кого фортуна отличаетъ
Отъ прочихъ смертныхъ на вершокъ,
Тотъ тѣмъ ходули обновляетъ,
Что всѣхъ валитъ какъ куколъ съ ногъ.
Чужихъ напастей онъ не смыслитъ;
Кипящи слезы наши числитъ

Какъ будто бисеръ, иль жемчугъ,
Которымъ онъ блеснуть стремится,
Когда въ чертоги появится,
Гдѣ полкъ предъ нимъ трепещетъ слугъ.

*

Напрасно дѣды говорили,
Что городъ-де, то норовъ свой.
Не въ наше время видно жили,
И нравъ ихъ былъ совсѣмъ иной.
Въ нестройствѣ нашихъ общихъ вздоровъ
Одинъ теперь повсюду норовъ;
Ему никто не измѣнитъ:
Большой бояринъ всѣхъ толкаетъ,
Богачь безъ умолку болтаетъ,
А бѣдной сёжившись молчитъ.

*

Склонись, дружище мой любезной!
Вели возокъ свой заложить;
Разсудка внявъ совѣтъ полезной,
Умѣй великодушенъ быть!
Оставимъ вертопрашны нравы,
Простимся съ скукой у заставы, —
Москвѣ челомъ, да и начнемъ.
Полюбишь скоро ты деревню;
Тамъ сердца непорочность древню
И праводушіе найдемъ.

*

Не встрѣтитъ взоръ нашъ изумленный
Огромныхъ башенъ яркой шпицъ;
Но сколь прелестнѣй видъ почтенный
Крестьянскихъ добродушныхъ лицъ!
Въ семьяхъ у нихъ все ладно, стройно,
Въ избѣ тепло, въ душѣ спокойно,

Разсудокъ бодръ и мысль свѣжа;
Тоска бровей тамъ не насупитъ,
За грань села никто не ступитъ:
Его утѣхи тамъ межа.

*

Такую красную картину
Вседневно зрѣть стократъ милѣй,
Чѣмъ, дня проспавши половину,
Къ полночи кучу ждать гостей;
Чѣмъ цугъ нанявши по ямскому,
На праздникъ къ барину большому —
Чуть свѣтъ — съ визитомъ покатить,
Изъ дому въ домъ съ билетомъ ткнуться,
Или по лавкамъ повернуться,
Чтобъ чѣмъ нибудь глаза взманить.

*

Свѣтила дневна лучь янтарный
Когда вселенну озаритъ,
Сей мигъ въ природѣ свѣтозарный
Никто изъ насъ тамъ не проспитъ.
Творцу златыхъ небесныхъ сводовъ,
Царю безчисленныхъ народовъ
Хвалы тамъ жертву воздадимъ!
Потомъ, бесѣдуя съ друзьями,
Языкъ не спрячемъ за зубами,
Неправдѣ мы не спюровимъ.

*

Когда за столъ обѣдать сядемъ,
Онъ тамъ накроется простой;
Его въ игрушки не нарядимъ:
Хоть щей горшокъ, да самъ большой.
Чины Московски позабудемъ,
И цѣну собственности будемъ

Тамъ въ полной мѣрѣ ощущать;
Огонь въ каминѣ раздувая,
Проказы дѣтства вспоминая,
Въ избыткахъ сердца хохотать.

*

Въ обширной области природы
Какое поле для забавъ!
Вкушая прелести свободы,
Мы свергнемъ иго лютыхъ правъ,
Которы женщинамъ надъ нами
Мы безразсудно дали сами.
Въ чугунныхъ ползая цѣпяхъ,
Отъ нихъ душа тамъ ныть не станетъ,
И сердце саднить перестанетъ,
Изчезнетъ вѣроломства страхъ.

*

Но ты молчишь, мой другъ! вздыхаешь.
Ужь ли испорченъ столько ты,
Что правдамъ симъ предпочитаешь
Столичной вихрь и суеты?
Сиренъ разнѣженные взоры,
Уловокъ полны разговоры
Когда еще тебя манятъ,
Ищижъ друзей и ошибайся,
Въ любви всечасно рвись, терзайся,
Змѣями ревности объятъ.

*

А я, твою познавши цѣну,
Тиранъ сердецъ, прекрасный полъ!
Оплакавъ разныхъ чувствъ измѣну,
Хочу спастись отъ новыхъ золъ.
Меня твой умъ не обворожитъ,
Ни взглядъ твой больше не встревожитъ;

Прошу на вѣки изключить
Изъ списка тѣхъ страдальцовъ нѣжныхъ,
Твоихъ любовниковъ прилѣжныхъ,
Которыхъ любишь ты томить!

*

Да что болтать здѣсь слишкомъ много?
Сквозь слезъ смѣяться тяжело!
Санная выпала дорога,
И мягко ѣхать и свѣтло.
Прости, сосѣдъ! и веселися,
За рѣчь мою не разсердися;
Я правдѣ крѣпостной слуга. —
Велю впрягать свои клячонки,
Въ саняхъ укутавшись въ шубенки,
Урылъ — и вся тѣ не долга!

Морфею.

Блаженная способность спать!
Ты даръ Боговъ неоцѣненной!
Тобой мы можемъ сокращать
Прискорбной жизни путь стѣсненной.
Когда чрезмѣрною тоской,
Иль скукой чувства бременятся,
Ты смертнымъ жалуешь покой,
Велишь пріятно забываться.

*

Во снѣ, какъ будто на шарахъ,
Мы такъ и сякъ перебиваемъ,
Въ различныхъ видахъ и странахъ
Себя внезапно представляемъ.
О! естьлибъ такъ какъ Робертсонъ,
Куда задумалъ, шаръ направилъ,
Направить могъ и я свой сонъ,
Въ Москвубъ сей часъ себя поставилъ.

*

Тогда не только бы я въ ночь
Уснуть отъ скуки торопился,
Обряды міра кинувъ прочь —
Средь бѣла дня бы спать ложился;
Уснулъ — и видѣлъ бы тотчасъ
Себя въ объятіяхъ Дуняши.
О вождѣленный въ жизни часъ!
Ты самыхъ дней небесныхъ краши!

*

Ее всечасно бы ласкалъ,
Огнемъ воспламеняемъ страсти;
Въ сладчайшихъ грёзахъ забывалъ
Моей разлуки съ ней напасти;
Ловилъ бы каждый милый взглядъ,
Которымъ духъ животворила,
И нѣга чувственныхъ отрадъ
Менябъ у ногъ ея томила.

*

Но, ахъ! мечтою льстя себѣ,
Суровой правды множу бремя,
Не помогая тѣмъ судьбѣ,
Мученья продолжаю время: —
Не льзя ни самымъ крѣпкимъ сномъ
Убить тѣхъ сутокъ скорбь ужасну,
Которы шлетъ небесный громъ
Въ разлукѣ съ милой сердцу страстну.

*

Какой нещастной въ жизни сей
Не радъ минутѣ сей пріятной,
Не жаждетъ, вдругъ забывшись въ ней,
Смягчить судьбы своей превратной!
Ложится болѣнъ, бѣденъ, сиръ,
И сонъ своимъ очарованьемъ
Влечетъ въ минуту цѣлой міръ
На встрѣчу всѣмъ его желаньямъ.

*

Любимецъ щастья иногда,
И самъ, уставши, спать захочетъ.
Не вѣрьте случаю всегда!
Не всякъ тотъ веселъ, кто хохочетъ;

Министру также нравенъ сонъ,
Которой вдругъ его склоняетъ,
Изъ-за работы да на тронъ
Хоть на минуточку сажаетъ.

*

Бываетъ часто, скажутъ мнѣ,
Такое страшно привидѣнье,
Что больше вытерпишь во снѣ
Стократъ, чѣмъ на яву, мученье.
Бываетъ — знаю; но тогда
Испугъ такъ сильно чувства тронетъ,
Что въ мигъ проснешься, и всегда
Мысль бодрая весь страхъ прогонетъ.

*

Но случай сей не могъ бы быть,
Когдабъ умѣлъ я снами править;
Все такъ бы зналъ расположить,
Чтобъ мыслямъ страха не доставить;
Воображенія мечтой
Дарилъ кому какой угодно:
Тогдабъ и днемъ колпакъ ночной
Надѣть казалось съ модой сходно.

*

Кому не страшно сонъ терять?
Его всѣ любятъ въ цѣломъ мірѣ.
Такимъ добромъ пренебрегать
Не станутъ даже въ Кашемирѣ.
Хотя Брамины пишутъ тамъ,
Проснувшись рано, разны вѣсти;
Тѣмъ крѣпче спятъ по всѣмъ домамъ
Отъ усыпительной ихъ лести.

*

Когда въ избыткѣ райскихъ благъ
Владыко, сидя на Престолѣ,
Чтобъ встать съ постели первой шагъ,
Чинитъ не рѣдко по неволѣ;
Когда вельможа, отъ добра
Безмѣрной праздностью скучая,
Желалъ бы съ утра до утра
Дремать, всѣхъ ближнихъ забывая:

*

То сколькожъ намъ простымъ умамъ,
Лишеннымъ всѣхъ забавъ на свѣтѣ,
По крайней мѣрѣ по ночамъ,
Пріятно сонъ имѣть въ предметѣ!
Ей-ей, пришлось бы безъ него
Въ своемъ селѣ съ ума рехнуться,
Гдѣ нѣтъ для сердца ничего,
Увы! какъ тошно тамъ проснуться!

Пароену.

Парфенъ! напрасно ты вздыхаешь
О томъ, что долженъ жить въ степи,
Гдѣ съ горя, съ скуки изнываешь.
Ты бѣденъ — слѣдственно терпи.
*
Блаженство даромъ достается
Такимъ, какъ ты, на небеси;
А здѣсь съ поклону все дается.
Ты бѣденъ — слѣдственно проси.
*
Коль баринъ на смѣхъ поднимаетъ,
Вмѣняй то въ честь и не ропщи;
Тобой онъ тѣшиться желаетъ.
Ты бѣденъ — слѣдственно молчи.
*
Не смѣй отнюдь тѣмъ обижаться,
Что нѣкогда ему тобой
Въ своей уборной заниматься.
Ты бѣденъ — такъ въ сѣняхъ постой.
*
Иной шага не переступитъ,
Съ софы не тронется своей,
А сходно все достанетъ, купитъ.
Ты бѣденъ — бѣгай и потѣй.
*
О бѣдность! горько жить съ тобою!
Не льзя и чувствамъ воли дать.
Я, разсуждая самъ съ собою,
Не могъ во вѣкъ того понять,
*

Какъ могутъ люди быть такіе,
У коихъ множество всего,
И въ томъ же свѣтѣ есть другіе,
У коихъ вовсе ничего?

*

Иной въ прекраснѣйшей палатѣ
Даетъ вседневной пиръ друзьямъ;
А рядомъ съ нимъ въ подземной хатѣ
Другой не ѣстъ по цѣлымъ днямъ.

*

Богачь теряетъ десятину,
И всѣ кричатъ: — какой уронъ!
А бѣдной выронитъ полтину —
И никому не жалокъ онъ.

*

Обиженъ сильной — шумъ, тревога;
Обиженъ сирый — быть должно!
Иль въ области Всесильна Бога
Парфенъ и Крезъ не все равно?

*

Ужь ли различны всѣмъ на свѣтѣ
Удѣлъ судьбы, природы даръ!
Инымъ все радости въ предметѣ,
Другимъ, что шагъ — то и ударъ.

*

Ахъ, нѣтъ! не льзя, чтобъ Провидѣнье,
Создавъ меня, тебя, его,
Пролило все благотворенье
Изъ насъ изъ трехъ на одного.

*

Равно насъ матери утроба,
Равно и носитъ и родитъ;
И всѣмъ, въ свой часъ открывъ дверь гроба,
Равно насъ смерть туда валитъ.

*

За чтожъ? — Опять позабываешь,
Что ты не долженъ разсуждать,
Но всѣмъ вопросы посылаешь;
А зналъ бы ты, Парфенъ — молчать.

*

Терпи свое тихонько горе,
И знай, что наша жизнь была
И будетъ впредь такое море,
Въ которомъ гадовъ несть числа.

*

Разсудкомъ тщетно ты хлопочешь
Предразсужденье одолѣть;
И естьли волею не хочешь,
Насильно будешь же терпѣть.

*

Такъ вѣрь ты мнѣ, Парфенъ! держися
Пословицы козачьихъ странъ;
По ихъ системѣ жить учися:
Терпи — и будешь Атаманъ.

СТИХИ,

ПОСВЯЩЕННЫЕ ОТКРЫТЫМЪ ЛИЦАМЪ.

А... И.... Вил...вой.

Ко щастью путь лежитъ одинъ —
Любовь, — другаго нѣтъ въ природѣ;
И самый знатный господинъ,
И низшій рабъ въ простомъ народѣ,
Любовью движутся, живутъ.
Не слава дни даетъ блаженны;
Мгновенья жизни вожделѣнны
Отъ сердца нѣжнаго текутъ.

*

Для славы тошно мигъ прожить;
Для сердца радъ бы жить два вѣка:
Воспламеняться и любить
Есть рокъ и свойство человѣка.
Дадимъ Царямъ земной весь шаръ,
И пусть на немъ все покаряютъ;
Но что потомъ? — Они скучаютъ,
Когда любви въ нихъ стонетъ жаръ.

*

Любовь есть искра Божества,
Непостижимая причина
Началъ и дѣйствій естества.
Любви конецъ — души кончина.
Вездѣ находимъ суету,
И славы гибнутъ возглашеньи;
Въ одномъ любовномъ восхищеньи
Безсмертныхъ благъ мы зримъ черту.

*

Взгляните вы вокругъ себя
На все, что міръ сей населяетъ;
Все ищетъ щастія любя,
Восторгамъ чувства посвящаетъ.

Тѣснитъ ли врагъ, вельможа, дворъ,
Самаль спиной Фортуна стала;
Подруга сердца приласкала —
И вся печаль какъ будто вздоръ.

*

Творецъ такъ свѣтъ образовалъ,
Что въ немъ любви все строитъ сила;
Примѣровъ опытъ не казалъ,
Чегобъ она не побѣдила.
Всѣ дань платили страсти сей
И въ спискахъ слугъ ея стояли;
Монархи въявъ пренебрегали,
А тайно жгли кадило ей.

*

Тебѣ одной принадлежитъ
Самодержавіе вселенной!
Тебѣ во слѣдъ вся тварь бѣжитъ;
Ты узелъ мира совершенной!
Когда злостраждетъ скорбный духъ,
Въ тебѣ онъ ищетъ утѣшенья;
Любовь, источникъ наслажденья,
Обворожаетъ взоръ и слухъ.

*

Придижъ теперь въ поникшій домъ
Дѣлить со мной невзгоды міра;
Тебѣ давно уже знакомъ
Пещаный садъ, каминъ мой, лира!
Все ту же бѣдность ты найдешь;
Но чудеса тебѣ не чужды:
Въ богатство превратятся нужды,
И небо тамъ, гдѣ ты живешь!

ВОСПОМИНАНІЕ ВЪ РАМЗАѢ (*).
Н... М... Заг... ной.

D' un souvenir que rien n' efface
Mon coeur est toujours prévenu,
Mon coeur à chaque instant qui passe
Redemande — un plaisir perdu.

Вотъ путь, которымъ я, раскланявшись народу,
Изъ Пензы на *Рамзай* ѣзжалъ вкушать свободу.
Я ту же здѣсь луну въ небесномъ сводѣ зрю,
Тому же на зарѣ внимаю соловью,
И тѣхъ же вкругъ себя пріятелей встрѣчаю,
Ихъ ласку, ихъ пріязнь, какъ прежде ощущаю;
Но, ахъ! я самъ не тотъ, и время на крылахъ
Промчало много чувствъ въ семнадцати годахъ!
Очарованія сердечныя пропали,
Заботы на лицѣ моемъ нарисовали
Ужасно явственно, что пятдесятъ мнѣ лѣтъ.
Погибъ веселой духъ, какъ вянетъ нѣжной цвѣтъ!
Всѣ рѣзвятся, шумятъ, другъ дружку въ запускъ ловятъ,
А я сижу какъ пень, какъ тучи думы бродятъ.

(*) Вотчина Н. М. З. подъ Пензою.

Сберется ль молодежь подъ скрыпку поплясать,
Въ посыльны Короли, иль въ фанты поиграть,
Повѣся носъ въ углу гляжу на ихъ забавы,
И съ завистью ворчу: — о времена! о нравы!
Хотѣлъ бы къ нимъ пристать, — не прежняя
пора.
Никто не возвратитъ того души добра,
Которое съ своей мы юностью теряемъ,
А время не щадя безъ пользы убиваемъ.
Ребенокъ хочетъ быть скорѣе женихомъ,
Женихъ невѣсту взять, мужъ сдѣлаться
отцомъ,
Отецъ женя сынка, торопится быть дѣдомъ, —
И къ старости летимъ мы всѣ такимъ же
слѣдомъ.
Извѣстно, что не льзя сего перемѣнить;
Но зря могилу, какъ объ люлькѣ не тужить?
Коль жаль бываетъ намъ имѣнья, денегъ,
вздору,
Которыя даетъ безъ всякаго разбору,
Водя насъ по путямъ и щастія и золъ,
Сынъ случая слѣпой, фортуны произволъ,
То какъ намъ не жалѣть о времени протек-
шемъ,
О каждомъ даже томъ мгновеньи мимошед-
шемъ,
Котораго Творецъ протягиваетъ нить,
И самъ его прервавъ, не силенъ возвратить?
Владыки и Цари земли порабощенной,
На разные мотки дѣля клубокъ вселенной,
Все могутъ, что хотятъ; указъ ихъ имян-
ной
Ворочаетъ людскимъ карманомъ и судьбой:

Однако же, хотя всѣхъ смертныхъ вы клонятъ,
Секунду на бѣгу они не остановятъ.
О время! — отъ чегожъ тобой не дорожатъ?
На деньги всякой скупъ, на время тарованъ.
Иной сочтетъ за грѣхъ убить копѣйку даромъ,
Цѣлковой потерявъ — кончается ударомъ
Отъ страха, чтобъ его рубля не сглазилъ кто;
А день, недѣлю, годъ не ставитъ ни во что:
Ни прозы, ни стиховъ не пишетъ, ни читаетъ,
Потягиваетъ пуншъ, лѣнится и зѣваетъ. —
О дѣтушки мои! — блюдите каждой часъ,
Доколѣ въ васъ огонь сердечной не погасъ!
Живемъ мы два мига — сказалъ Княжнинъ прекрасно;
Я съ нимъ же повторю и коротко и ясно:
Въ томъ щастья весь секретъ, чтобы любить въ попадъ.
Съ любовью жизнь барышъ, а безъ любви — накладъ.

П. . . П. . . Нарышкину (*).

Vallons, fleuve, rochers, plaisante solitude,
Si vous fûtes témoin de mon inquietude,
Soyez le désormais de mon contentement.

За чѣмъ, скажи, мой другъ! поѣду я въ Москву? —
И здѣсь мнѣ хорошо — тихохонько живу.
По милости Творца вокругъ меня непуста;
Читаю по утрамъ Бесѣды Златоуста;
Непостижимаго постигнуть не ищу,
Лишь вѣрю и молюсь, — и духъ надеждой льщу,
Что Богъ, Который благъ и кротокъ безконечно,
Пріемлетъ какъ отецъ раскаянье сердечно;
Безъ роскоши пустой проводимъ мы свой день,
Не мучатъ насъ труды, не развращаетъ лѣнь:
Умѣренность во всемъ полезну сохраняя,
Живемъ, на черной день копѣйку сберегая;
Что въ землю посадилъ и что съ нее собралъ,
То поваръ намъ сваритъ — и сытъ, чѣмъ Богъ послалъ.
Чувствительности здѣсь ничто не нажимаетъ;
Природа въ простотѣ разсудкомъ управляетъ.

(*) Писано въ деревнѣ,

Каминъ и *Филиберъ* (*) въ теченьи цѣла дня
Взаимно скуку прочь гоняютъ отъ меня.
Дешевлѣ чѣмъ въ Москвѣ дрова здѣсь покупаю,
Старинному къ огню пристрастью угождаю;
То съ крѣпкой думой я при камелькѣ сижу,
То въ руки взявъ перо, романъ перевожу.
Читалъ ли *Коцебу* ты новое творенье,
Прекрасное его (по мнѣ) произведенье,
Въ которомъ описалъ онъ кистію живой
Воображенья власть надъ пылкою душой,
Читалъ ли, говорю, прилѣжно *Филибера?*
Какъ сходны въ немъ черты живаго характера
Съ природою самой, и съ тѣмъ, что цѣлый свѣтъ
Намъ въ опытахъ явилъ незрѣлыхъ нашихъ лѣтъ!
Ахъ! подлинно вся жизнь проходитъ въ отношеньяхъ!
Я вижу ихъ въ бѣдахъ, я зрю ихъ въ наслажденьяхъ.
Одно продлится день, другое цѣлой годъ;
По отношеніямъ весь движется народъ!
И дружба и любовь, и ненависть и злоба,
Все гибнетъ, — ничего нѣтъ твердаго до гроба;
Та цѣпь, что съ дѣтскихъ лѣтъ соединяетъ насъ,
По мѣрѣ, какъ растемъ, — все рвется каждой часъ;

(*) *Филиберъ*, романъ, сочиненный Г. Коцебу, который я переводилъ.

Подъ старость точно тожъ — обманъ во слѣдъ обману,
Опомниться не дастъ, и точитъ свѣжу рану.
Да кто не испыталъ сей истины большой,
Что зло всегда бѣжитъ за доброю душой? —
Ахъ! сколько я и самъ при случаяхъ лукавыхъ
Встрѣчалъ, какъ Филиберъ, Министровъ сухощавыхъ,
Которыхъ почиталъ друзьями въ двадцать лѣтъ!
Они же, въ пятьдесятъ настроя мнѣ тьму бѣдъ,
Съ холоднокровною язвительной насмѣшкой
Въ нещастіи моемъ играли мной какъ пешкой.
Богъ съ ними, — я на нихъ гляжу какъ на звѣрей.
Прекраснѣйшій урокъ для головы моей,
Что связи наши всѣ житейскія не вѣчны,
Бѣгутъ какъ облака пріязни скоротечны,
Что сильныхъ нашихъ чувствъ красивыя мечты,
Обманы суть ума и сердца суеты!
Но гдѣ же мой предметъ? — въ какое размышленье
Далеко увлекло меня воображенье?
Къ пріятелю пять строкъ сбирался написать;
Чего грѣха таить — я самъ люблю мечтать:
Когда перо въ рукахъ, въ глазахъ огонь камина —
Отвлечься отъ себя всегда какъ тутъ причина. —
Но возвратимся мы на перву рѣчь, мой другъ;
Моихъ занятій здѣсь хочу окончить кругъ. —

По чести говорю, въ деревнѣ намъ не
скушно, —
Мы всѣ между собой живемъ единодушно;
Одни лишь вечера несносно тяготятъ
Почти во весь день ночь, — но подъ носомъ
горятъ
Четыре вещества: дрова, воскъ, масло, сало (*),
Чтобъ ночи озарить густое покрывало.
За то мы въ *казино*, въ бостонъ между собой
Играемъ иногда до полночи глухой;
А тамъ, чтобъ возбудить покрѣпче усып-
ленье,
Съ полчасика мечу одинъ долготерпѣнье (**);
Задумавшись, люблю я масти подбирать,
И карты какъ сойдутъ, зѣвну — и лягу спать.
Жена, мой вѣрный другъ, меня не покидаетъ;
До крайности мила, но тѣмъ лишь досаждаетъ,
Что въ вистъ ко мнѣ всегда пойдетъ безъ козы-
рей,
И правитъ своихъ дамъ на счетъ моихъ царей.
Сестрица, — та всегда о всѣхъ объ насъ въ
печалѣ,
Что въ домѣ для потребъ деньженочекъ на-
малѣ;
Дочь *Варинька*, дабы скорѣе время шло,
Расписывать взялась мой почеркъ на бѣло;
Митюша философъ труды свои имѣетъ,
Надъ путешествіемъ моей руки потѣетъ;

(*) У насъ подлинно дрова жгутъ въ каминѣ, намъ подаютъ восковыя свѣчи, дѣтямъ сальныя, а по стѣнамъ въ лампахъ горитъ масло.

(**) Я такъ перевелъ Французское названіе: *grande patience.*

Евгеша иногда мнѣ пѣсенку споетъ
И милымъ голоскомъ къ восторгамъ увлечетъ;
А бойкой *Рафаилъ* въ пріятностяхъ свободы
Качели лѣпитъ намъ изъ карточной колоды.
Двѣ барышни: одна насмѣшлива, рѣзва,
То въ зеркало глядитъ, то путаетъ канва;
Другая — той я далъ прозванье *Анемоны* —
Славнѣе красотой Надировой короны,
И каждая изъ нихъ, чтобъ молвить въ доб-
рой часъ,
Водой не замутятъ подъ крышкою у насъ.
Классонъ мой пожилой, пріятель нашъ ста-
ринной,
Всей нашей слободы строжайшій благочинной,
Со мной всегда готовъ на жаркой выдти споръ,
Когда дерзну сказать, что Галло (*) поретъ
вздоръ;
Еще одна вдова, житейскими волнами
Прибитая въ нашъ домъ, давно уже все съ
нами;
Да добрая моя старушка мадамъ Варчь,
Безъ мала 30 лѣтъ съѣдая здѣсь свой харчь,
Въ каморочкѣ одна чулки въ молчанку вяжетъ,
А въ праздникъ во весь день на Библію на-
ляжетъ.
Сверхъ нашихъ грѣшныхъ душъ еще два су-
щества
Переселились къ намъ изъ царства естества:
Болоночка Азоръ въ ногахъ моихъ играетъ
И шелковой своей волною щеголяетъ,

(*) Извѣстной провозвѣстникъ черепословной системы, о которой я нѣчто молвилъ въ сочиненіи моемъ на Судьбу.

Межъ тѣмъ, какъ у меня надъ самой головой
Снигирь клюетъ зерно и брызжется водой.
Тепла въ мятель искать къ намъ пташка прилетала,
Слуга ее словилъ, и въ клѣточку попала.
Рѣчистая тутъ вся и безсловесна тварь,
Надъ коей здѣсь въ сельцѣ я самой мѣлкой Царь.
Сосѣди у насъ есть, но рѣдко посѣщаютъ,
Куда ихъ Богъ несетъ, — гдѣ тихо — тамъ скучаютъ.
Да я и не тужу. Что лучше, какъ семья!
Пускай укажутъ мнѣ, гдѣ внѣшніе друзья?
У насъ съ тобой онъ есть, и прямо закадышной;
Добротами богатъ, но участи не пышной.
Да гдѣ его искать? — онъ въ дальней сторонѣ;
Намъ тошно всѣмъ по немъ, а больше прочихъ — мнѣ.

И такъ я провожу въ деревнѣ жизнь пріятно,
Благодаря Творца небеснаго стократно
За то, что искусивъ терпѣнье до зѣла,
Пять разъ на мѣстѣ семь поднесъ мнѣ чашу зла,
Смирилъ мой пылкой нравъ путемъ уничиженья,
Изторгъ изъ суеты, далъ духъ уединенья,
И средство показалъ въ самомъ себѣ стяжать
Добра, какого намъ Цари не могутъ дать.
О! сколько зрю вокругъ себя людей радушныхъ
Покорности, любви и жертвъ великодушныхъ!
До поздней ночи вплоть отъ ранняго утра
Какъ много соберу моральнаго добра,
И въ подвигахъ людей, привыкнувшихъ къ страданью,

Примѣровъ обрѣту къ сердечну назиданью!
Тотъ вѣкъ не развернетъ своихъ душев-
ныхъ силъ —
Повѣрь ты мнѣ — кому мятежъ мірской
лишь милъ.
Дай срокъ! — вотъ Новой годъ подхо-
дитъ; я пріѣду
Отдать Москвѣ поклонъ, съ тобой вести
бесѣду. —
Но только, чтобъ тебя не проняла тоска,
Заранѣй знай, что ты найдешь во мнѣ
дичка;
Мнѣ кажется, у васъ самъ воздухъ смѣшанъ
съ скукой —
Увы! ужь я совсѣмъ не прежній Долгорукой,
Которой никакихъ забавъ не пропускалъ,
Во всякую толпу безъ памяти скакалъ,
Не могъ спокоенъ быть минуты постоянно,
Любилъ смѣшить, — и самъ смѣялся безпре-
станно.
О, нѣтъ! — ужь далеко сей полдень отъ меня,
И сумерки прошли, — добился ночи я.
Огнемъ своихъ страстей сожженъ во всякомъ
смыслѣ,
Подъ старость лишь къ одной придержива-
юсь мыслѣ:
Чтобъ дѣтямъ и женѣ еще полезнымъ быть,
Для нихъ существовать, для нихъ однихъ
и жить.

М... Н... Ма.. ву.

Охотно бы готовЪ, — но право силы нѣтЪ,
СтихамЪ твоимЪ писать стихами же отвѣтЪ. —
Опять сверкнулЪ булатЪ вЪ рукѣ Наполеона;
ВЪ умѣ у всѣхЪ война, — кому до Аполлона? —
ПегасЪ мой не *везетъ* ни прозы, ни стиховЪ,
Во всѣ журналы вдругЪ не дѣлаетЪ прыжковЪ. —
Едва переводилЪ нашЪ бѣдной мірЪ одышку,
Москвичь и такЪ и сякЪ чинитъ свою сталЪ крышку,
И паки ВавилонЪ коварный возопилЪ,
Румянецъ ясныхЪ дней подЪ тучи новы скрылЪ.
О! естьли бы не рокЪ, толико вдругЪ превратной,
НарушилЪ мой досугЪ невинной и пріятной,
Когда бы не читалЪ вседневно я газетЪ,
ИзЪ коихЪ ясно зрю, сколь зло пострраждетЪ свѣтЪ, —
ТотЪ часЪ бы переслалЪ кЪ тебѣ сЪ попутнымЪ вѣтромЪ
Спасибо вЪ длинной листЪ широкимЪ гекзаметромЪ,
И вЪ немЪ бы изЪяснилЪ получше сколько могЪ,
КакЪ я люблю читать твой плавной, чистой слогЪ.

Мнѣ многіе твердятъ: — „что, братецъ, ты такъ скученъ;
Какая намъ печаль, что смертныхъ родъ замученъ.
Пускай дерутся тамъ; — *надъ ними бы тряслось*,
Лишь только бы *примкнуть* самимъ не довелось.
Чужія племена не тронь злодѣи губятъ;
Не нашу тысячу вѣдь, слава Богу! рубятъ.“
Прекрасной эгоизмъ! — Я грѣшной человѣкъ
Такъ мыслить никогда не выучуся въ вѣкъ.
Подобнаго себѣ люблю равно съ собою,
Въ какой бы онъ климатъ ни брошенъ былъ судьбою;
Всѣхъ вѣръ и языковъ, *своихъ*, *чужихъ ли странъ*,
Глазетовой на немъ, сермяжной ли кафтанъ,
Равно мнѣ ближній милъ, равно о немъ жалѣю,
Доколь онъ гражданинъ спокойной, — разумѣю;
А сколько же теперь такихъ злодѣи бьютъ,
Которыхъ сироты кровавы слезы льютъ,
Которыя, во злѣ не будучи участны,
Всей тягостію зла подавлены нещастны!
Колико робкихъ душъ въ сей самой краткой часъ,
На томъ концѣ земли, въ виду ста тысячь глазъ,
Плотской сатанаилъ мечами поражаетъ,
Имущества, семьи и родины лишаетъ!
Какъ можно, слыша гулъ тревогъ, не трепетать,
Смѣяться въ тишинѣ, ѣсть сладко, крѣпко спать?

Есть древняя, мой другъ, Россійскаго народа
Пословица у насъ: — *въ семьѣ не безъ урода.*
Такъ думалъ, да и могъ такъ думать старой вѣкъ,
За тѣмъ, что былъ тогда незлобенъ человѣкъ;
И всякой, кто чужимъ невзгодьемъ наслаждался,
По рѣдкости своей — уродомъ всѣмъ казался;
Но нынѣ вѣкъ другой. — Съ изнанки мы возмемъ
Пословицу свою, и такъ перевернемъ:
Въ толпѣ лихихъ людей и доброй попадется.
Ктожъ доброй, зря его въ бѣдѣ, не содрогнется?
Но дѣло не о томъ, забудемъ на часокъ, —
Ты въ Пронскѣ, я въ Москвѣ — и западъ и востокъ;
Займемся лишь собой! — Послушай же, пріятель,
Княженья безъ Князей свободной обыватель!
Прекрасно ты поддѣлъ на старости меня!
Спросилъ на дняхъ, гдѣ ты? — и слѣдъ простылъ, — а я
Лишь только за тобой послать вчера сбирался
(Вчера полвѣка мнѣ и съ годикомъ промчался),
И думалъ, что съ тобой за рюмкою вина,
Еще кой съ кѣмъ въ кругу, я, дѣти и жена,
О вздорѣ нашихъ дней пріятельски поспоримъ,
Подпустимъ въ кровь огня и сердце раззадоримъ;
Бѣжитъ къ тебѣ слуга, — а между тѣмъ на дворъ
Почтарь несетъ ко мнѣ различныхъ писемъ зборъ,
И въ нихъ одно твое. — Откуда? — Изъ Рязани.
Экъ на, куда твои по лужамъ плыли сани!

Признаться, я кочнулъ разъ пять, шесть головой.
Уѣхать не проспясь, — какой обычай злой!
Прочтя письмо, гляжу: стихи, стихи прекрасны,
И собственно ко мнѣ, — всѣ оправданья ясны;
Сердиться не могу, — быть такъ, простилъ сто кратъ:
Кто хвалитъ, тотъ когда бываетъ виноватъ;
Да ты же весь причетъ моихъ Раидъ возносишь,
Такъ мило, такъ остро въ винѣ прощенья просишь,
Что не хотя его перо тебѣ даетъ, —
Повинной головы и мечь вѣдь не сѣчетъ.
Но все таки мнѣ жаль, что мы съ тобой разстались;
Боюсь сойдясь на часъ, чтобъ году невидались:
Кто знаетъ, что родитъ грядущій съ неба день?
Меня прижметъ карманъ, тебя задержитъ лѣнь,
И будемъ слышать мы другъ о другѣ лишь вѣсти.
По крайней мѣрѣ дай ты слово мнѣ по чести
Хоть изрѣдка писать. — Я правиломъ себѣ
Поставилъ навсегда, скажу тожъ и тебѣ:
Заочная пріязнь перомъ лишь только дышетъ;
Какой тотъ къ черту другъ, кто строчки не напишетъ!
Въ грѣхѣ таномъ ты мнѣ не будешь чай пѣнять,
Смотри, какой я листъ изволилъ намарать!
Но естьли надоѣстъ посланіе ужасно,

Меня ты не вини пажалуй въ томъ напрасно;
Во всякомъ есть изъ насъ свой собственной изъянъ,
И самолюбья червь всеобщій нашъ тиранъ.
Прекраснѣйшій приславъ картель мнѣ стихотворной,
На поединокъ сей пріятель твой покорной
Съ плохимъ своимъ перомъ явиться принужденъ;
И знаю напередъ, что буду побѣжденъ,
Но трусить не велитъ ни чести долгъ надменной,
Ни рыцарской уставъ, ни Музъ соборъ священной.
Довольно ли въ строкахъ начальныхъ погрустилъ?
Довольно ли, мой другъ! въ концѣ письма шутилъ?
Прости! дай Богъ тебѣ и здравья и покоя!
Желаю, чтобы ты, дѣла свои устроя,
И жатвою былъ сытъ, и деньгами богатъ,
Въ пріязни никогда лукавствомъ виноватъ;
Еще хочу, чтобъ мать всѣхъ благъ земныхъ — натура,
Хранила бы тебя подъ крылышкомъ амура:
Амуръ еще твой другъ, а мой — ужъ явной врагъ,
Отъ Лилы при тебѣ не отлеталъ на шагъ,
Чтобъ *Лила*, коей ты, какъ кажется мнѣ, таешь
И пламенно еще до сихъ поръ обожаешь,
Любила пѣть съ тобой ту пѣсенку мою,
Которую ужъ я едва, едва пою. —

И . . Н.

Классону

Ede, bibe, lude; post mortem nulla voluptas.

Я съ Віалой разпрощался,
Мой любезной другъ, Классонъ!
Только поздо догадался,
Негодяю крикнуть: вонъ!
Знать, что Богъ съ начала вѣка
Сотворилъ такъ человѣка,
Сердце вставилъ глубоко,
Душу спряталъ далеко,
Что и ловкой сплошь дѣтина
Дурака не разберетъ;
Сколь не рѣдко здѣсь скотина
Тонкой умницей слыветъ.
Все потомки въ нашемъ братѣ!
Обтеки вселенну вскачь,
Вездѣ встрѣтишь вопль и плачь,
Тожъ во всякомъ ты климатѣ.
Мудрена природа въ насъ,
Мудренѣе во сто разъ,
Чѣмъ въ звѣряхъ, во птицахъ, въ рыбѣ,
Чѣмъ металла въ твердой глыбѣ;
Жаль, что въ сердцѣ иногда
Слуховаго нѣтъ окошка,
И не льзя взглянуть немножка,
Что творится въ немъ когда.

Но природа такЪ слѣпила
И вЪ народѣ учредила,
ЧтобЪ зажмурясь весь свой вѣкЪ
ТерЪ дорогу человѣкЪ:
СмотритЪ много — видитЪ мало,
ѣстЪ вЪ меду змѣино жало,
Яму видитЪ лишь тогда,
Когда свергнется туда.
КЪ чему рѣчь моя стремится
Хоть сказать бы не хотѣлЪ,
Да пришло ужь повиниться,
Что меня ФранцузЪ поддѣлЪ —
Да какой? — увы! безчестной
Поваришка басурманЪ,
МоихЪ денежекЪ тиранЪ,
И изЪ слугЪ слуга почетной.
Ты знавалЪ его искуство,
Ты приправЪ его ѣдалЪ;
ОбЪяденья тронуть чувства
Правда мастерЪ онЪ бывалЪ.
Помнишь славные паштеты,
Пирожки a l'Antoinette,
Иль Субиковы пошлеты,
Или вспомни винегретЪ:
То-то нѣжное питанье,
Амброзія лже-боговЪ!
Гдѣ художнѣй сочетанье
Можно зрѣть земныхЪ плодовЪ?
Льстить однакожЪ не намѣренЪ,
Хоть хвалить его люблю.
ВѣртелЪ былЪ ему невѣренЪ,
Его суповЪ не терплю;

Впрочемъ столъ убрать богатой,
Башню въ слойкѣ показать,
Фракъ надѣть щеголеватой,
И vous etes servi сказать,
Ктожъ другой всему сумѣетъ
Такъ проворно снаровить,
Въ одночасьѣ кто поспѣетъ
При столѣ и въ кухнѣ быть?
Нѣтъ, прошу меня уволить,
Правду мнѣ сказать позволить,
Что каковъ Віала былъ,
Міръ такихъ двухъ не родилъ.
Ахъ! напрасно сожалѣнье
Сообщаю вамъ свое;
Его нагло поведенье
Сердце взорвало мое.
Нынче въ ярмарку какъ съ нами
Онъ при кухнѣ пріѣзжалъ,
Дьяволъ снесъ его съ купцами,
Земляка къ нему наслалъ.
Въ мигъ другъ друга распознали,
Оба женъ своихъ помчали,
И въ квартиру къ намъ пришли:
Лучше мѣста не нашли
По Французски напроказить,
Съ пьяну женъ обезобразить;
Въ банкъ играли цѣлу ночь
И во всю бѣсились мочь.
А на завтра я хватился
Для гостей готовить столъ,
Мой Віалъ запропастился,
Не спросясь, чуть свѣтъ — ушелъ.

За такія мнѣ досады
Въ годъ пять сотъ рублей платить
Не найдя большой отрады —
Я рѣшился его сбыть.
Чертъ тебя возьми, *Віала!*
Поищи другихъ, какъ я,
У кого разсудка мало
И ума, какъ у меня.
Онъ, съ двора отъ насъ съѣзжая,
За долги попалъ въ тюрьму;
Цѣпь чугунна пудовая
Не понравилась ему:
Сидя въ стулѣ, неудобно
О поварнѣ разсуждать,
Часоваго неспособно
Винегретомъ обольщать.
Такъ-то въ свѣтѣ семъ судбина
Всякимъ средствамъ учитъ насъ;
Съ плута падаетъ личина,
Когда гибнуть стукнетъ часъ.
Онъ обманывалъ три года
Меня всякому на смѣхъ,
Самаго теперь урода
Кандалы крушатъ за грѣхъ.
А убытокъ въ наказанье
Мнѣ остался одному;
Своей слабости познанье
Польза важная уму!
Хоть теперь и не Французской
Подадутъ на столъ ragout,
Но горшку и каши Руской
Аппетитъ придаетъ du gout.

Аппетитъ лишь бы продлился,
Только онъ бы не лѣнился
Временами мнѣ служить,
Безъ Віалы можно жить;
А какъ онъ-то насъ покинетъ,
Вотъ, любезной другъ, бѣда!
Пусть вселенная вся гинетъ,
Коль прискучила ѣда!

Н. Ф. Остолопову.

Есть городъ на Руси по имени Борзна,
Въ которомъ не найдешь ни сливокъ, ни вина;
Однакожъ иногда почтовы эстафеты
Привозятъ и сюда Журналы и Газеты; —
Хоть нечѣмъ живота со вкусомъ накормить,
По крайности есть чѣмъ головушку вскружить. —
Пока моихъ коней во градѣ тамъ кормили,
Мы сидя у Жида, газеты проходили,
И вдругъ какой сюрпризъ пріятной я нашелъ:
Отъ Остолопова стихи къ себѣ прочелъ,
Которыхъ разсудилъ онъ быть меня достойнымъ
За то, что я воспѣлъ, хоть голосомъ нестройнымъ,
Но твердымъ, отъ души невинности хвалу
И видѣлъ не страшась летящу въ грудь стрѣлу.
Судить о мастерствѣ стиховъ не разумѣю,
Бывъ самъ предметомъ ихъ, и права не имѣю;
Но долженъ и хочу отвѣтъ въ нихъ сочинить
Тому, кто сдѣлалъ честь мнѣ трудъ свой посвятить:
Признательности дань плачу чистосердечно!

Въ сношеньяхъ между насъ пристрастья нѣтъ
конечно
За тѣмъ, что хоть его плѣняюся перомъ,
Однакожъ съ нимъ совсѣмъ донынѣ не зна-
комъ. —
За чтожъ другъ другу льстить? — Вѣдь дѣ-
ло не невольно.
Онъ чувствуя писалъ, я также — и до-
вольно!
Стихи одинъ размѣръ, — мысль вывѣска ду-
ши;
А въ комъ она добра, тотъ всячески пиши:
Въ искуствѣ заслужить хвалу какъ ни прі-
ятно,
Но въ чувствѣ сходство зрѣть пріятнѣе сто-
кратно.
Для славы и любви, съ тѣхъ поръ, какъ со-
зданъ міръ,
Не тысяча одна настроивалась лиръ;
Миръ витязямъ! — пора пѣвцамъ ихъ уто-
миться,
Къ невинности пора съ свирѣлью обратиться.

Такъ, Остолоповъ, такъ! она источникъ
благъ,
Котораго взмутить не въ силахъ лютый
врагъ!
Прилгать ее себѣ способны и злодѣи, —
Видали мы не разъ подобныя затѣи;
Но какъ ни лакируй порочнаго пятна,
А глянецъ въ мигъ сойдетъ и мерзость ихъ
видна:
Въ невинности себя подложной не увѣришь,

И совѣсти гнилой всѣхъ прежде бездну смѣ-
ришь.
Быть вправду, иль прослыть — какая
разнота!
Одно души есть рай, другое — пустота,
Сонъ тонкой, да и тотъ чрезмѣрно скоро-
течной.
Обманомъ уловленъ быть можетъ міръ без-
печной,
И съ честнымъ иногда бездѣльника сравнять,
Болвана въ мишурѣ героемъ называть;
Но гласъ души не лживъ: ему хоть поздно
внемлютъ,
И очи совѣсти непоминутножъ дремлютъ;
Невинности прямой приспѣетъ торжество,
Дастъ цѣну ей народъ — прославитъ Боже-
ство!
Какъ солнце послѣ бурь, разбивши тучи
мрачны,
Лучь яркой низпошлетъ на нивы всюду злачны,
Такъ съ помощью Творца, Его заемля духъ,
Невинность клеветы р а з г о н и т ъ подлый
слухъ. —
Повѣрь мнѣ, нѣтъ сребра и злата столько
въ мірѣ,
Меча нѣтъ у вождей, ни силъ въ самой пор-
фирѣ,
Которыябъ могли невинность погубить
И мзды ей отъ Небесъ назначенной лишить.

Награда въ насъ самихъ, — но горе по-
дозрѣнью!
Оно всегда летитъ во-слѣдъ предубѣжденью,

И качествамъ души не смѣя вѣры дать,
Въ порочной видъ спѣшитъ невинность иска-
жать,
Чтобъ самолюбія заносчива тирана
Вѣнка не помрачить, ставъ жертвою обмана.
Сей гидрѣ силу далъ нашъ мнимо-славный
вѣкъ,
Сталъ хитростью великъ — малъ въ духѣ
человѣкъ,
Сердечну доброту разчетамъ покоряя,
Благоразуміемъ коварство называя,
И въ людяхъ и въ вещахъ онъ видитъ только зло,
И снисхожденіе свирѣпствомъ заросло.
Чугунны времена! — увы! — Своротимъ взоры!
Не пользу, вредъ родятъ подобныя укоры.
Довольны будемъ тѣмъ, что можемъ иногда,
Чужая ли, своя — коль тронетъ насъ бѣда,
Подъ кровъ уединясь, въ молитвѣ сокрушенной
На помощь призывать къ себѣ Творца вселенной;
А книги, а перо — какой богатый кладъ
Для сердца, жаждуща чувствительныхъ отрадъ!

Посланье прочитавъ, однакожъ, Осто-
лоповъ,
Не ставь меня въ числѣ тѣхъ жестокихъ
мизантроповъ,
Которые грѣхомъ смертельнымъ даже чтутъ
И то, за что ребятъ ужъ въ школахъ не
сѣкутъ,
Предъ чьимъ провозгласятъ судилищемъ ужа-
снымъ
За острое словцо — мятежникомъ опаснымъ,
И съ коими во вѣкъ пріязни не сведешь,

Доколь ихъ странности отъ нихъ не перемешь;
Узнай меня, — нѣтъ, я десятка не такова:
Всѣмъ добрымъ людямъ другъ — и только золъ на злова.
Былъ молодъ и пѣвалъ волшебную любовь;
То время ужь прошло — кипуча стынетъ кровь,
Невольно сѣдина смиряться научила
И опытовъ стезей съ разсудкомъ примирила:
Такъ всякому изъ насъ Природа въ свой чередъ
Безъ Метафизики укажетъ путь впередъ. —
Скажу я о себѣ: — Слякошася всѣ кости!
Ахъ! скоро можетъ быть, земельки двѣ-три горсти
Творецъ міровъ и мнѣ велитъ отмежевать!
Тогда ужь ничего не буду я писать;
Спокоятся мои превыспренни зоилы
И клятвъ ихъ отражать не будетъ спудъ могилы.
Въ пріятеляхъ я нигдѣ — въ гонителяхъ богатъ!
Но ты къ ней подойдешь, во Аполлонѣ братъ,
И вспомнивъ пѣснь мою невинности правдиву,
Пошлешь отъ сердца вздохъ, слезу прольешь нельстиву!

НА
РАЗНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Самому себѣ.

Одинъ, размыслясь въ кабинетѣ,
Спросилъ отчета у себя:
За что между всѣхъ женщинъ въ свѣтѣ
Одну лишь я люблю тебя?

*

Въ тебѣ что такъ мнѣ полюбилось?
За что ты прочихъ всѣхъ милѣй?
Или ты для того родилась,
Чтобъ былъ я жертвою твоей?

*

А ты, чтобъ, бывъ одна безстрастна,
Имѣла случай показать,
Что ты любовника нещастна
Способна мучить и терзать?

*

Въ тебѣ такое что-то вижу,
Чего въ другихъ совсѣмъ не зрю;
И что въ иныхъ я ненавижу,
Въ тебѣ тожъ самое люблю.

*

Съ другими часто въ разговорѣ
Бываю веселъ и шутливъ;
Съ тобой при всякомъ твоемъ взорѣ
Я что-то робокъ и стыдливъ.

*

Когда заочно представляю
Твои пріятности себѣ,
Я сердца сколь ни увѣряю,
Что много равныхъ есть тебѣ;

*

Мой умъ ихъ сотнями считаетъ:
Но лишь тебя завижу —
Сравненье тотчасъ пропадаетъ,
И ты милѣй всѣхъ для меня.

*

Чтожъ дѣлать мнѣ теперь осталось?
Коль сердце борется съ умомъ,
Велѣть, — чтобъ сердце покорялось;
Хочу — да нѣтъ удачи въ томъ.

*

И силъ довольныхъ не имѣю
Біенье сердца утолить.
Я ими живъ; я лишь умѣю
Тебя, какъ жизнь мою, любить!

*

Какое злое состоянье,
Изъ бѣдъ первѣйшая бѣда:
Терять любовное вздыханье,
Не зря взаимности слѣда.

*

Но знать судьбинѣ такъ угодно,
Готовя адъ мнѣ въ жизни сей,
Чтобъ чувство, всѣмъ намъ столько сродно,
Души не трогало твоей;

*

Чтобъ ты милѣй мнѣ всѣхъ казалась,
Чтобъ отъ тебя съ ума сходилъ;
Чтобъ ты отъ глазъ моихъ скрывалась,
А я — чтобъ все тебя любилъ!

Дружбѣ.

Amitié! tu regnas dans les beaux jours de Rhée.
Colardeau.

О дружба! кто тебя не знаетъ,
Не знаетъ тотъ и красныхъ дней,
Въ минутахъ скучныхъ убиваетъ
Все время сладкой жизни сей.
Ужъ ли, раждая смертныхъ Боги,
Бываютъ къ нимъ толико строги,
Что тартаръ здѣсь хотятъ создать?
Не вѣрю. — Жизнь есть даръ священной,
А дружба способъ драгоцѣнной
Ее спокойно провождать.

*

За что мы жизнію скучаемъ,
Найдемъ причину внутрь себя,
Природѣ вѣчно досаждаемъ,
Живемъ другъ друга не любя.
Мы дышемъ въ зависти и злобѣ
И съ сердцемъ каменнымъ въ утробѣ
Одинъ другому строимъ ковъ.
Когдабъ лукавства не имѣли,
И къ ближнимъ дружбой пламенѣли,
Не такъ бы былъ нашъ рокъ суровъ.

*

Вы сами, люди, въ томъ виною,
Что вамъ приходитъ тошно жить;
Вы такъ убиты клеветою,
Что ужь не смѣете любить!

Взгляните въ отдаленны вѣки...
Тамъ просто жили человѣки,
Какъ будто бы одна семья;
Между собой, не ставя въ муку,
Дѣлили временную скуку,
Въ услугахъ радость находя.

*

Любили со вниманьемъ строгимъ
Въ чужой участвовать судьбѣ;
Тогда бывало грусно многимъ,
Коль одному не по себѣ:
За то стояли тверже грады,
Спокойства были въ нихъ ограды
Страхъ Божій — стыдъ — и трепетъ зла;
Граждане въ бунтахъ не кружились,
Цари спокойно спать ложились,
Любовь народъ и тронъ брегла.

*

За что мечтать напрасно нынѣ,
Что наше время — время бѣдъ?
Что предковъ нашихъ лишь судьбинѣ
Присвоенъ былъ ко щастью слѣдъ?
Природа видъ свой не мѣняетъ:
Насъ то же солнце освѣщаетъ,
Небесъ насъ кроетъ тотъ же сводъ,
Подъ коимъ дѣды наши жили; —
Томужъ Творцу они служили;
Ихъ Богъ есть нашъ — онъ Богъ щедротъ!

*

Люби — и будешь щастливъ въ мірѣ...
Чего инаго въ немъ желать,
Хоть въ низкой долѣ, хоть въ порфирѣ,
Какъ духъ свой дружбою питать?

Она съ небесъ на землю сходитъ,
Съ собою рай отрадъ низводитъ:
Что выше искренней любви? —
Не о страстяхъ здѣсь разсуждаю;
Ребячій бредъ сей забываю:
Угасъ ихъ жаръ въ моей крови.

*

Но другъ — что можетъ съ нимъ сравниться?
Онъ стражъ сердечной тишины.
Когда нашъ рокъ отяготится,
Когда страдаемъ безъ вины
Во обстоятельствахъ нещастныхъ
И въ разныхъ случаяхъ опасныхъ, —
Онъ намъ совѣтъ, опора, щитъ;
Онъ скромный нашихъ тайнъ хранитель,
Онъ нѣжный нашъ благотворитель,
За насъ и жизни не щадитъ.

*

Врага ли сильнаго робѣю,
Убожество ли я терплю,
Въ совѣтѣ ль надобность имѣю,
Подъ игомъ немощей скорблю, —
Къ кому прибѣгну, какъ не къ другу?
Онъ мнѣ готовъ явить услугу
Заочно такъ, какъ и въ глаза;
А естьли слабъ помочь найдется,
По крайней мѣрѣ хоть сольется
Съ моей слезой его слеза.

*

Слеза любви — она дороже
Мильіоновъ многихъ въ лютый часъ.
Въ участьи друга вижу, Боже!
Всещедрый промыслъ Твой о насъ.

Когда любя насъ наказуешь,
Непостижимо, самъ врачуешь;
То чувство дружбы намъ явитъ.
Съ ней золъ безъ гнѣва сносимъ бремя,
Съ ней жизни скоротечно время
Какъ чистой ключь воды бѣжитъ.

*

Коликобъ мы щастливы были,
Когдабъ, сей истиной плѣнясь,
Узлами дружества скрѣпили
Необходиму смертныхъ связь!
Тогда бы жизнь намъ полюбилась,
Благопріятствобъ водворилось
Равно въ шалашъ, какъ и въ чертогъ;
Престалибъ мы роптать напрасно
И безъ ума твердить всечасно:
На что меня Ты создалъ, Богъ?

*

Такой вопросъ мнѣ не понятенъ;
Онъ выше смысла моего.
Мнѣ всякой въ жизни день пріятенъ,
И не кляну ни одного.
Я утру радъ, когда проснуся,
Въ гостяхъ и дома веселюся,
Живу въ кругу честныхъ людей,
Чужому щастью не ревную,
На жребій свой не негодую,
Люблю, любимъ въ семьѣ моей.

*

Пускай иной мнѣ не повѣритъ;
Кто недовѣріемъ смущенъ,
Тотъ мнитъ, что всякой лицемѣритъ.
Что хочешь мни, — но я блаженъ!

Сіе сокровище велико!
Не Царь, — Царей даетъ Владыко;
Оно со мною родилось.
Веселой нравъ, воображенье,
Простое сердца обращенье,
Все это даромъ мнѣ пришлось.

*

Не въ кучѣ толстыхъ книгъ мудреныхъ
Души спокойство я стяжалъ —
Оно бѣжитъ людей ученыхъ; —
А я изъ опытовъ узналъ,
Что много вѣдать есть лишь мука;
Что всѣхъ нужнѣй одна наука,
Дабы щастливу въ свѣтѣ быть,
Царя небеснаго бояться,
Царю земному покаряться,
Блюсти свой долгъ, людей любить.

*

Иной не требую морали;
Съ ней щастливъ доброй человѣкъ:
Она смягчитъ его печали,
Онъ въ клятвахъ не скончаетъ вѣкъ. . . .
Тебѣ я сердце посвящаю,
Тебя въ немъ, дружба! заключаю;
Будь въ немъ, пока въ немъ жизни духъ!
И сколько злоба всѣхъ ни жалитъ,
Во мнѣ спокойства не умалитъ;
Залогъ мнѣ въ томъ — душевной другъ!

Восхищенье.

Pour moi je l'avouerai ſoit raison ou foibleſse,
J' aime à deifier tout ce qui m'intereſse,
Et quand un plaiſir pur vient m'animer mon coeur
Enyvré du bienfait, cherche le bienfaiteur.

Дня, въ которой ты родилась,
Вожделѣнная заря
Въ третій разъ возобновилась,
Во мнѣ чувства тѣ же зря;
Съ новой радостью встрѣчаю
Милой день душѣ моей,
Съ новымъ жаромъ ощущаю
Быстрой взоръ твоихъ очей.

*

Оторвись отъ недосуга
Для меня хотя на мигъ,
И позволь, чтобъ голосъ друга
До тебя въ сей день достигъ,
Чтобъ отъ сердца постоянна
Онъ успѣлъ тебѣ сказать,
Сколь готовъ я безпрестанно
Твоей волѣ угождать.

*

Каждой шагъ мой есть залогомъ,
Что всечасно мысль моя
Предъ тобой, какъ передъ Богомъ,
Безъ лукавствъ, открыта вся;
Всѣ дѣла до днесь казали
Самымъ опытомъ тебѣ,

Что я все твои печали
Взялъ охотно бы себѣ.

*

Ты свидѣтель всѣхъ вѣрнѣе,
Сколько я тебя люблю;
Ты всѣхъ вѣдаешь скорѣе,
Когда веселъ, иль терплю;
И какъ много человѣки
Дружбы нѣжность ни пѣнятъ,
Не возчувствуютъ во вѣки
Со мной равныхъ въ ней отрадъ.

*

Естьли можетъ другъ нашъ милой
Успокоить нашу грудь,
Удержать въ ней вздохъ унылой,
Такъ увѣрена въ томъ будь,
Что никто во всей вселенной
Не имѣетъ правъ, какъ ты,
Въ полной мѣрѣ преблаженной
Вкушать жизни красоты.

*

Оставляю равнодушнымъ
Долгъ обычая хранить
И съ привѣтствіемъ ихъ скучнымъ,
Безъ любви, къ тебѣ идтить.
Я и сердцемъ и словами
Отличаюся отъ нихъ;
Не бѣгу къ тебѣ съ дарами,
А несу мой бѣдной стихъ.

*

Когда въ немъ я упражнялся,
Всю подсолнечну забылъ,
Лишь тобою занимался,
И хвалой не дорожилъ;

Не просилъ сокровищъ тлѣнныхъ
Я у Бога для себя;
Но чтобъ Онъ щедротъ безцѣнныхъ
Пролилъ рѣки на тебя;

*

Чтобы дни твои прекрасны,
Уподобясь неба днямъ,
Отъ злодѣевъ безопасны,
Былибъ радостны друзьямъ!
Съ сей молитвой прибѣгаю
Къ Богу искреннихъ сердецъ,
И надѣяться дерзаю,
Что ей внемлетъ мой Творецъ.

*

Ты, дражайшая причина
Восхищенья моего!
Ты пребудешь вѣкъ едина
Для меня милѣй всего!
Вѣрь любви моей неложной,
Вѣрь, что жертвы нѣтъ такой
Въ человѣчествѣ возможной,
Гдѣбъ не презрилъ я собой.

*

Никакихъ Владыкъ на свѣтѣ
Не завидую судьбѣ;
Я имѣю лишь въ предметѣ
Всегда нравиться тебѣ.
Иныхъ благъ я не желаю,
И дабы щастливымъ быть,
Одно средство только знаю:
Всей душой тебя любить!

Каминъ въ Пензѣ.

Каминъ, товарищъ мой любезной!
Куда какъ я тебя люблю!
Съ тобою въ сей юдоли слезной
Заботы всѣ свои дѣлю.
Когда природа умираетъ,
Когда насъ осень запираетъ
Въ темницу скучныхъ нашихъ стѣнъ,
Тогда, какъ листъ, и я желтѣю,
Къ огню прибѣжище имѣю,
Играю съ нимъ, уединенъ.

*

Хотя безъ всякаго убранства
Изъ камней грубыхъ ты сложенъ,
Не монументомъ гордымъ чванства
Въ моемъ углу ты быть сужденъ;
Тебя не мраморъ одѣваетъ,
Не стали лучь въ тебѣ сіяетъ,
Не грань хрустальная блеститъ;
Пріятство ломкаго фарфора
Толпы невѣждъ не тѣшитъ взора:
За то ты грѣешь, тотъ давитъ.

*

Какъ ночь войдетъ ко мнѣ въ окошко
И дня прогонитъ бѣлой свѣтъ,
Внесутъ ко мнѣ дровецъ лукошко —
Въ моемъ быту затѣевъ нѣтъ;
Вельможамъ я не подражаю,
На корабляхъ не добываю

Ни знатныхъ угольевъ, ни дулъ;
Дубовыми топлю дровами
Своими попросту руками,
И самъ разклалъ, и самъ раздулъ.

*

Пока еще не разгорится
Костеръ моихъ дешевыхъ дровъ,
Мой взоръ съ пріятностью дивится,
Смотря на быстрой бѣгъ дымовъ,
Смотря, какъ искра искру тронетъ,
Какъ изсыхая влага стонетъ
И мѣсто пламени даетъ;
Огонь всѣ поры распираетъ,
Дрова трещатъ, а онъ пылаетъ,
И что ни встрѣтитъ, мигомъ жжетъ.

*

Одинъ въ потьмахъ, нога на ножку,
Я въ креслахъ нѣжусь у огня;
То сонъ вкушаю по-немножку,
То мысль къ мечтамъ зоветъ меня:
Высоки замки шпански строю;
Стада рабовъ зрю предъ собою,
Готовыхъ манію внимать;
Вселенну всю межую взглядомъ;
Царей даю смятеннымъ градомъ,
Гоню морей предѣлы вспять.

*

Или, наскучивши войною,
Съ досадъ далеко бросивъ шлемъ,
Гонясь за новой суетою,
Спѣшу въ мечтаніи моемъ

Судей, корыстью обольщенныхъ,
Судейскихъ чучелъ изумленныхъ
Поганы гнѣзда разорить,
Злыхъ ябѣдъ жало притупляя,
Злодѣйства капища сжигая,
Во храмъ святъ правды обратить.

*

Или, намыкавшись по свѣту,
Надѣлавъ пропасть славныхъ дѣлъ,
Опять къ любезному предмету
Несу убогой свой удѣлъ:
Каминъ поленьями питаю,
Всѣ думы въ кучу созываю,
И грезы сонныя прогнавъ,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мірскихъ суетъ тщету познавъ.

*

„Чего ты хочешь, горделивый,“
Вѣщаю мысленно къ себѣ:
„Ко щастью мужъ несправедливый?
„Чего недостаетъ тебѣ?
„Ты хлѣбъ свой съ прихотью сѣдаешь,
„Жену прекрасную лобзаешь,
„Дѣтей любезныхъ тормошишь;
„Ты младъ и незнакомъ съ недугомъ;
„Отъ стужи печь къ твоимъ услугамъ,
„И въ нѣгѣ, сколько хочешь, спишь.

*

„Ты всуе молишь Провидѣнье,
„Чтобы, какъ Крезъ, ты былъ богатъ;

„Сребро и злато — обольщенье;
„Бѣднякъ покойнѣе сто кратъ.
„Кто мѣръ желаніямъ не ставитъ,
„Тотъ, сколько золота ни сплавитъ,
„Все будетъ бѣденъ передъ тѣмъ,
„Кто по прибаскѣ Руской, ножки
„Тянуть умѣетъ по одёжки,
„И мѣдной грошъ цѣнитъ рублемъ.

*

„Напрасно и о томъ скучаешь,
„Что не живешь въ иномъ краю;
„Не ужь ли ты воображаешь,
„Что Лондонъ и Парижъ въ раю?
„Ахъ, нѣтъ! во всѣ года и вѣки
„Вездѣ тѣжъ были человѣки. —
„Богъ міру далъ все по поламъ;
„Нигдѣ нѣтъ яснаго блаженства,
„Нигдѣ нѣтъ благъ всѣхъ совершенства;
„Есть смѣху часъ, есть часъ слезамъ."

*

Такъ думу думалъ, и вздыхая
Воображалъ нашъ краткой вѣкъ;
Съ собой бесѣду продолжая,
„Не прахъ ли" мнилъ я: „человѣкъ?
„Постигнетъ и его кончина
„Такъ точно, какъ среди камина
„Теперь огонь щепы палитъ.
„Вчера сей дубъ былъ знатенъ, славенъ,
„Въ лѣсу ни съ чѣмъ онъ не былъ равенъ;
„Севодни срубленъ, — и горитъ.

*

„Колико мы ни нарохтимся
„Одинъ другаго выше стать,
„Напрасно, право, суетимся;
„Хоть титло въ листъ, а умирать!
„Рожденья мигъ есть шагъ къ могилѣ,
„Не льзя противиться намъ силѣ
„Законовъ вѣчныхъ естества;
„Конца достигнетъ вся вселенна,
„И скотъ и тварь одушевленна
„Въ свой часъ лишатся существа."

*

И такъ, то бредя въ кабинетѣ
Межъ многихъ мертвыхъ мудрецовъ,
Я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ
Тоску осеннихъ вечеровъ;
То рубль одинъ мильономъ множилъ,
То всю Сибирь на фракахъ прожилъ,
То пиръ Лукулліевъ давалъ;
Иль философіи стезею,
Простясь съ гостившею душею,
Червей въ могилѣ ожидалъ.

*

Каминъ! къ тебѣ я обращаюсь!
Ты въ скукѣ мнѣ великой другъ!
Коль въ мрачну думу углубляюсь,
Ты всю ее разгонишь вдругъ;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокія волненья
На память тотчасъ мнѣ явишь;
Чего напомнить не умѣешь!

Со всякимъ вздоромъ вмигъ поспѣешь,
Чело улыбкою даришь.

*

Какое множество ласкательствъ
Тебѣ я въ жертву приносилъ!
Любовныхъ клятвъ и отрицательствъ
Тебѣ стопами я дарилъ;
Не рѣдко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты
Съ лучиной вмѣстѣ зажигалъ,
Огонь физической съ моральнымъ,
Въ угоду случаямъ печальнымъ,
Со всякой скромностью вѣнчалъ.

*

О сердца сладкіе обманы!
Что можетъ съ вами быть равно?
Не вы спокойствія тираны;
Вамъ царство радостей дано.
Сто кратъ благословенны годы,
Въ которы красоты природы
Влюбляютъ снова каждой день!
Все въ мірѣ лживо насъ плѣняетъ.
Гдѣжъ правда? — Въ небѣ обитаетъ;
Въ низу ея лишь только тѣнь.

*

Учитесь, смертные! учитесь
Во всемъ средину познавать,
И буи міра умудритесь!
Чего Богъ не далъ, гдѣ же взять?

Кто свѣтъ такимъ, какъ есть онъ, создалъ,
Кто всѣмъ изъ насъ свой жребій роздалъ,
Предъ Тѣмъ винися всяка тварь.
Во всемъ на власть Его надѣюсь,
А между тѣмъ сижу и грѣюсь;
Каминъ мой Дворъ, при немъ я Царь.

*

Я вижу часто, какъ родится
Отъ искры пламенной пожаръ;
Не такъ ли Царствъ судьба вертится?
Горитъ война отъ мѣлкихъ сваръ.
Но тамъ камины зло калятся,
И сплошь дрова такъ разгорятся,
Что не зальетъ морской кувшинъ;
А здѣсь воды, чуть жарко станетъ,
Графина одного достанетъ:
Спросилъ, да влилъ — погасъ каминъ.

Каминъ въ Москвѣ

Еще мы лѣта не видали,
А ужь опять зима какъ тутъ!
Морозы въ комнату вогнали
И долго выдти не дадутъ;
Краса природы измѣнилась,
Завѣсой ночи обложилась.
Ахти — что дѣлать? — что начать?
Придвинусь къ милому камину,
И съ нимъ мою тоску, кручину,
Какъ прежде, стану раздѣлять.

*

Въ какихъ краяхъ я ни шатался,
Великъ ли, малъ ли былъ мой домъ,
Въ высокихъ замкахъ величался,
Иль крылся внутрь своихъ хоромъ, —
Каминъ мой зимній благодѣтель,
Вездѣ былъ дѣлъ моихъ свидѣтель —
По суткамъ съ нимъ живалъ одинъ;
Тоску, печали и досады,
Утѣхи, радости, отрады,
Все мой завѣдывалъ каминъ.

*

На всѣ судьбы людскія въ свѣтѣ
Когда я мысленно гляжу,
И у камина въ кабинетѣ
О человѣчествѣ сужу,
Съ трудомъ въ моемъ воображеньи
О щастьи общія всѣхъ мнѣньи

Могу я съ правдой согласить.
Весь міръ шумитъ и колобродитъ;
Но вмѣсто щастья что находитъ?
Лишь новы способы тужить.

*

Цари, по самой доброй волѣ,
Оставя тронъ, бѣгутъ къ ружью,
Въ своей толь знаменитой долѣ
Клянутъ не рѣдко жизнь свою.
Бояра, сколько ни тучнѣютъ,
А также въ щастіи бѣднѣютъ,
Какъ самой ихъ послѣдній рабъ.
И тотъ въ своей огромной сферѣ,
И сей въ землянкѣ, иль въ пещерѣ,
Равно противъ напасти слабъ.

*

Вездѣ о щастіи писали;
И будутъ вѣчно толковать;
Нигдѣ его не отыскали.
Ахъ! трудно щастіе стяжать!
И я, мужикъ хоть немудреной,
Сказать то также, какъ ученой,
Могу: оно въ самомъ во мнѣ.
Да гдѣ и какъ найтить? Не — знаю;
Въ печали — на яву страдаю,
А веселъ — все будто во снѣ.

*

Противъ страстей возставши лихо,
Чело нахмуря, какъ Катонъ,
Когда въ душѣ его все тихо,
Философъ свой даетъ законъ:
„На что страстямъ порабощаться?
„Разсудку должно покаряться.

„Всѣ наши прихоти мечта;
„Все здѣсь, о люди! скоротечно:
„Ищите въ небѣ щастья вѣчно,
„А міръ — суетъ есть суета.

*

„Коль сытъ однимъ — на что три блюда?
„Коль есть кафтанъ — на что ихъ пять?
„Къ чему потребна денегъ груда?
„Умрешь — съ собой вить ихъ не взять.
„Стѣсни ты нуждъ своихъ границы,
„Бѣги въ деревню изъ Столицы,
„Живи спокойно малой вѣкъ,
„Терпи обиду равнодушно,
„Снеси печаль великодушно,
„Будь выше, нежель человѣкъ.“

*

Да самъ ты что, мой поучитель?
Ты Богъ, иль Ангелъ во плоти?
Глубокой мудрости рачитель!
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не умъ одинъ, но чувства,
Вѣщай безъ всякаго искуства,
Ужь ли таковъ ты вправду сталъ?
Я вижу — тщетно лицемѣришь;
Сей проповѣди самъ не вѣришь,
И вышелъ ты — пустой кимвалъ!

*

О естьлибъ люди всѣ такъ жили,
Какъ имъ разсудокъ повелѣлъ!
Когда бы чувства тише были,
Источникъ кровибъ не кипѣлъ,
Куда бы было жить прекрасно!
Все былобъ мирно, безопасно,

Любовь былабъ союзъ всѣхъ странъ;
Другъ друга люди бы не ѣли,
Ужиться межъ собой умѣли
Французъ, Арабъ и Музульманъ.

*

О естьлибъ — это только слово
Когда въ заглавьи положу,
Одну ли землю — небо ново
Тотчасъ перомъ моимъ рожу.
Всѣ Царства будутъ изобильны,
Всѣ люди будутъ равно сильны;
Нигдѣ ни снѣга, ни зимы,
Цвѣты расти вседневно станутъ,
Къ каминамъ бѣгать перестанутъ, —
Совсѣмъ перεродимся мы.

*

Ахъ, нѣтъ! мнѣ жаль камина стало!
Оставимъ лучше все, какъ есть:
Того, что мнѣ на разумъ вспало,
Никакъ не можно произвесть.
Пускай себѣ кружится сфера,
И пусть различная химера
Играетъ каждаго умомъ!
Творецъ все къ лучшему устроитъ;
Насъ нынѣ стужа безпокоитъ,
За то не страшенъ лѣтній громъ.

*

Молву я слышу повсечасну
О свойствѣ добрыхъ поселянъ:
Какую жизнь ведутъ прекрасну!
Законъ природы не попранъ.
У нихъ грубѣй, твердятъ мнѣ, нравы,
Но несравненно ихъ забавы

Простѣе, нежели у насъ:
Другъ съ другомъ водятся въ свободѣ,
Не пьютъ и не ѣдятъ по модѣ.
Неправда! — такъ же, каковъ часъ.

*

Когда даются серенады
У васъ въ прекрасной лѣтній день,
Шумятъ прозрачны водопады,
Отъ зноя кроетъ кедровъ тѣнь,
Тогда мужикъ коня впрягаетъ
И плугомъ землю раздираетъ,
Или беремя дровъ тащитъ,
Или сквозь тусклыя окошки,
Въ которы не видать ни крошки,
Зимою на мятель глядитъ.

*

Жену хоть часто онъ цѣлуетъ,
Но коль обманъ подстережетъ,
Жесточе насъ вознегодуетъ
И за невѣрность сильно бьетъ.
Онъ милъ быть хочетъ по неволѣ,
Не смысля правъ надъ нею болѣ,
Какъ то, что вѣнчанъ — пѣтой кусъ (*).
И такъ какъ мы передъ Министромъ,
Такъ точно онъ передъ бурмистромъ
Застѣнчивъ, робокъ — тотъ же трусъ.

*

(*) Можетъ быть сіе выраженіе покажется многимъ странно; но мнѣ точно случилось видѣть въ отдаленной отъ Москвы деревнѣ бабу, которая, будучи прибита мужемъ, на вопросъ мой: любитъ ли она его? отвѣчала мнѣ и съ нѣкоторымъ сердцемъ: какъ же, мой башька! вишь мы повѣнчались; онъ пѣтой кусъ.

Согласенъ я, что наши страсти
Не нарушаютъ ихъ покой;
За то у нихъ свои напасти:
Уроки, порча, домовой.
И такъ они въ словахъ разбились,
Но въ вещи мало отличились.
Грущу и я, груститъ и онъ.
А что мы модой называемъ,
Мы точно тожъ у нихъ встрѣчаемъ:
Обычай ихъ въ селѣ — законъ.

*

Одно лишь умствованье наше
Влечетъ насъ бѣдныхъ разбирать,
Чья участь чьей судьбины краше,
Что лучше: ползать, иль пахать.
Ахъ! всякой ношу свою тянетъ,
Вседневно въ мѣру силъ устанетъ,
Отъ дроворуба до Царя.
Тотъ мнитъ, что я богатъ и тученъ,
А я, что онъ благополученъ;
Но все умовъ пустая пря!

*

Я тутъ себя не изключаю,
Подобной прочимъ человѣкъ;
Въ желаньяхъ также убиваю
Безплодной мой и краткой вѣкъ:
Чужой ревную часто долѣ,
Въ воображаемой неволѣ
Кружу съ досады весь мой умъ;
Бываю многимъ недоволенъ;
Дни два грущу, да дней пять боленъ
Отъ бури безпокойныхъ думъ.

*

Каминъ! тобой не промѣняюсь
На всѣ сокровища вельможъ!
Тобою часто утѣшаюсь;
Всегда мнѣ милъ — вездѣ пригожъ.
Пускай печали неизбѣжны,
Но съ ними смѣхи часто смежны.
Ты будь престолъ моихъ забавъ;
А книгъ моихъ съ меня довольно;
Отъ нихъ ни тѣсно мнѣ, ни больно:
Читаю то, что мнѣ на нравъ.

*

Когда же книгу я оставлю,
И углублю въ каминъ мой взоръ,
Съ какимъ веселіемъ представлю
Различныхъ случаевъ соборъ!
Моей всей юности картину,
Суетъ успѣхи и причину
Тотчасъ въ умѣ воображу;
На Сѣверъ, Югъ, и на Столицу,
И на Финляндскую границу
Какъ будто я теперь гляжу.

*

Винюсь, мой Боже! предъ Тобою,
Я праздно молодость убилъ;
Влекомъ обычая волною,
И день и ночь мечтамъ дарилъ.
То тамъ, то сямъ я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслилъ: — „это все заемъ,
„Которымъ я кого ссужаю;

„Со временемъ сей долгъ, я знаю,
„Красенъ мнѣ будетъ платежемъ."

*

Ошибся я въ моемъ расчетѣ,
Пропалъ весь трудъ мой ни во что,
И изъ людей мнѣ на примѣтѣ,
Въ комъ я искалъ тогда, никто —
Не говорю благодѣянье —
Ниже малѣйшее вниманье
Ко мнѣ съ тѣхъ поръ не показалъ;
И коль встрѣчать мнѣ ихъ случалось,
То — вѣроятноль бы казалось? —
Иной меня не узнавалъ.

*

Таковъ сей свѣтъ, такіе люди,
И сбитеньщикъ не лжетъ Степанъ,
Конечно — что плыветъ, все уди,
Что ни дадутъ, клади въ карманъ.
Два слова *я* и *онъ* во вѣки
Въ одно не свяжутъ человѣки,
И врядъ найдешь ли гдѣ кого,
Кто бы, сосѣда повстрѣчавши,
Не мыслилъ, руку ему жавши:
Мнѣ все — другому ничего!

*

Пора ко нравамъ примѣниться,
Мнѣ скоро будетъ сорокъ лѣтъ,
Пора изъ опытовъ учиться
Цѣнить людей, узнать сей свѣтъ.

Искать друзей есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася въ наши дни
Людскаго равнодушья мѣра;
Не требуйте на то примѣра (*):
Увы! — во множествѣ они.

*

Въ глаза другъ друга всѣ разхвалятъ;
Но случай лишь придетъ помочь,
Тотчасъ цѣны твоей умалятъ,
Пойдутъ, не молвя слова, прочь.
Уменъ ли кто, — тотъ такъ задавитъ,
Что цѣлой вѣкъ тебя заставитъ
Объ немъ съ слезами вспомянуть.
Дуракъ, — тотъ гдѣ ни повстрѣчаетъ,
Каменьевъ пропасть накидаетъ
И ими заградитъ твой путь.

*

(*) На сихъ дняхъ два меня поразили. Молодой мущина застрѣлился, и нѣкоторые изъ пріятелей его, съ коими онъ обращался и въ кругу которыхъ почитаемъ былъ необходимымъ, поговоря объ этомъ, какъ о странномъ случаѣ, сутки, на другія поѣхали на балъ и плясали. — Умеръ такъ же нѣкто скоропостижно, и вмѣсто кого либо изъ родныхъ, или друзей, на снисканіе коихъ онъ лѣтъ съ 60 вѣка своего употребилъ, глаза ему закрыли сердобольная старая иностранка, а въ гробъ прибрали рабьи руки. Тутъ такъ же ни чья дружеская слеза на трупъ его не канула. . . . Какая сильная для чувствительныхъ сердецъ наука!

А вы, которы безъ умолку
Чувствительностію надмясь,
Предразсудительному толку
Несете въ жертву сердца связь,
На что вы такъ дары небесны,
Любезность, умъ, черты прелестны,
Употребляете во зло?
Почто надъ чувствами другова
Толико ваша власть сурова,
Что жить не въ силу намъ пришло?

*

Отъ золъ такихъ моя отрада
Единый Богъ, — Богъ твари всей;
Мнѣ ничего уже ненада:
Не жду блаженства отъ людей.
Стократъ пріятнѣй, дома сидя,
Соблазновъ свѣта въ немъ не видя,
Съ своей семьею просто жить!
И скромно время провождая,
Разсудку здраву угождая,
Дрова въ каминѣ шевелить!

Война каминовъ.

Собравшись съ мыслями своими,
Каминъ я новой сочинилъ;
Съ стихотвореньями своими
Его въ бюро мой положилъ.
Каминъ тамъ прежній встрепенулся;
Онъ гостя встрѣтивши въ сердцахъ,
Высокомѣріемъ надулся,
И рѣчь повелъ въ такихъ словахъ:

*

Куда, скажи, каминъ Московской,
Несетъ нелегкая тебя?
И къ статиль въ сей бюро господской
Со мною въ рядъ кладешь себя?
Хоть я въ провинціи родился,
А ты въ Москвѣ произведенъ;
Но сколькобъ симъ ты ни гордился,
Со мной не можешь быть сравненъ.

*

Ни въ чемъ, повѣрь, ты мнѣ не пара, —
Я шлюся въ томъ на общій судъ;
Въ тебѣ той связи нѣтъ, ни жара,
Какія всѣ во мнѣ найдутъ.
Вѣдь намъ здѣсь въ ящикѣ съ тобою
Свободно можно разсуждать,
И что мы молвимъ межъ собою,
Того никто не будетъ знать.

*

Пускай тогожъ отца мы дѣти;
Но, ахъ! какая разнота!
Давно мой вѣсъ поставленъ въ свѣтѣ;
Ты мнѣ лишь именемъ чета.
По мнѣ отецъ мой сталъ извѣстенъ;
Въ печати два раза я былъ.
Суди, колико рокъ мой лестенъ:
Меня Французъ переводилъ!

*

Ты все въ чернѣ на свѣтѣ видишь,
А я и черное бѣлю;
Ты съ желчью смертныхъ ненавидишь,
А я всѣмъ сердцемъ ихъ люблю;
Ты путь ко щастію теряешь,
А я по немъ иду всегда;
Вездѣ коварство ты встрѣчаешь,
А я напротивъ — никогда.

*

Напрасно мой отецъ старался
Дитя такое произвесть;
Пускай бы тѣхъ дѣтей держался,
Отъ коихъ онъ пріемлетъ честь.
Себя, Меня, Авось, Глафиру
И Эгоиста написавъ,
Онъ долженъ былъ оставить лиру
И не искать надъ нею правъ.

*

Когдажъ въ несносной нашей долѣ
Пришелъ его паденья часъ,
Не мучь по крайней мѣрѣ болѣ
Своимъ присутствіемъ ты насъ!
Съ тебя здѣсь ящиковъ довольно;
Переберись изъ нихъ въ любой:

Но право намъ ужасно больно
Въ одномъ быть обществѣ съ тобой!

*

Каминъ Московской догадался,
Что съ самохваломъ труденъ споръ;
Онъ очень скромно отмолчался
И презрѣлъ весь его задоръ.
А я, чрезъ то познавъ упадокъ
Моихъ во стихотворствѣ силъ,
Дабы все въ должной ввесть порядокъ,
Тотчасъ ихъ порознь разложилъ,

*

И самъ себѣ на замѣчанье
Сей случай безъ досады взялъ:
Когда я сдѣлалъ завѣщанье,
Изъ рукъ перо почти бросалъ,
Такъ уже подлинно напрасно
За новой риѳмой я летѣлъ;
Во всякомъ случаѣ опасно
Забыть способностей предѣлъ!

*

И такъ не буду я стремиться
Изъ точки выскочить моей,
Дабы до смерти не убиться,
Не стать посмѣщищемъ людей;
Но впредь, трудомъ умовъ полезныхъ
Любя свой разумъ занимать,
Въ воспоминаніяхъ любезныхъ
Дни сладки стану провождать.

За женщинъ.

Давноль вамъ вздумалось, мущины,
На женщинъ всуе разсердясь,
Пустыя сыскивать причины
Разрушить съ ними вашу связь?
Давноль на умъ взошло желанье
Такое выдумать собранье,
Въ которомъ не было бы дамъ?
Гдѣ могутъ быть онѣ помѣха,
Благопристойная утѣха
Уже не существуетъ тамъ.

*

Еще такихъ диковинъ въ мірѣ,
Какъ свѣтъ стоитъ, я не слыхалъ,
Чтобы съ сумой, или въ порфирѣ,
Мущина женщиной скучалъ.
Пристойно нашему лишь вѣку,
На посмѣянье человѣку,
Такую блажь въ немъ допустить,
Чтобъ естеству сопротивляться
И съ прилѣжаньемъ обучаться
Безъ женщинъ время проводить!

*

Ужь ли, въ столь странномъ заблужденьи
Ума, кто хочетъ выдать знакъ,
Чувствъ вредны злоупотребленьи?
Но быть безъ нихъ не льзя никакъ.

Такую чудную химеру,
Превосходящу всяку вѣру,
Едва придумать я могу.
Вѣ какомѣ умѣ вообразилась,
Вѣ какой душѣ она родилась?
Сѣ ней надо міра быть врагу.

*

Куда безѣ женщинѣ мы годимся,
Прошу злодѣевѣ ихѣ сказать?
Весь вѣкѣ хлопочемѣ, суетимся,
А изѣ чего? — Чтобѣ ихѣ плѣнять.
На чтожѣ плѣнять? — Чтобѣ насѣ любили,
Чтобѣ сердцемѣ насѣ своимѣ дарили;
А мы, владѣя сердцемѣ ихѣ,
Владѣя тѣмѣ, всего что краше,
Блаженство находили наше
Во щастьи женщинѣ намѣ драгихѣ.

*

Безѣ нихѣ пріятныя бы чувства
Оледенѣли вовсе вѣ насѣ,
Изчезлибѣ всѣхѣ родовѣ искуства,
Свѣтильникѣ разума погасѣ;
Мы сталибѣ дики, своенравны,
Одной жестокостію славны;
Повсюду видѣлибѣ раздорѣ;
Какѣ звѣри пищу восхищая,
Другѣ друга тишины лишая,
То зло бы дѣлали, то вздорѣ.

*

Куда бы дѣлося геройство,
И кѣ храбрымѣ подвигамѣ любовь,
Сіе сердецѣ великихѣ свойство,
Воспламѣняющее кровь?

Къ какой бы милости склонились?
Какого буйства устыдились,
Когдабъ достойныхъ женъ хвала,
Сія единственная мѣта
Всего подсолнечнаго свѣта,
Къ дѣламъ отличнымъ не влекла?

*

Въ огонь и полымя летаемъ,
Ни язвъ, ни смерти не страшась;
Успѣхи жизнью покупаемъ,
Препятствіями раздражась.
Какуюжъ ищемъ мы отраду
Такихъ трудовъ себѣ въ награду? —
Восхитить женскіе умы;
И естьли овладѣли ими,
Трофеи брося передъ ними —
О сколь благополучны мы! —

*

Не льзя безъ женщинъ обойтиться,
Когда безъ нихъ и часъ, какъ вѣкъ;
Чрезъ нихъ и съ ними веселиться
Природой призванъ человѣкъ.
Онѣ забавы умножаютъ,
Онѣ печали уменьшаютъ
И бремя живота легчатъ;
Отъ нихъ искать уединенье
Такое сердца преступленье, —
Въ которомъ я невиноватъ.

*

Напрасно, право, вы, мущины!
Хотите свѣтъ перемудрить,
И вонъ изъ общей всѣхъ судьбины,
Систему новую сложить.

Живите такѣ, какѣ жили прежде;
Любите женской полѣ вѣ надеждѣ,
Что онѣ и нашему не врагѣ:
Сей цѣпью Богѣ вселенну вяжетѣ
И твердостью ее намѣ кажетѣ,
Колико Онѣ великѣ и благѣ.

*

Пускайте ихѣ вѣ свои собранья,
Присутствіе ихѣ ставя вѣ честь;
Сердецѣ смѣшайте воздыханья:
И (буде щастье вѣ свѣтѣ есть)
То вѣрьте мнѣ — его неложно
Сыскать иначе не возможно,
Какѣ только вѣ родѣ жизни томѣ,
Гдѣ женщина, любя мущину,
А сей, любя ее едину,
Не мыслятѣ ни о чемѣ другомѣ.

*

Не лесть пристрастными устами
Точу я здѣсь вѣ моихѣ словахѣ;
Вы опытѣ истины сей сами
Всегда имѣете вѣ глазахѣ.
Мы сплошь на женщинѣ негодуемѣ,
За вздорѣ вспылимѣ и приревнуемѣ;
Непримиримы имѣ враги!
Но чуть лишь милая взорѣ кинетѣ,
Тотчасѣ досада вся простынетѣ,
И мы — покорные слуги.

*

Конечно женщины имѣютъ
Способность насъ всегда вскружить,
И недостатки чувствъ умѣютъ
Ума проворствомъ замѣнить.
Въ нихъ сердце часто легковѣрно;
Но естьли мило намъ чрезмѣрно,
Что что же делать намъ съ своимъ?
Бѣжать въ пустыню? — Тяжко средство!
Тамъ тотчасъ насъ постигнетъ бѣдство,
И мы воротимся же къ нимъ.

*

Онѣ все это твердо знаютъ;
Имъ всякой помыслъ нашъ знакомъ;
Онѣ въ глазахъ у насъ читаютъ,
Въ кого когда имъ бросить громъ.
А намъ надлежитъ быть покорнымъ
И нравомъ вспыльчивымъ, задорнымъ
Ни злобить ихъ, ни огорчать,
Любить всѣмъ сердцемъ — но съ искуствомъ,
Стараяся по ихъ къ намъ чувствамъ
И наши къ нимъ соразмѣрять.

*

Кто такъ себя разполагаетъ,
Въ щастливой тотъ живетъ судьбѣ;
Кто женщинъ вовсе убѣгаетъ,
Не имъ злодѣй тотъ — самъ себѣ.
А я, уставы чтя природы,
Унылой не ищу свободы,
И быть въ бесѣдахъ ихъ люблю;
Лицомъ пригожимъ восхищаюсь,
Умомъ и сердцемъ наслаждаюсь,
И розно съ ними — только сплю.

*

Коль Богъ въ совѣтѣ самъ съ Собою,
Сложивъ Адама одного,
Хотѣлъ украсить рай женою
И создалъ Евву для него,
То какъ юдоль земная слезна
Моглабъ безъ женщинъ быть любезна?
И какъ бы свѣтъ безъ нихъ стоялъ?
И такъ не умствуйте напрасно;
Ищите женщинъ повсечасно,
И пусть Lequain (*) даетъ имъ балъ!

(*) Имя иностранца, открывшаго Академiю музыки въ Москвѣ, отъ котораго нѣкоторые Члены требовали, чтобы не было въ оной баловъ и чтобъ одни мущины могли въ нее входъ имѣть.

Противъ женщинъ.

Tel glose helas sur vos foiblesses,
Qui brule de les partager.

За что на женщинѣ намѣ сердиться,
Когда не любятѣ онѣ насѣ;
Всего глупѣй о томѣ крушиться,
Что вѣ нихѣ извѣдали сто разѣ!
Боговѣ написано вѣ совѣтѣ,
Чтобѣ имѣ плѣнять, а не любить;
И такѣ нещастливѣ тотѣ на свѣтѣ,
Кто хочетѣ имѣ угоденѣ быть.

*

Иной противу ядрѣ воюетѣ,
И сто смертей бездѣлкой чтитѣ;
Снявѣ латы — рыцарь мой горюетѣ —
О чемѣ? — Дѣвчонка не глядитѣ.
Другой законы возглашаетѣ,
Судомѣ и милостью великѣ;
Пришелѣ домой — судья вздыхаетѣ:
Вскружилѣ головушку парикѣ (*)!

*

Тамѣ зрю — сѣ огромною трубою
Подѣ игомѣ скуки — Астрономѣ
Бѣжитѣ бѣдняжка за звѣздою,
Предвидитѣ дождь, и снѣгѣ, и громѣ;

(*) Дамы ввели въ моду носить разныхъ цвѣтовъ парики.

Но чуть лишь женщина попалась
Хоть мало - мальски по глазамъ:
Наука вся въ трубѣ осталась,
И инструменты всѣ къ чертямъ!

*

Или въ горахъ одинъ скитаясь,
Унынья сгорбленъ тяготой,
Пустынникъ, свѣта укрываясь,
Владѣетъ кое - какъ собой;
И тотъ, въ часокъ погоды ясной
Изъ горъ чуть выдетъ погулять,
Попался женской взоръ прекрасной:
Пошелъ любить — пошелъ страдать.

*

Однимъ лишь женщинамъ удобно
Въ умахъ такой хаосъ творить;
Кому иному столько сродно
Въ насъ кровь, какъ лужу возмутить?
Чѣмъ больше право понимаю
Умовъ ихъ складъ и сгибъ сердецъ,
Тѣмъ я сильнѣе пребываю,
Что въ гнѣвѣ создалъ ихъ Творецъ.

*

Напрасно я разговорился;
Иной подумаетъ и впрямъ,
Что можетъ быть я разсердился
На нихъ за что нибудь и самъ.
О, нѣтъ! сказать по правдѣ должно:
За что досадовать на нихъ?
Любить никакъ имъ не возможно;
У нихъ есть пропасть дѣлъ другихъ.

*

Любить! — Смѣшно, такой бездѣлкой
Прервать ихъ важной недосугъ;
Любить душѣ прилично мѣлкой. . . .
Ну! что за диво вѣрной другъ?
Еще его когда-то станетъ
По Римски дружбу показать,
А между тѣмъ, какъ шмель, пристанетъ—
И лучшебъ вѣкъ его не знать.

*

Повѣрьте мнѣ, о человѣки!
Любви и дружбы нынѣ нѣтъ.
Она родилась въ прежни вѣки
И не дошла до нашихъ лѣтъ.
Послалъ ли Богъ бѣды, печали?
Мы ради всѣмъ — мы любимъ всѣхъ;
Но тѣ же люди скучны стали,
Когда на насъ играетъ смѣхъ.

*

Ищи отъ женщинъ быть въ свободѣ,
Не будь ихъ другъ — не будь ихъ врагъ;
Ласкайся къ той, котора въ модѣ:
Но безъ любви — иныхъ нѣтъ благъ,
Какъ пить и ѣсть и веселиться.
Будь кстати шутъ — вездѣ поспѣй,
Остро солги, — но лишь дружиться
Привычки глупой не имѣй.

*

На балѣ какъ-то мнѣ случилось
Бесѣду слышать двухъ дѣвицъ;
Она мнѣ очень полюбилась:
Ma chère! — онъ хочетъ небылицъ.

Eh quoi! mon coeur? — та отвѣчаетъ;
А между тѣмъ тутъ вальсъ поспѣлъ.
Подруга жметъ — danſeur терзаетъ —
Mais attendez . . . — какъ надоѣлъ!

*

Пока другіе вальсируютъ,
Онъ опять за разговоръ: —
Взгляни — какъ эти двѣ танцуютъ:
Ah! quelle horreur! — и! что за вздоръ!
Да чтожъ ты давича сказала?
Ахъ! какъ онъ éxigeant! — Онъ? кто?
Другая пара подбѣжала.
Я ждалъ конца — да гдѣ? — паръ сто.

*

Рѣзвитесь, милыя вертушки!
И не заботьтесь ни о чемъ;
Мущины ваши здѣсь игрушки,
Швыряйте ими какъ мячемъ!
А мнѣ простите, коль обидѣлъ
Прекрасной полъ картиной сей:
Я написалъ, что слышалъ, видѣлъ,
И нѣтъ тутъ выдумки моей.

*

Прошли мои весенни годы,
Уже я къ осени лечу;
Терпѣлъ я сердца непогоды,
И успокоиться хочу.
Уважить женщинъ — чту закономъ;
Почесть — обязанъ ихъ всегда;
Служить имъ — радъ всѣхъ силъ съ урономъ;
Любить — хоть тресну — никогда.

Балъ.

Былъ на праздникѣ огромномъ,
Что намъ Принцъ вчера давалъ,
И въ кругу людей отборномъ
Своей любушки искалъ.
Тамъ по всѣмъ угламъ совался,
Встрѣтить взоръ ея хотѣлъ;
То сквозь кучу къ ней бросался,
То ни съ мѣста я не смѣлъ.

*

Чтожъ такое въ насъ родится,
Когда любимъ мы кого?
Гдѣ весь городъ шевелится,
Тамъ намъ сплошь ни до чего.
Куда глазъ своихъ ни кину,
Все богато, все свѣтло;
На всѣхъ вижу ясну мину,
Одному мнѣ тяжело.

*

Долголь будешь, страсть любовна,
Покорять сердца себѣ?
Ты лишь мучить ихъ способна,
А они все льнутъ къ тебѣ.
Хоть и видимъ, что мы гинемъ,
Идучи тебѣ во слѣдъ,
Но зажмурившись идемъ
Часто въ пропасть лютыхъ бѣдъ.

*

Я читалъ въ мой вѣкъ не мало,
Много слышалъ отъ людей —
Сколько умныхъ погибало
Отъ твоихъ, любовь, затѣй!
Часто разумъ мнѣ пѣняетъ:
Для чего я то терплю?
Сердце ноетъ, отвѣчаетъ:
Чтожъ мнѣ дѣлать — я люблю.

*

Да, люблю! — любить родился.
Не дышать хочу, лишь — жить!
Чегобъ въ свѣтѣ ни лишился,
Буду вѣчно я любить.
Пока жаръ любви безцѣнной
Будетъ каплю крови грѣть,
Я и въ участи стѣсненной
Буду рай на свѣтѣ зрѣть.

*

Долго, долго не случилось
Мнѣ сойтиться съ дорогой,
Долго сердце мое билось,
Долго духъ стѣснялся мой;
Вдругъ какъ молнія блеснула —
То былъ взоръ ея очей, —
Вспыхла кровь, душа вздохнула,
Ожилъ — и летѣлъ я къ ней.

*

Въ самомъ праздничномъ собраньи
Для любви есть мигъ вездѣ;
Передать свои вздыханьи
Нѣтъ помѣхи намъ нигдѣ.

Тутъ же тотчасъ я на балѣ
Съ ней къ сторонкѣ отошелъ,
И въ стихахъ на опахалѣ
Ей булавкой накололъ:

*

„Нѣтъ милѣй тебя на свѣтѣ
„Для меня нѣтъ ничего!
„Естьлибъ Царство зрѣлъ въ предметѣ
„Въ замѣнъ сердца твоего,
„Естьлибъ всѣ порфиры міра
„Мнѣ судьба сей часъ дала, —
„Моя любушка, хоть сира,
„Верьхъ надъ ними бы взяла.

*

„Сколько лицъ здѣсь суетится,
„Посмотри! я говорилъ;
„А никто не веселится:
„Всякой радъ, что день убилъ.
„Пустота, унынье, скука
„Право всѣхъ ихъ здѣсь губитъ;
„Безъ любви животъ нашъ мука,
„Безъ любви душа въ насъ спитъ."

*

Она слушать не стыдилась
Непорочныхъ сихъ рѣчей,
Безъ жеманства согласилась
Вѣрить истинѣ моей.
Я съ тѣхъ поръ въ блаженствѣ новомъ
Встрѣчу день и провожу,
Въ пути жизни сей суровомъ
Я занозъ не нахожу.

*

Съ той минуты благотворной
Отъ печали я ушелъ,
Молвя ей: слуга покорной!
Я къ блаженству слѣдъ нашелъ;
Веселъ всякою порою,
Жизнь моя утѣхъ полна,
Храмъ любви вседневно строю;
Богъ въ немъ — любушка одна.

Пиръ.

Ah! il n'est point de fête,
Quand le coeur n'en est pas.

Взманилъ меня на дняхъ знакомой малой вздорной
Въ деревню къ богачу на праздникъ пре-огромной:
Тамъ стерлядь, хвасталъ онъ, аршина въ полтора,
Къ тому же, говорилъ, живаго осетра
Съ курьеромъ во весь духъ изъ Волги при-тащили;
Вчера его при мнѣ въ садокъ здѣсь посадили;
Вина — хоть окунись — какого хочешь есть,
И словомъ, лишь былабъ охота пить и ѣсть,
А впрочемъ всякой тамъ найдешъ, чего же-лаетъ;
Гостямъ хозяинъ радъ, какъ Принцъ ихъ принимаетъ.
Я слушалъ и молчалъ, смѣкая самъ съ собой:
Ни крошечки нелживъ дѣтина дорогой.
За чѣмъ поѣду я обѣдать въ дальни гости?
Верстъ тридцать отъ Москвы ломать на-прасно кости
Нѣтъ нужды никакой; а естьли сила въ томъ,
Чтобъ стерлядь запивать диковиннымъ ви-номъ
И въ кучѣ разныхъ лицъ незнаемыхъ ша-таться,

То право лучше мнѣ въ своей семьѣ остаться.
Дворянской нашъ базаръ меня ужь не дивитъ,
А кашею крутой я также буду сытъ.
Но вдругъ поѣхать съ нимъ мнѣ что-то
разсудилось,
Иль пуще отъ того, что мнѣ въ тотъ день
сгрустилось.
Рѣшился, такъ и быть, поѣдемъ! я ска-
залъ,
И цугомъ заложить коляску приказалъ.
Пока мой экипажъ къ походу снаряжался,
И Колобовъ (*) какъ бѣсъ по всѣмъ избамъ
прощался —
(У всякаго своя приманка въ свѣтѣ есть:
Любовь не все одну боярску холитъ честь,
Не все она къ одной прекрасной тянетъ рожѣ;
Бродяга часто въ ней поспоритъ и Вельможѣ.
А что до красоты, то свѣтъ давно пустилъ
Пословицу въ Руси: не по хорошу милъ,
А по милу хорошъ) — и такъ, пока впрягали,
Намъ просто безъ затѣй завтракать со-
брали;
Мы, съѣвши хлѣба край, хлебнули молочка.
Прекрасенъ былъ тотъ день — ни тучь,
ни облочка;
Посовѣстившись брать съ собой въ дорогу
книжку,
Отъ голоду въ запасъ взялъ Вяземску ка-
врижку.
Не риѳму здѣсь хочу для книжки прибирать —
Нѣтъ; истинно люблю я пряники жевать.

(*) Слуга мой.

Межъ тѣмъ уже въ подъѣздъ коляску подвозили;
Мы прыгъ въ нее тотчасъ — тряхнули — покатили
Безъ цѣли тридцать верстъ скакать, Богъ вѣсть за чѣмъ.
Едваль, опричь меня, случалось это съ кѣмъ?
Ахъ! естьлибъ я умѣлъ здѣсь живо и прекрасно
Перомъ то написать, что мнѣ моголъ всечасно
Товарищь на пути . . . увѣренъ бы я былъ,
Что повѣстью такой и мертвыхъ разсмѣшилъ.
Лишь сѣлъ и закричалъ: пошелъ! Какъ тихо ѣдемъ!
Мы эдакъ никогда до мѣста не доѣдемъ. —
Помилуй! пять минутъ лишь только со двора. —
Какое пять минутъ! часа ужь съ полтора. —
Фу! что за пекла здѣсь! нѣтъ мочи — задушился!
Вели спустить хоть верьхъ. — Ты очень запалился. —
Пожалуй прикажи! — Слуга лишь соскочилъ;
Постой, постой! — Что тамъ? — Я тросточку забылъ. —
Не ужь-то намъ за ней турить домой лакея?
Добро, ужь такъ и быть — пошелъ, да поскорѣя.
Отъѣхали сажень; — ай! ай! вотъ косогоръ; —
Коляска на боку. — Пустое, братецъ, вздоръ! —
Вотъ такъ-то онъ блажилъ, а я все съ нимъ чинился.
Наскучилъ мнѣ сумбуръ, и я за умъ хватился:

Не слушалъ ничего, что далѣе ни вралъ.
Ахъ, Боже мой! какъ онъ меня тогда залгалъ!
Вѣстей не есть конца, — всего и всѣхъ коснулся;
Скакали три часа, хоть въ словѣ бы запнулся;
Де пуще-то всего онъ тѣмъ мнѣ надоѣлъ,
Что сряду двухъ минутъ въ покоѣ не сидѣлъ:
Какъ живчикъ, — то и знай въ колягкѣ онъ вертится;
Вдругъ крикнетъ: ну, пошелъ! — вдругъ: дай остановиться!
Тамъ кочка, сямъ бугоръ — ой! вывалятъ тотчасъ;
Подъѣдемъ ли къ рѣкѣ, — прости, уходятъ насъ!
Я только что спрошу, когда заколобродитъ:
Да частоль на тебя такая дрянь находитъ?
Какъ стали мы къ селу верстъ на пять подъѣзжать,
Постойте! закричалъ. — Когда теперь стоять!
Что тамъ Богъ далъ еще? — Вонъ въ рощѣ незабудка;
Сорви ее, слуга! — И! полно, что за шутка!
Не слушайтесь его! я людямъ закричалъ,
И кое-какъ въ село къ обѣду прискакалъ.

Оправились, взошли. — Въ прекраснѣйшемъ строеньи
Художества вездѣ находимъ превращеньи.
Хозяинъ изъ за картъ à bras ouverts бѣжитъ;
Хозяйка на софѣ разнѣжившись лежитъ.
Французскихъ слова два она намъ отпустила;

Товарищь мой тотчасЪ. АхЪ! какЪ у васЪ
все мило!
Мы видимЪ возлѢ васЪ ОлимпЪ среди полей.
И подлинно тогда набѢгЪ кЪ нимЪ былЪ
гостей:
Иной кричитЪ бостонЪ, иной сампрандру
проситЪ;
ТотЪ пѢсенку поетЪ, другой стихи подноситЪ;
ФранцузовЪ, НѢмчуры, — безчисленной народЪ,
По всѢмЪ угламЪ торчитЪ иноплеменный збродЪ.
Товарищь мой ко всѢмЪ сЪ привѢтствомЪ
подбѢгаетЪ;
Инаго руку жметЪ, другаго обнимаетЪ.
ДѢвицЪ прекрасныхЪ строй, любезныхЪ жен-
щинЪ тьма,
И былобЪ, можетЪ быть, сЪ чего сойтить
сЪ ума;
Но, кЪ щастью моему, умЪ дома я оставилЪ,
А сердце на житье кЪ РаидѢ я отправилЪ,
И тутЪ среди гостей вздохнулЪ обЪ ней тогда:
СЪ ней розно не могу быть веселЪ никогда.
Пошедши на балконЪ окинуть глазомЪ виды,
Нечаянно нашелЪ вЪ диванѢ Аониды,
РаскрылЪ — мой первой взорЪ Парашу по-
встрѢчалЪ:
ПодЪ именемЪ ея тебя тогда мечталЪ.
Раида! не страшись вЪ пріязни ты измѢны;
ВсѢ пали предЪ тобой Параши Селимены.
ДругЪ дома между тѢмЪ, гляжу, ко мнѢ ка-
титЪ,
И двухЪ вЪ поддачу намЪ бостонщиковЪ та-
щитЪ.

Но двери настижъ въ залъ — когдажъ играть
сидиться ?
Народъ и повалилъ — давно всѣмъ стерлядь
снится.
Кувертовъ я у нихъ безъ мала со сто счелъ:
Какой огромной домъ! какой богатой столъ!
Покоемъ пребольшимъ хотя онъ былъ по-
ставленъ,
При всемъ томъ ихъ сервизъ не могъ быть
весь уставленъ.
Я подъ бокъ къ своему товарищу подсѣлъ.
Во весь обѣдъ звукъ трубъ и бой литавръ
гремѣлъ.
И рыбы, и мяса, и всякія приправы
Для пищи животамъ и зрѣнья для забавы
На блюдахъ въ два ряда носили вкругъ стола;
А стерлядь всѣмъ сама хозяйка раздавала.
Отъ пращуровъ у нихъ посуда та осталась,
Въ ломбардныхъ кладовыхъ досель не валялась.
Откуда ни возьми на пробу и на вѣсъ,
Добра со всѣхъ сторонъ, и лишнихъ нѣтъ
примѣсъ.
Попутчикъ мой вездѣ глазами восхищался,
Какъ самой тонкой пухъ на воздухъ поды-
мался;
А я молчалъ, какъ пень, и крѣпко лишь
тужилъ,
Что такъ не кстати путь я цѣлой день
убилъ.
Покушавши, когда немножко толще стали,
Другъ къ другу наклонясь, какъ мухи за-
жужжали;
Часъ отъ часу потомъ и громче и сильнѣй

Гость каждой рѣчь свою запѣлъ, какъ соловей:
Иной, схватя пирогъ, въ двѣ щеки уписаетъ,
И думаетъ, что онъ Моро на штыкъ сажаетъ;
Индѣичье крыло терзая тамъ другой,
Разсказываетъ всѣмъ про Магдональдовъ бой;
Надъ жирной ветчиной уѣздной Бушма прѣетъ,
И крайне о долгахъ Дворянскихъ сожалѣетъ;
Потягивая пуншъ, беззубыхъ двое тутъ,
Грустятъ, что скоро дни послѣдніе придутъ;
Никто ни съ кѣмъ ни въ чемъ не хочетъ быть согласнымъ,
А всякой свой доводъ считаетъ разпрекраснымъ.
Хозяинъ, чтобы вдругъ всѣ мысли согласить,
Спросилъ большой покалъ—и ну здоровье пить.
Онъ наше, мы его пока Шампанскимъ пили,
По нотѣ много лѣтъ намъ пѣвчіе сулили.
Потомъ со всѣхъ сторонъ пошли десертъ таскать.
Всего, что было тутъ, не льзя пересказать.
Желая истощить всей нѣги услажденья
И самыхъ тонкихъ чувствъ растрогать въ насъ движенья,
На арфѣ двухъ пѣвицъ заставили играть
И нѣжны голоса со звукомъ струнъ сливать.
Хозяйка между тѣмъ жеманяся непутно,
Болтала всякой вздоръ Французской поминутно;
Дѣвицы про себя: ты знаешь chez Pierrſohn
Препропасть навезли bonnets à la Nelſon.
И вотъ ужь — быть не льзя — тотчасъ вѣдь спорить стала;
А я вчера за нимъ нарочно заѣзжала. —

Поѣду же и я. — Сего дни ужь когда? —
Такъ завтра. — А какъ всѣ раскупятъ —
вотъ бѣда!
Какая здѣсь corvée! терпѣнья не достанитъ.
Нѣтъ! маменька меня впередъ ужь не заманитъ.
А маменька въ ушко сосѣдкѣ: Ахъ! мой свѣтъ!
Взгляни-ка, шепчетъ ей, не смялсяль мой корнетъ?
Чадъ винной между тѣмъ обьявши всѣ утробы,
Тронулись страсти въ насъ, вскипѣлъ въ устахъ ядъ злобы.
Мой хватикъ далъ сигналъ, возвыся первой тонъ;
Изчезли рѣчи всѣ — сталъ слышенъ ревъ и стонъ.
Хозяйка — Ah! j'ai peur! взвизжала и умчалась,
За нею дамъ толпа въ минуту разбѣжалась, —
И тутъ-то начался порядочной содомъ,
А люди то и знай, что всѣхъ поятъ виномъ.
Въ иномъ углу дрались, въ иномъ еще бранились;
Кой гдѣ гостей ужь нѣтъ — давно подъ столъ свалились.
За женщинами въ слѣдъ и я было урылъ;
Да пьяной мой сосѣдъ за фалду ухватилъ:
Постой! послѣ стола спектакль намъ покажутъ. —
Какой тебѣ спектакль; ужь въ лыко всѣ не вяжутъ.

Подъ эту рѣчь *Мортиеръ* (*), проснувшися со сна,
Дворецкому кричитъ: дай сладкаго вина!
Пристали всѣ рабы, съ попырокъ у рту пѣна;
Да пьянымъ, говорятъ, и море по колѣна.
Не вѣдаю, какъ я непьяной уцѣлѣлъ.
Мой хватикъ нагрузясь, едва уже сидѣлъ.
По рюмкѣ поднесли еще намъ дрей-мадеры, —
Тутъ новыя у всѣхъ родилися химеры:
Кто въ Шахи захотѣлъ, кто въ знатны Господа,
Кто хочетъ миліонъ имѣть рублей всегда,
Иной стрѣльнулъ въ Мадритъ съ Испанцами подраться,
Другой готовъ весь вѣкъ съ сосѣдями тягаться,
Тотъ весь Индійскій скарбъ въ баулъ свой положилъ,
А этотъ въ свой чуланъ Сераль перетащилъ:
Что разумъ, то расчетъ, что сердце, то желаньи.
Хозяинъ посреди сихъ пьяныхъ восклицаній
Ко мнѣ оборотясь: а вы, гость дорогой!
Чегобъ хотѣлось вамъ! — Домой, сударь, домой,
Отвѣтствовалъ ему я очень равнодушно. —
Такъ рано! — Да мнѣ здѣсь, помилуй Богъ, какъ скучно!
Пострѣлъ мой унимать: — пожалуй погоди,
На фейерверкъ ужо немножко погляди!
Такого, мнѣ повѣрь, не видывалъ вовѣки:
Фонтаны, бураки и пламенныя рѣки;

(*) Имя хозяина.

Съ Соборъ Успенской щитъ, и тысячь сто фузей. —
Ахъ! полно, братецъ, врать! По милости твоей
Я слышалъ ужь и такъ, какъ лжешь ты превосходно,
И далѣе съ тобой транжирить мнѣ несходно. —
Такъ я останусь здѣсь. — О! ты хоть до утра
Пожалуй пей и жди живаго осетра;
А мнѣ пора въ Москву. — Ни съ кѣмъ я не прощался;
Вскочилъ изъ-за стола, на цыпочкахъ убрался.
Не долго на крыльцѣ своей коляски ждалъ,
И въ городъ во весь духъ скакать я приказалъ.
Дорогой размышлялъ: вить есть же въ свѣтѣ люди,
Которы осетровъ хотятъ ловить на уды.
Къ Раидѣ прикатилъ, — Раиды милой взглядъ
И путь мнѣ и обѣдъ вознаградилъ стократъ.
Свободенъ отъ чиновъ, безъ всякихъ принужденій,
Блаженъ, когда могу ей дѣлать угожденьи!
Съ ней малъ и цѣлой день, съ другою длиненъ часъ.
И тутъ я испыталъ уже не въ первой разъ,
Что гдѣ мнѣ ни польстятъ къ утѣхамъ разны виды,
Ахъ, нѣтъ! я не могу быть щастливъ безъ Раиды!

1799й Годъ.

Le bonheur en une chimère
Tout fuit formé pour la douleur
Et le destin nom fit un coeur
Pour mieux ſentir notre miſère.

Еще промчали годъ, и новой начинаемъ!
Что было, то прошло; что будетъ, ожидаемъ.
Текутъ рѣкою дни одинъ другому въ слѣдъ:
То радость промелькнетъ, то туча грянетъ бѣдъ;
Какъ волны на водѣ, мигъ съ мигомъ соединиться
И вѣчности въ туманъ придутъ онѣ сокрыться.
Минута, жизни дробь! рѣзва ты и скора!
Далекъ отъ насъ тотъ день, которой былъ вчера.
О вѣчность! отъ тебя хоть я и не робѣю,
Но что такое ты, постигнуть не умѣю;
Гдѣ былъ твой первый пунктъ, гдѣ будетъ твой конецъ!
На что хотѣть узнать, что скрылъ отъ насъ Творецъ?
Покорствуя Ему въ безмолвіи глубокомъ,
Да будетъ всякъ изъ насъ своимъ доволенъ рокомъ.
Онъ времени велѣлъ придти, пройти, бѣжать,

А намъ опредѣлилъ пожить и умирать.
Премудрости своей Онъ свѣта руль оставилъ,
А смертнымъ повелѣлъ, собой чтобъ каждый правилъ.
Труднѣй сто кратъ свершить столь важный подвигъ намъ,
Труднѣе, чѣмъ познать кругъ неба, путь звѣздамъ.
Какъ вѣтры въ корабли, когда въ насъ страсти дуютъ,
И сердце не щадя, тѣснятъ, мятутъ, волнуютъ,
Блаженъ, кто самъ себѣ вскричалъ тогда: постой!
Отъ пропасти свернетъ и сохранитъ покой.
О семъ бы каждый день намъ думать надлежало;
Отъ опытовъ ума и сердцевъ тише стало.
Но, нѣтъ! лишь новой годъ Москвы,
Что всѣхъ заботитъ насъ? — Парикъ и — маскерадъ.
Игрокъ ли обыгралъ, кокетка ли плѣнила,
Или каррикатуръ на балѣ много было, —
Кричатъ: щастливый годъ! — Но что мнѣ до кого?
Спрошу теперь себя, спрошу я самого:
Поживши тридцать лѣтъ во храминѣ стѣсненной,
Я, мѣлкой человѣкъ, забытый во вселенной,
Подобно какъ и всѣ, хоть лишній годъ прогналъ,
Умнѣй ли я другихъ, спокойнѣе ли сталъ?
Ахъ, нѣтъ! Я не солгу: какъ маленькія дѣти,

Обманами живу и вязну вЂ разны сЂти;
Не такЂ какЂ вЂ двадцать лЂтЂ, не вЂ самыхЂ тЂхЂ мЂстахЂ,
Иначе — но всегда запутанЂ вЂ суетахЂ.
По утру, какЂ КатонЂ, сЂ собою разсуждаю,
А днемЂ вЂ кругу красотЂ весь умЂ и толкЂ теряю.
О женщины, мой врагЂ! что сЂ вами дЂлать мнЂ?
БЂжалЂ бы, — да не льзя — я вЂчно вЂ западнЂ.
ОставимЂ мы любовь, источникЂ злоключенья,
ПосмотримЂ на плоды всеобща просвЂщенья:
УмнЂй ли нынЂ сталЂ не я одинЂ — весь свЂтЂ,
Хоть близокЂ онЂ кЂ концу не года лишь — ста лЂтЂ?
Взгляну ли вЂ мірЂ я на Царство колобродно,
ГдЂ свЂтЂ наукЂ блисталЂ донынЂ превосходно, —
Что вижу тамЂ? Царей любимыхЂ сверженЂ тронЂ!
Что слышу тамЂ? Верей темничныхЂ страшный звонЂ!
ТанталЂ и ИксіонЂ не такЂ, какЂ тЂ, страдали,
КоторыхЂ небеса Французу вЂ жертву дали.
ОнЂ, грады разоря, селенья остепилЂ,
И кровію гражданЂ Ѳемиды храмЂ кропилЂ.
ГдЂ мудрости его плодЂ зрЂлый и прекрасный?

Гіены зевъ на свѣтъ извергъ тебя, не-
щастный!
Ты Людвига убилъ! ты Бога не позналъ!
Осмнадцатый сей вѣкъ того ли ожидалъ, —
Тотъ славный вѣкъ для насъ, котораго въ
началѣ,
Уставши прилагать судьба печаль къ печали,
Петру вручила скиптръ — сей въ мужест-
вѣ колоссъ
Царямъ далъ ощутить, что значитъ силь-
ный Россъ?
Тотъ вѣкъ, въ которой благъ изящная при-
чина,
Великая въ Мужахъ, о Ты, Екатерина!
Прославя свой народъ, полсвѣта побѣдивъ
И звукомъ громкихъ дѣлъ всю землю оглу-
шивъ,
Не въ трепетѣ рабовъ пріятство зря короны,
Оградой Царскихъ правъ не чтя подвласт-
ныхъ стоны,
Душой, умомъ жила, и не мѣшала жить?
Но мнѣль моихъ Владыкъ достоитъ восхва-
лить?
Куда влечетъ меня перо мое свободно?
Лучь солнца разбирать Богамъ единымъ сродно.
Пристойноль воробью орлиной брать полетъ?
Гдѣ слава одного, другаго гибѣль ждетъ.
Херасковъ! лишь тебѣ дано съ орломъ рав-
няться,
Въ Поэзіи небесъ превыспреннихъ касаться,
Сограждань въ ней своихъ дивить и увѣрять,
Царей прямой хвалой безъ лести возвышать!
Вотще ревную я тебѣ въ воображеньи;

Я чувствами богатъ, но бѣденъ въ изъясненьи.
Не всякъ, кто стихъ сложилъ, въ Парнассѣ господинъ;
Тамъ карла никогда не будетъ исполинъ.
О! естьлибъ я тебѣ, Херасковъ, былъ подобенъ
И кистію твоей владѣть бы былъ способенъ,
Я пламеннымъ перомъ и въ радужныхъ чертахъ
Здѣсь Павла бы воспѣлъ, какъ солнце во Царяхъ!
Но нѣтъ! рука, и мысль, и духъ мнѣ измѣняютъ.
Сойду къ моимъ друзьямъ — тамъ новый годъ встрѣчаютъ.
Бѣги прошедшій прочь! — ты былъ для нихъ жестокъ;
Да снидетъ нынѣ къ нимъ благопріятный рокъ!
Тамъ пляшутъ безъ затѣй, бесѣдуютъ въ свободѣ,
Хоть жаль, что и у нихъ парикъ проклятой въ модѣ;
Но женщинамъ чего любезнымъ не простишь?
Смѣешься отъ ума — отъ сердца къ нимъ горишь.

Оттуда я въ мое семейство возвращаюсь;
Здѣсь рай души моей, здѣсь щастьемъ наслаждаюсь.
Любезная жена и дѣти всѣ въ глазахъ.
Спокойство и любовь! превыше вы всѣхъ благъ!

Я съ вами Января день первый начинаю,
Всещедрому Творцу моленья возсылаю,
Да щастливо свершитъ наставшій нынѣ годъ!
А щастливъ по моимъ понятіямъ здѣсь тотъ,
Кто совѣсти прямой, закону Божью внемлетъ,
Сообществъ не мутитъ и троновъ не колеблетъ;
Кто власти надъ собой разумно зная вѣсъ,
Предъ наглостью даетъ смиренью перевѣсъ;
Чиноначалья зря уставъ въ самой природѣ,
Отъ общихъ должностей не ищетъ быть въ свободѣ;
Кто всѣмъ благотворитъ, какъ можетъ, и когда;
Кто правду языкомъ и сердцемъ чтитъ всегда;
Кто, съ ней сообразивъ поступокъ свой пристойно,
Умѣетъ всѣмъ воздать, что каждаго достойно:
Тотъ щастливъ, тотъ блаженъ, тотъ міра красота!
Его, какъ и другихъ, потѣшитъ суета,
Потѣшитъ, — но прильнуть она къ нему не можетъ;
Улыбку въ немъ родитъ, а духа не встревожитъ.
Заботы отъ него бѣгутъ съ печалью прочь;
Ему не скученъ день, ему не страшна ночь.
Вотъ щастье! Я инымъ его не постигаю;
Себѣ и смертнымъ всѣмъ, какъ другъ, его желаю.

Весна.

Весны настали дни блаженны!
Ужь въ рощахъ соловьи поютъ;
Огнемъ природы оживленны,
Повсюду птички гнѣзды вьютъ;
Лучь солнца льдины проникаетъ,
Водамъ свободу вновь даетъ;
Струя съ струей въ рѣкахъ играетъ
И въ челнокахъ пловцовъ несетъ.

*

Врата столичны затворились,
Всѣ скачутъ жить по деревнямъ;
Съ театромъ, съ балами простились,
Обманъ наскучилъ ихъ очамъ:
Природа всякаго искуства
Художныхъ рукъ цѣннѣй стократъ.
Въ поляхъ все нѣжитъ наши чувства;
Въ Москвѣ все маска и нарядъ.

*

Въ бесѣдѣ дружеской, пріятной,
Помѣщикъ жизнь начнетъ вести;
Коварства чуждъ души развратной,
Онъ будетъ въ радостяхъ цвѣсти.
И тамъ онъ всякой день познаетъ,
Что щастья нѣтъ безъ простоты;
Что все, чѣмъ городъ ублажаетъ,
Ничто, какъ вздоръ и суеты.

*

Блаженъ, кто можетъ устраниться
И у кого есть уголокъ,
Куда придетъ онъ схорониться,
Столицу бросивъ на часокъ!
Мое село, мое имѣнье
Въ саду песчаномъ и пустомъ;
Но гдѣ любви есть услажденье,
Не нуженъ тамъ и Царской домъ.

*

Я здѣсь въ осьмидесятомъ лѣтѣ (*)
Младаго кедра посадилъ;
На немъ, чтобъ онъ мнѣ былъ въ предметѣ,
Я вензель милой нарубилъ.
Мой кедръ растетъ и зеленѣетъ,
И уже нынѣ въ лѣтній день,
Когда насъ солнце слишкомъ грѣетъ,
Онъ мнѣ даритъ прохладну тѣнь.

*

Расти, мой кедръ, и возвышайся,
Коснись главою облаковъ,
И твердымъ корнемъ расширяйся,
Готовь мнѣ къ старости покровъ!
Доколѣ живъ, приду вседневно
Къ тебѣ вздыханьями почтить
Я имя той, кого душевно
Любилъ и буду вѣкъ любить!

*

(*) Т. е. въ лѣто 1780 года, а не на моемъ 80 году отъ рожденія, какъ нѣкоторые подумали было, читая сіи стихи въ первомъ изданіи. О! нѣтъ, я надѣюсь, что Богъ избавитъ меня скуки дожидаться столь поздной кончины.

Еще вчера, при блескѣ лунномъ,
Самъ-другъ съ печалью здѣсь сидѣлъ,
И на органѣ пятиструнномъ
Игралъ, какъ лѣсъ вокругъ шумѣлъ.
Звукъ струнъ по вѣтру раздавался,
А я бесѣдовалъ съ луной;
Къ ней быстрымъ взоромъ устремлялся,
Дѣлился съ ней моей тоской.

*

За что, скажи, за что Зефира
Престала другомъ быть моимъ?
Давноль ей былъ милѣе міра,
До гроба чая быть такимъ?
Ужь ли она измѣну знаетъ?
Ужь ли, ни съ кѣмъ не бывъ равна,
Другимъ женамъ уподобляетъ
Ея невѣрность лишь одна?

*

Не страстенъ тотъ, кто увѣряетъ
Въ любви лишь клятвою одной,
Котору вспыльчивость раждаетъ,
Волнуя въ юности покой.
Любовь не клятвы громкимъ словомъ
Въ сердцахъ чувствительныхъ растетъ;
Но нѣжнымъ вздохомъ, томнымъ взоромъ
Она въ нихъ дѣйствуетъ, живетъ.

*

Нѣтъ пользы хитры выраженья
Съ трудомъ стараться находить,
Чтобъ сердца страстны возмущенья
Своей любезной изъявить.
Люблю тебя, сказавъ Зефирѣ,
Я все, что чувствовалъ, вѣщалъ;

Когда бы зрѣлъ ее въ порфирѣ,
Я право тожъ бы ей сказалъ.

*

Хотя; какъ прочіе, съ богами
Тебя, Зефира, не сравню;
Но вѣрь, что сердцемъ и устами
Тебѣ, мой другъ, не измѣню.
Играть любовію не смѣю
Предъ тѣмъ, кого я не люблю;
Сей даръ небесъ я чтить умѣю,
Во зло я не употреблю.

*

Но тщетно я къ тебѣ взываю,
Луна, нещастныхъ другъ прямой!
Зефиры тѣмъ не возвращаю;
Зефиры нѣтъ нигдѣ со мной.
Померкни, блѣдное свѣтило!
На вѣкъ затмися для меня!
Что можетъ быть мнѣ въ свѣтѣ мило,
Когда Зефира не моя?

*

Она меня позабываетъ,
Со мной здѣсь рядомъ не сидитъ;
Ужь голосъ мой ее пужаетъ
И жертвы сердца не цѣнитъ.
А я, любя ее всѣхъ болѣ,
Приду и завтра тосковать,
Отрадой чтя въ моей злой долѣ
Дражайшій вензель лобызать.

Мои имянины.

Въ отечествѣ Гречанъ есть островъ, или
бывалъ,
Въ которомъ, — коль тому повѣрить, что
читалъ,
И что Анахарсисъ объ немъ намъ утверж-
даетъ, —
Осьмое Мая всякъ Діанѣ посвящаетъ.
Делосомъ былъ онъ званъ, а Дьяной названа
Со времени боговъ языческихъ луна.
Луна, изъ всѣхъ свѣтилъ нѣжнѣйшее свѣтило,
Которое сердцамъ чувствительнымъ такъ
мило!
Вездѣ ты въ нихъ найдешь и жертвы и олтарь;
Ты ночью идолъ душъ и мыслей нашихъ царь.
Позволь сей самой день, полночная планета,
Живущему совсѣмъ въ другомъ предѣлѣ свѣта
День имянинъ моихъ тебѣ же подарить!
Кому могу его пристойнѣй посвятить,
Какъ не тебѣ, луна, нещастныхъ благодѣтель,
Заря идущихъ въ путь—безмолвныхъ чувствъ
свидѣтель,
Уединенныхъ другъ, врагъ шума, суеты,
Очей слезящихъ свѣтъ, богиня чистоты!
Да естьлибъ ты была хоть пунктъ малѣй-
шій въ мірѣ,
Любилъ бы и за то, что нравишься Глафирѣ.
Что мило для нее, то мило для меня;
Отъ склонности ея раждается моя.

Не въ Греціи одной, вездѣ твой лучь сіяетъ;
Онъ хижину равно съ чертогомъ озаряетъ.
Вельможа въ городахъ, въ степяхъ мужикъ простой,
Равно просвѣщены, равно живутъ съ тобой.
На что воображать, что я въ чужомъ народѣ?
Найду тебя и здѣсь; оно въ моей свободѣ.
Поставить не могу великолѣпной храмъ;
Природа развѣ здѣсь не та же, какъ и тамъ,
Предъ свѣтомъ тѣхъ круговъ, въ которыхъ ты сіяешь,
Откуда томной лучь къ намъ долу посылаешь?
О! сколь ничтоженъ видъ огромныхъ тѣхъ трофей,
Что зиждетъ въ честь богамъ художество людей!
Мой садъ да будетъ храмъ твой, жертвы приношенье —
Любви чистѣйшій огнь, — восторгъ ума — служенье!
Узрю Діану тутъ не въ дѣлѣ нашихъ рукъ,
Но въ истинѣ самой, и звѣздъ мильіоны вкругъ,
Не мысленной лишь взоръ, покорствуя обману,
Къ изваянну простру нѣмому истукану.
Хотя со мною здѣсь и Аполлона нѣтъ,
Все то же, — у меня Хераскова портретъ.
Но прежде, чѣмъ мой взоръ въ Діану углубится,
Уставу естества я долженъ покориться,
И до вечера день въ мірскихъ обрядахъ гнать,
Несносную толпу гостей увеселять;
Привѣтствовать того, кто больше прочихъ знатенъ,
Въ объятія принять, кто вовсе непріятенъ;

Принудить чувства, мысль, придумать разговоръ,
Пріязни взявши видъ, болтать красивой вздоръ.
О солнце! ты свѣтло; но какъ съ тобою скушно!
Далеко — студено; вблизи — чрезмѣрно душно.
Хоть выгоды твои я прежде защищалъ
И долго за тебя противъ луны стоялъ;
Но женщины съ умомъ доводомъ убѣдился,
И общимъ съ ней къ лунѣ пристрастіемъ плѣнился.
Приличья права нѣтъ несноснѣй ничего,
И бѣдной какаду (*) мой чувствуетъ его:
При людяхъ выходить изъ клѣтки вонъ боится;
Онъ видитъ все чужихъ, и въ робости дичится,
Не смѣетъ на плечо ко мнѣ бѣднякъ летѣть,
Ни крылышкомъ взмахнуть, ни пѣсенки пропѣть.
Лишь солнце въ бездну водъ уставши погрузится,
Огнемъ его слѣдовъ весь западъ озарится,
Приду въ мой садъ одинъ сказать тогда лунѣ:
Діана, милой гость! спѣши теперь ко мнѣ!
О небо! отведи отъ вечера ненастье,
Не возмущай мое минутное ты щастье!
Все скрылось отъ меня, мнѣ чуждъ сталъ цѣлой свѣтъ,
Воздыханіямъ моимъ свидѣтелей здѣсь нѣтъ.
Пріятной тишиной всѣ чувства упоенны,
Уймите быстрой бѣгъ, минуты драгоцѣнны!
Явись на горизонтъ и стань въ свой чинъ, луна!

(*) Какаду называется одна изъ Американскихъ птицъ, близкая къ роду попугаевъ.

Ужь близокЪ часЪ ея — ужь близокЪ. —
ВотЪ она!
МнѢ мнится, я живу одинЪ вЪ пространствѢ міра:
ВЪ глазахЪ моихЪ луна, вЪ душѢ моей Глафира, —
Глафира, коей ты мила, такЪ какЪ и мнѢ,
И кою, можетЪ быть, ты зришь наединѢ
ВЪ сей часЪ, вЪ сей самой часЪ, когда по ней вздыхаю,
Вселенну всю забывЪ, обЪ ней лишь помышляю.
О! естьли вмѢстѢ сЪ ней мы на тебя глядимЪ,
Какой и чей восторгЪ сравняется сЪ моимЪ?
Ты скажешь ей, луна, моей любви всю силу,
ПовѢдаешь ей мысль и пѢснь мою унылу,
Что вЪ жизни безЪ любви — лишь скука, тягота,
ОбмановЪ опытЪ злой, соблазновЪ суета.
Безстрастный человѢкЪ сЪ досадой неразлучно
ЖиветЪ, какЪ хищный звѢрь, разсѢянно и скучно;
Пристанища ему вЪ природѢ нѢтЪ нигдѢ,
Вселенна для него могилою вездѢ;
ИзЪ мѢди вЪ немЪ душа, на сердцѢ горы льдины,
И кЪ радостямЪ себѢ ни вЪ чемЪ не зритЪ причины.
О, нѢтЪ! сЪ Глафирой я не чувствую того;
Не вЪ тягость мнѢ по ней вздохЪ сердца моего.
Грустналь о чемЪ она — я сЪ нею огорчаюсь;
Обрадованаль чѢмЪ — я сЪ нею восхищаюсь.
Твои здѢсь, ПиѳагорЪ, напомню я слова:
Мы сЪ другомЪ ни одни, мы сЪ другомЪ и не два.

О тайное друзей сердечныхъ отношенье!
Чье можетъ постигать тебя воображенье?
Не станетъ ни чьего искуственна пера
На то, чтобъ изъяснить величество добра,
Которое Творецъ съ начала еще вѣка,
Всѣ слабости щадя скудельна человѣка,
Во сладостяхъ любви взаимныхъ показалъ
И въ нихъ, что будетъ рай, предчувство-
вать намъ далъ.
Я зрю сей рай среди вещественнаго міра:
Небесной создалъ Богъ — земной творитъ Гла-
фира.
Доколь моя любовь угодна будетъ ей,
Доколь ея душа приближится къ моей,
Дотолѣ всяку ночь приди ты, мѣсяцъ ясный,
Животворить мой садъ, тобою лишь прекрас-
ный!
И праздникъ мой тебѣ и будни я дарю;
Всегда я въ торжествѣ, когда Діану зрю.
Лучамъ твоимъ въ предметъ мою поставлю
лиру,
Взыграю — воспою Боговъ — любовь — Глафиру.
Не ратныхъ силъ успѣхъ прославлю я на ней;
Такъ много славятъ ихъ на свѣтѣ безъ моей.
А къ вечеру, когда отъ солнечнаго всхода
Закатишься въ лѣса, куда влечетъ природа,
Гдѣ ждетъ тебя въ свои объятья Эндимьіонъ,
Тогда, узнавъ и я убогой лиры звонъ,
Приду къ себѣ домой, и въ сладкомъ утом-
леньи
До утра обтеку Морфеевы владѣньи;
Оттуда возвратясь, тѣмъ день начнется мой,
Что буду вновь желать увидѣться съ тобой.

Осень.

День началъ убывать, — простился я съ весною;
Вздохнулъ ей тяжко въ слѣдъ и такъ вѣщалъ
съ собою:
Сирены отцвѣли, весна какъ мигъ прошла,
Любезная моя погода отошла,
И игры унося съ собой воображенья,
Лишила чувства всѣ сладчайша восхищенья!
Три мѣсяца въ году весенними слывутъ;
Но часто ли они всѣ ясными живутъ?
Изъ возраста въ другой такъ наша жизнь
проходитъ,
На кругъ годичной все столѣтіе походитъ.
Ахъ! естьлибъ, отъ суетъ свободной человѣкъ,
Изчислить захотѣлъ, великъ ли его вѣкъ,
И внесъ бы въ свой итогъ тѣ скорбныя го-
дины,
Въ которыхъ онъ страдалъ подъ гнетомъ
злой судьбины,
Тогда-то бы позналъ всю истину тѣхъ словъ,
Которы произнесъ старинный Философъ:
Мнѣ семдесятъ ужь лѣтъ природа насчитала,
Но щастливыхъ лишь семь судьба въ нихъ
даровала;
А прочихъ шестьдесятъ совался, хлопоталъ,
Былъ нуждами стѣсненъ, въ недугахъ возды-
халъ.
Какъ правильно для всѣхъ такое изреченье!

Оно раждаетъ въ насъ полезно размышленье.
О Мужи древніе! о твердые умы!
Какія истины у васъ встрѣчаемъ мы!
Вы свѣтомъ насъ прямымъ разсудка озарили,
Правдиво мысля вы, правдиво говорили,
И истины, что вамъ случалося познать,
На опытѣ самомъ любили показать.
Хоть общая молва твердитъ во всей вселенной,
Что нынѣ-де вездѣ народъ сталъ просвѣщенной,
Я признаковъ того нигдѣ не нахожу,
Хоть зорко на людей вокругъ себя гляжу.
У дѣдовъ назади во многомъ мы остались
И всуе льстимъ себя, что съ ними поравнялись.
Кто нынѣ, на примѣръ, рѣчь сильну сочинитъ,
Какою Цицеронъ бывало возгремитъ?
Кто мысли такъ свои прекрасно въ риѳмахъ свяжетъ,
Какъ древній тотъ Пѣвецъ Енея намъ укажетъ?
Дерзнетъ ли кто себя съ Сократомъ поравнять?
Кто твердостью готовъ Камиллу подражать?
Кто такъ, какъ Аристидъ, по правдѣ побораетъ?
Къ отечеству въ любви кто такъ, какъ Регулъ, таетъ?
Или, какъ Сципіонъ, красавицу въ плѣнѣ взявъ,

Лѣтъ въ 20 съ небольшимъ страсть нѣжну обуздавъ,
Кто сниметъ такъ, какъ онъ, невольничьи оковы
И узницу отдастъ въ объятья жениховы?
Кто почестямъ мірскимъ такъ мало будетъ радъ,
Какъ Царство получивъ на пашнѣ Цинцциннатъ?
Кто, пользою своихъ соотчичей плѣняся,
Пожертвуетъ имъ всѣмъ, и смерти не страшася?
Сыщите между насъ и Сюлліевъ портретъ.
Увы! такихъ гражданъ на свѣтѣ больше нѣтъ!
Мы Минина вѣнчать умѣемъ похвалами,
И Долгорукова похвастаться дѣлами;
Но людямъ и странамъ что пользы отъ похвалъ,
Когда примѣрамъ ихъ никто не подражалъ?
Мы блесками ума на пиршествахъ любезны,
Тѣ подвигомъ души бывали намъ полезны;
Во дни свои себя заставя уважать,
Умѣли образцемъ и въ наше время стать.
Но дурны стали мы, и дурны чрезвычайно!
Зло было изкони, но было лишь случайно;
А нынѣ вообще противно всѣмъ добро.
Не честь владыка нашъ, но злато и сребро.
Но, ахъ! въ какое думъ собраніе плачевно
Влечетъ меня временъ позорище вседневно?
Сиренъ завялыхъ видъ удобенъ ли раждать
Унылу столько мысль и духъ такъ волновать?
Одна весна прошла, такъ чтожъ? и годъ промчится,

И новою весной шалашъ мой озарится,
Сирень моихъ кусты опять здѣсь разцвѣтутъ.
Все такъ... Но будуль я тогда?... и будуль
тутъ,
Гдѣ Геній мой теперь меня отъ золъ спасаетъ,
Щадитъ мою жену и нашихъ чадъ питаетъ,
Гдѣ цвѣтъ, послѣдній цвѣтъ сирень моихъ
щиплю,
Гдѣ всю вокругъ себя природу я люблю?
Услышуль тѣхъ же птицъ, чьимъ голосомъ
плѣняюсь,
Увижуль тѣ струи, въ которыхъ я купаюсь?
Кто скажетъ это мнѣ: доколь весна придетъ,
Какъ много здѣсь воды дотолѣ утечетъ?
О Боже! Ты мои вздыханія изчисли!
Всѣхъ смертныхъ предъ Тобой желанія и мысли.
Не долгой вѣкъ прошу, но краткой въ тишинѣ,
Чтобъ ясной жизнь моя подобилась веснѣ;
Чтобъ жилъ всегда я тамъ, гдѣ дни мнѣ не
постылы;
Чтобъ видѣлъ тѣхъ людей, которы сердцу
милы;
Женѣ моей, друзьямъ чтобъ дорогъ былъ
всегда;
Сирены чтобъ мои не вяли никогда;
Чтобъ мѣру лѣтъ свершивъ Тобой опредѣ-
ленну,
Безъ ужаса сію оставилъ я вселенну,
И чтобъ потомокъ мой, увидя гробъ мой,
рекъ:
Ахъ! жаль его! онъ былъ хорошій человѣкъ!

Спасибо 1799 году.

Шумитъ потокъ временъ и бездна лѣтъ иг-
раетъ,
Осьмнадцати вѣковъ Сатурнъ конецъ свер-
шаетъ;
Ужъ перваго числа послѣдня Января
Коснулась нашихъ вѣждъ студеная заря.
Московскимъ красотамъ въ пріятныхъ гре-
захъ снится,
Что щастіе чѣмъ свѣтъ въ боскеты къ нимъ
свалится.
Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, уже задатокъ взятъ:
Сего дни имъ даютъ театръ и маскерадъ.
А я при встрѣчѣ сей годичныя денницы
Мечтаніямъ моимъ опредѣля границы,
Творца благодарю, благодарю сто разъ
За то, что новый годъ дошелъ еще до насъ;
Что старой провели спокойно и здорово,
Прогнавши то, что въ немъ казалось намъ
сурово.
Но естьли онъ умчалъ и скуку и печаль,
То сколькожъ и такихъ минутъ, которыхъ
жаль!
По свойству моему впередъ не устремляться,
О прошломъ сожалѣть, а сущнымъ наслаж-
даться,
Пожду, пожду еще я новой годъ хвалить;
Посмотримъ, какъ его удастся намъ прожить.

Пускай на громкой ладЪ во всЂхЪ языкахЪ міра
Піитовъ вЪ днешній день настроенная лира
Гремитъ, плЂнясь его лишь новостью одной,
Что онЪ-то кЪ намЪ несетЪ АстреинЪ вЂкЪ
златой;
Что вЪ каждомЪ его днЂ кЪ намЪ благЪ рЂка
польется;
Что мірЪ весь безЪ меча и крови уживется;
БезЪ дару Судія невинность защититЪ,
Пристрастіе уйметЪ, злодЂйство сокрушитЪ;
Что будутЪ люди тЂмЪ, чЂмЪ вЂчно не бывали —
БезЪ желчи и страстей, животЪ ихЪ безЪ
печали;
И, словомЪ, пусть сулятЪ, что осмисотой годЪ
Во агнцевЪ превратитЪ лукавый смертныхЪ
родЪ:
А я тебя пою, о время дорогое!
Прими, прошедшій годЪ, хваленіе простое!
Хоть мраченЪ для меня на первыхЪ былЪ
порахЪ;
Но сколь вознаградилЪ вЪ послЂдующихЪ дняхЪ!
Ни быстрый бЂгЪ годовЪ, ни сами человЂки
ИзЪ памяти моей не изтребятЪ вовЂки
ТЂхЪ чувствЪ, вЪ которыхЪ далЪ ты сердцу
испытать,
Что жизнь могу и я во что нибудь считать.
Изчисля всЂ твои кратчайшія мгновенья,
СЪ веселыми сложивЪ печальны приключенья,
Когда я имЪ итогЪ сравнительной подвелЪ, —
О! сколь щастливымЪ я тогда себя нашелЪ!
Чего, вЪ единствЂ мнЂ взятому во вселенной,
Осталось захотЂть для доли совершенной?

Въ семействѣ жилъ весь годъ спокоенъ, безъ докукъ,
Съ женою не терпѣлъ мучительныхъ разлукъ;
Друзья мои со мной вседневно обращались;
Я ими, они мной всѣмъ сердцемъ занимались.
Любя стихи писать, съ Глафирой ихъ читалъ;
Изъ глазъ ея хвалы безцѣнны воспрималъ;
Восторгами любви питаясь несказанно,
Съ ея душой моя свыкалась безпрестанно.
Сокровищъ не имѣлъ въ хранилищахъ моихъ;
Но роскошь не любя, что было бы мнѣ въ нихъ?
Богатъ быть можетъ всякъ; доволенъ — кто умѣетъ,
Кто прихоть различить отъ нужды разумѣетъ.
Злодѣевъ не имѣлъ, или не испыталъ;
Болѣзненныхъ мнѣ ранъ никто не налагалъ.
Горой крутой не шелъ въ храмъ славы превысокой;
Тѣмъ лучше, — не боюсь свалиться въ ровъ глубокой
И гордости во мзду разбиться какъ стекло.
Тщеславіе меня къ бѣдамъ не увлекло.
Безвредною другимъ свободой наслаждался:
Игралъ своимъ перомъ, а въ праздники катался;
Въ прекрасны лѣта дни всѣ способы имѣлъ
Быть тамъ, и столько разъ, колико гдѣ хотѣлъ.
И такъ, коль то, что мы имѣемъ всѣ въ предметѣ
Подъ словомъ щастья здѣсь, коль вправду есть то въ свѣтѣ,

Признательно скажу, что для меня оно
Вѣ протекшій было годѣ нарочно создано.
Ахѣ! дорого бы далѣ, чтобѣ онѣ назадѣ вернулся
И вмѣстѣ бы со мной на свѣтѣ протянулся!
Но чтожѣ бы и тебѣ сказать мнѣ не польстя,
Новорожденное Сатурново дитя,
Дабы противѣ меня месть горьку обращая,
На верьхѣ главы моей бѣдѣ кучу созывая,
Не гнулѣ бы и меня, и тѣхѣ, кого люблю,
За то, что твоего предмѣстника хвалю?
Коль щастье ты мое продлить еще способенѣ,
Пожалуйста во всемѣ будь прошлому подобенѣ!

Приказъ швейцару.

Андрюшка! кинь топоръ! я въ знать тебя пустилъ,
Изъ Руских мужиковъ швейцаромъ окрестилъ.
Живи теперь въ сѣняхъ, опрятно одѣвайся,
Носи большую трость и шпагой величайся;
Будь ловокъ, будь учтивъ, умѣй сказать отвѣтъ,
И здѣсь вить ужь большой открылся нынѣ свѣтъ:
Всѣ по уши въ долгахъ, всѣ знаютъ толкъ въ уборахъ,
И купчикъ завелся каретой на ресорахъ.
Лишь только кто ко мнѣ пожалуетъ на дворъ,
Ты встрѣть его тотчасъ, вступай съ нимъ въ разговоръ.
А что кому сказать на разный спросъ придется,
Однажды навсегда инструкція дается:
„Для знатныхъ баръ меня во весь день дома нѣтъ;
„Пріятелей зови на дружеской обѣдъ;
„Купцамъ скажи, что я въ нихъ нужды не имѣю;
„Попамъ, что и безъ нихъ спастись одинъ умѣю;
„Приказныхъ и Судей къ мѣстамъ ихъ посылай;
„А нищихъ и сиротъ всегда ко мнѣ пущай."
Я требую, чтобъ ты былъ низокъ передъ ними;
Жалѣй о ихъ судьбѣ, и не ругайся ими:
Пускай, увидя твой привѣтливой пріемъ,

Пойдутъ они ко мнѣ, увѣрены въ моемъ.
Кто дряхлъ, кто притѣсненъ, кто пищи
не имѣетъ,
Того согнать съ двора никто да не посмѣетъ.
Намъ знатность, власть, чины Цари даютъ
на то,
Чтобы въ подданствѣ ихъ не бѣдствовалъ
никто;
Чтобъ люди, не страшась пить скорби ча-
шу люту,
Блажили свой удѣлъ на каждую минуту,
И нищему велятъ съ тѣмъ руку протянуть,
Чтобъ шагъ ихъ поддержать, а не въ оврагъ
столкнуть.
Я Князь не для того, чтобъ чваниться
породой,
Другой богатъ не съ тѣмъ, чтобъ жить со-
гласно съ модой;
На толь иной въ звѣздахъ, чтобъ камней на-
низать
И къ солнцу ими ставъ, какъ пряникомъ
играть?
Породою своей кто выситься желаетъ,
Благотворенью тотъ весь вѣкъ свой посвя-
щаетъ;
А кто лишь знатенъ тѣмъ, что знатной
носитъ санъ,
Тотъ прахъ предъ Божествомъ, предъ тро-
номъ истуканъ.
Андрюшка! бойся ты сказать: теперь
не время,
Тому, кто терпитъ золъ различныхъ тяж-
ко бремя.

Пріятноль мужику, вздыхая тяжело,
Дождаться у Судьи, чтобЪ вЪ спальнѢ разсвѢло?
Стоять вЪ его сѢняхЪ, покамѢстЪ онЪ проснется,
Причешетъ паричокЪ и кофею напьется?
Зимой мужикЪ озябЪ, а лѣтомЪ недосугЪ:
Собрать онЪ долженЪ хлѢбЪ, скосить онЪ долженЪ лугЪ.
КакЪ нѢжной сынЪ кЪ отцу вЪ обЪятія стремится,
ЛобзаніемЪ его вЪ немЪ сердце обновится,
ТакЪ точно и кЪ СудьѢ поселянинЪ бѢжитЪ.
Прямой Судья примѢрЪ вЪ Екатеринѣ зритЪ:
Ей всѢ часы равны, какЪ днемЪ, такЪ и средь ночи,
На пользы странЪ Ея всегда отверсты очи;
НещастливыхЪ судьбинЪ вЪ ея ДержавѢ нѢтЪ:
Ей Россы тѢмЪ должны, чѢмЪ долженЪ Богу свѢтЪ.

У многихЪ здѢсь господЪ, я знаю, что швейцару
ПриказЪ данЪ различать четверку, цугЪ и пару,
Провесть инаго вЪ верхъ, иному отказать,
Инаго за порогЪ передней не пускать;
Однако, чтобЪ швейцарЪ отЪ этаго разбору
Не сдѢлалЪ иногда какого нибудь вздору,
Купца не распознавЪ, за тѢмЪ что онЪ обритЪ,
Не молвилЪ бы вЪ расплохЪ, что баринЪ еще спитЪ,
То велѢно уже торгующу народу
Во всяку дверь входить дать полную свободу.

Хозяина любя отъ искренней души,
Несутъ къ нему на верьхъ чай, сахаръ и гроши;
А сей, пріемля даръ тихонько въ кабинетѣ,
Благодаритъ боговъ: не худо жить на свѣтѣ!
И вправду вить не льзя того грѣхомъ назвать,
Чтобъ Богу и Царю обоимъ вдругъ солгать.
Присяга въ старину считалась важнымъ дѣломъ;
А нынѣ все пустякъ, всѣ люди пишутъ мѣломъ:
Сего дня присягнулъ и крестъ разцѣловалъ;
На завтра обманулъ, обидѣлъ и укралъ.
Блаженъ, стократъ блаженъ, кто въ бѣдности почтенной
Судъ праведной творитъ, на мздѣ не положенной,
Кто чести смыслетъ вѣсъ и милости предѣлъ,
Кто истину судьей своихъ поставилъ дѣлъ,
Чье имя съ похвалой по стогнамъ раздается,
Отъ коего нигдѣ прискорбныхъ слезъ не льется!
Вотъ истинной мой другъ! вотъ я кого люблю!
Съ коварствомъ никогда водиться не терплю.
И что за прибыль мнѣ, что страхъ какой вельможа,
Отъ коего подъ часъ трещитъ на многихъ кожа,
Пріѣдетъ не ко мнѣ, а къ чину моему,
Вводитъ въ соблазны духъ и ставитъ сѣть уму?
Въ добрѣ ли отъ меня онъ ищетъ вспоможенья?
Ахъ, нѣтъ! ему мое лишь нужно преступленье.
Я совѣстью своей не жертвую страстямъ
И должность покорить не смѣю прихотямъ;

Ходатаевъ снискать злодѣйствами не жажду:
Предъ всей вселенной чистъ, хоть въ тѣсной нуждѣ стражду.
Случалось мнѣ видать — и право я не лгу,
Какъ знатной господинъ, согнувшись весь въ дугу,
Зывалъ къ себѣ въ село Судей уѣздныхъ кушать;
По нуждѣ, хоть не радъ, готовъ ихъ вздору слушать;
Вина имъ рѣки льетъ, подноситъ тьму плодовъ,
И смучилъ цѣлой полкъ Французскихъ поваровъ;
Про дѣло имъ свое съ доводами толкуетъ,
И каждому въ карманъ подарки разны суетъ.
Вся челядь вдругъ ему въ одинъ вѣщаетъ гласъ:
Хоть дѣло и съ душкомъ, но мы оправимъ васъ. . . .
Металлъ! ты мудрецовъ коверкаешь душами,
Коробишь совѣсть въ нихъ и движешь всѣхъ умами!
Такъ можно ли хотѣть, чтобъ на чужой алтынъ
Чиновникъ безъ души не городилъ свой тынъ?
Судьи, обворожась сіяньемъ знатной славы,
Рѣшились портить вдаль свои худые нравы,
И правиломъ пріявъ Боярскія слова,
Смѣшали въ честь ему законъ и всѣ права.
А тотъ же господинъ, я самъ слыхалъ не рѣдко,
За тридевять земель такъ подчиваетъ ѣдко
Тѣхъ самыхъ, передъ кѣмъ, за что, чѣмъ ихъ язвитъ,

Съ поклоновъ и теперь еще спина болитъ.
На что же мнѣ съ такой почетной чернью
знаться,
И ядомъ льстивыхъ словъ на что мнѣ упи-
ваться?
Чѣмъ выше на степень входящихъ я видалъ,
Тѣмъ больше къ нимъ мое почтеніе терялъ.
Злодѣйство назовутъ они предразсужденьемъ,
На скорбь и тѣсноту глядятъ съ пренебре-
женьемъ.
Какъ рѣдко сердце въ нихъ займетъ благой
предметъ,
Иль сроднику помочь, иль другу дать совѣтъ!
Онъ самъ все для себя. Разруша связь природы,
Запутался въ цѣпяхъ мечтательной свободы;
Всѣ средства хороши, невинны для него,
Лишь толькобъ удалось, желаетъ онъ чего.
Отъ гнусныхъ дѣлъ стыда въ лицѣ его нѣтъ
краски;
Съ женою и съ дѣтьми, съ глухими даже въ
маски.
Андрюшка! въ толкъ возьми, что я тебѣ
сказалъ,
И рабски исполняй, что я ни приказалъ.
На водку за докладъ просить не покушайся,
Не трися вкругъ мѣщанъ, съ купцами не як-
шайся;
Будь по просту холопъ. Не мысли никогда,
Кого бы въ кабинетъ пустить ко мнѣ когда:
Проситель ни въ какой мнѣ часъ не помѣ-
шаетъ;
Онъ нужду обьяснивъ, не медля отъѣзжаетъ.
А въ гости никого къ себѣ я не зову;

Не чванства ради здѣсь, по должности живу.
За чѣмъ ко мнѣ придетъ охотникъ до попойки?
Что дѣлать и тому, кто вѣкъ сидитъ на двойки?
За чѣмъ того ко мнѣ нелегка понесетъ,
Кто всякой дрязгъ и вздоръ изъ дому въ домъ несетъ,
Кто скромности презря любезнѣйши уставы,
Какъ аспидъ злой, мутитъ сердца и портитъ нравы?
Сихъ качествъ человѣкъ соскучится со мной.
Бесѣду всякъ на вкусъ пріискиваетъ свой.
Довольно міра я плѣнялся суетою,
Довольно міру я давалъ играть собою;
Хочу отнынѣ впредь я жить уединенъ.
На балы торопясь, я меньше былъ блаженъ,
Чѣмъ нынѣ въ тѣ часы, въ тѣ сладкія минуты,
Когда, скорбящихъ душъ унявши вздохи люты,
Окончивъ тяжкой срокъ рекрутскихъ злыхъ часовъ,
Домой я прихожу свободенъ отъ трудовъ,
И бросившись къ женѣ, стократъ ее лобзаю,
А дѣтокъ вкругъ ее и тѣшу и ласкаю.
О сладкая стократъ замѣна тѣмъ пирамъ,
На коихъ я бывалъ не радъ и жизни самъ!
Съ почтеніемъ внималъ несвязную бесѣду,
Желая поскорѣй узрѣть конецъ обѣду;
Что въ мысли мнѣ вошло, сказать не могъ никакъ,
Коль не былъ я готовъ кричать со всѣми: такъ.

Что щастіемъ зовемъ, то разно всѣ толкуютъ,
И часто на судьбу напрасно негодуютъ.
Я въ добродѣтели блажество полагалъ;
Я въ ней его ищу, и въ ней всегда искалъ. —

Довольно!... Но уже.... какая - то карета
Пріѣхала на дворъ, и ждетъ слуга отвѣта;
Поди и поступай, какъ я тебѣ велѣлъ.
Мой жребій кабинетъ, а сѣни твой удѣлъ.

Конецъ второй Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Посланія къ анонимамъ.

Оглавленіе.

